И. А. КРЫЛОВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1954

И. А. КРЫЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текстов и примечания
А. Могилянского

И. А. КРЫЛОВ

В середине XIX столетия, накануне революционных бурь 1848 года Виссарион Григорьевич Белинский в своем последнем, предсмертном годичном обзоре с уверенностью писал о полной победе Гоголя и его последователей. В этой же статье, где задачи реализма обосновываются жизнью и насущными потребностями народа, в статье, пронизанной духом общественной борьбы и революционно-демократического протеста во имя угнетенных, Белинский обращается к истокам реализма в русской литературе, ищет и находит предшественников Гоголя среди русских писателей-реалистов XVIII и начала XIX века. Особое место в русской литературе он отводит своему старшему современнику, всего четыре года назад умершему — Ивану Андреевичу Крылову.

В Крылове Белинский видел великого предшественника Пушкина и Гоголя, в творчестве которого реализм впервые полностью торжествует над ограниченностью литературных теорий начала века и над предрассудками его многочисленных противников в ту пору, когда он был одинок в своей неистребимой тяге к народу и к художественно-правдивому воспроизведению народной жизни в поэзии.

Долгий и трудный путь пришлось пройти Крылову как художнику-реалисту, прежде чем он увидел вокруг себя торжество того направления в литературе, утверждению которого он отдал всю свою жизнь, весь свой великий талант.

Декабристы, Пушкин и Белинский еще при жизни Крылова признали его «Басни» образцом подлинно-народной литературы. Эта оценка явилась отражением небывалой в русской литературе того времени популярности басенного творчества Крылова среди всех слоев населения России. О всенародности славы Крылова Белин-

ский писал: «Честь, слава и гордость нашей литературы, он имеет право сказать: «Я знаю Русь, и Русь меня знает», хотя никогда не говорил и не говорит этого. В его духе выразилась сторона духа целого народа; в его жизни выразилась сторона жизни миллионов».[1] После смерти Крылова распространение его басен в русском народе продолжало возрастать и достигло апогея после Великой Октябрьской социалистической революции. Одновременно все шире знакомились с произведениями Крылова другие народы в пределах России и за ее рубежами. Уже в 1825 году Пушкин приветствовал появление парижского издания переводов басен Крылова на французский и итальянский языки.

«Басни» Крылова стали вершиной мировой басенной поэзии. Объясняется это не только гениальным художественным дарованием Крылова, но и тем, что он обобщил богатейшие художественные достижения русского реализма, в особенности русского сатирического баснетворчества XVIII и начала XIX веков.

Басни А. П. Сумарокова, В. И. Майкова и И. И. Хемницера, сатирическая журналистика 1769—1774 годов и особенно журналы Н. И. Новикова, творчество Д. И. Фонвизина и А. Н. Радищева — все это оказало серьезное воздействие на становление творческого метода Крылова.

По меткому определению Гоголя, «Басни» Крылова являются «книгой мудрости самого народа». Только глубоко народный талант, впитавший в себя идейное содержание передовой русской литературы XVIII века, мог создать такую книгу.

Мощный реализм басен Крылова и чрезвычайная насыщенность их злободневным политическим содержанием определили их место в развитии русской литературы нового, девятнадцатого века. Продолжателями дела Крылова явились Пушкин, Грибоедов и Гоголь.

I

Детство и отрочество Ивана Андреевича Крылова прошли в тяжелых условиях. Родился он в Москве, в 1769 году.[2] Андрей Прохорович Крылов, отец будущего писателя, был бедным армейским офицером, и семья разделяла все невзгоды его жизни. Успеш-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. СПб., 1901, стр. 266.

[2] Год рождения Крылова до сих пор достоверно не установлен. П. А. Плетнев, Я. К. Грот, В. Ф. Кеневич и В. В. Каллаш считали, что он родился 2 февраля 1768 года. Л. К. Ильинский и ряд новейших биографов высказались в пользу 1769 года.

ное продвижение войск Пугачева разъединило А. П. Крылова и его семью, испытавшую все тяготы жизни в осажденном Оренбурге. Отец маленького Крылова в это время участвовал в обороне Яицкого городка. С 1775 года семья Крыловых жила в Твери. После смерти отца в 1778 году семья существовала на скудные заработки юного Крылова, зачисленного подканцеляристом Калязинского нижнего земского суда еще в 1777 году, и его матери, читавшей молитвы над покойниками. Мать Крылова Мария Алексеевна оказала большое влияние на развитие сына и, в частности, приучила его к постоянному чтению и самообразованию. Крылов уже в отроческие годы изучил французский, а потом и итальянский языки. Многое свидетельствует о том, что будущий писатель горячо стремился к знаниям, и всю жизнь чтение восполняло недостатки его образования.

В 1782 году Крылов получил месячный отпуск и поехал в северную столицу искать лучшей доли. Уже и в это время он думал о литературной деятельности. Получив возможность поступить на службу в Петербурге и перевезти к себе мать с младшим братом, молодой Крылов начал постепенно проникать в театральные и литературные круги. В 1786 году, уже будучи автором ряда произведений, он начал печататься в еженедельном журнале Ф. О. Туманского «Лекарство от скуки и забот». 1 мая 1787 года Крылов был определен в число канцелярских служителей Горной экспедиции кабинета императрицы. Ведал Горной экспедицией в то время влиятельный П. А. Соймонов, руководивший одновременно и театрами. Крылов выполнял театральные заказы Соймонова, однако продвижению его пьес на сцену помешала ссора с драматургом Я. Б. Княжниным, сыгравшая значительную роль в жизни молодого писателя. Под влиянием этой ссоры отношения Крылова с Соймоновым, весьма ценившим Княжнина, испортились, и уже в 1788 году он был вынужден оставить свою службу в Горной экспедиции.

История взаимоотношений Крылова с прославленным в то время автором «Росслава» имеет не только узко биографический интерес. Перед нами типичный конфликт между представителями двух различных мировоззрений, различных социальных сфер. Провинциальный бедняк, демократ и радикал по убеждениям, столкнулся с либеральным барином, правоверным последователем классицизма сумароковской школы. Отсюда понятно то ожесточение, с которым молодой Крылов, полный сил и задора, нападает на Княжнина. Он говорит о неправдоподобности содержания и других пороках произведений драматурга, но самым главным и постоянным из обвинений Крылова было указание на подражательность трагедий Княжнина.

Поэтому в комедии-памфлете «Проказники» (1788) и ряде других произведений Крылова Княжнин фигурирует под именем Рифмокрада, «крадеными сочинениями» которого «завалены ныне все лавки и которые продаются нередко на вес для разносчиков на обертку овощей».

Комической оперой «Кофейница» (1783) — первым произведением Крылова для театра — началась его борьба с крепостным правом. Образы и отдельные мотивы из «Кофейницы» отразились в последующих пьесах («Сочинитель в прихожей» (1786), «Трумф») и прозаических сатирах Крылова.

Чрезвычайная резкость и карикатурность образов русских дворян характерна для «Бешеной семьи», «Проказников» и других позднейших пьес Крылова. Он несомненно следовал в них грубоватым и резким комедиям Сумарокова. Но литературные достоинства ранних комедий Крылова, не исключая и удачнейшей из них — комедии-памфлета «Проказники», значительно ниже творческих возможностей их автора.

К середине восьмидесятых годов относятся две трагедии Крылова, выдержанные в правилах классицизма. Первая из них, «Клеопатра», не смогла быть опубликована по цензурным условиям и до нас не дошла. В нашей науке высказывалось предположение, что «Клеопатра» была направлена лично против императрицы Екатерины II.[1]

Трагедия «Филомела» также разрабатывает политическую тему. Основанная на античном мифе, заимствованном Крыловым из шестой книги «Метаморфоз» Овидия, она трактует вопросы о моральной ответственности монарха перед народом и о политических правах народа. Образ фракийского царя Терея ближайшим образом продолжает галерею образов монархов-злодеев и монархов-тиранов, созданную к тому времени Сумароковым, Княжниным и Николевым.

В 1788 году Крылов начал сотрудничать в «Утренних часах» и особенно сблизился с И. Г. Рахманиновым, переводчиком Вольтера, Мерсье и других французских просветителей. В «Утренних часах» сатира носит довольно умеренный характер и строится большей частью на переводном материале. В следующем году они уже вместе издавали журнал «Почта духов», заимствовав для него внешнюю форму у сатирического журнала Федора Эмина «Адская почта», переизданного в 1788 году. Журнал составлялся не из отдельных

---

[1] А. В. Десницкий. Этюды о творчестве И. А. Крылова.— Ученые записки Гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. II. Л., 1936, стр. 179—217.

произведений, статей, заметок и переводов, как обычно было в XVIII веке, а из связанных между собой писем, что превратило его в целостное произведение. Основным автором и редактором «Почты духов» был Крылов. «Почта духов» прекратилась изданием в августе 1789 года, еще задолго до конца подписного года.[1]

«Почта духов» — одно из замечательнейших произведений русской сатиры XVIII века. Она теснейшим образом связана с сатирой Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина и продолжает их дело. Вопрос о паразитизме дворянства и бесчеловечности крепостничества поставлен в ней остро и ярко.

Прозрачная, условно литературная форма переписки «духов» давала Крылову самые широкие возможности для сатирического изображения жизни. Его «духи», а с ними и сам Крылов, проникают везде и всюду — с улицы во дворец вельможи, с базарной площади в суд, из модной лавки в будуар модной красавицы,— словом, у читателя «Почты духов» постепенно складывается подробное и отчетливое представление о жизни тогдашнего общества, и особенно господствующего сословия — дворянства.

Крылов в «Почте духов» выступает как продолжатель лучших традиций своих предшественников — Новикова и Фонвизина, но он не довольствуется повторением их мыслей, не ограничивается воспроизведением их идей. Крылов идет дальше — туда, куда направляет его русская жизнь, интересы и потребности народа. Галерея сатирических образов жестокосердных вельмож, судей Тихокрадовых, купцов Плуторезов, щеголей и щеголих Припрыжкиных, Бесстыд, Неотказ проходит по страницам «Почты духов».

Крылов не верит в возможность их перевоспитания, их исправления, обращения на путь добродетели. Он не верит, что в них может проснуться совесть и сознание гражданского долга. В них нет ничего человеческого, нет души, они «уподобляют себя несмысленным скотам». Одно из писем «духов» исследует «удивительное сходство» «чувств, склонностей и поступков петиметра и обезьяны» и устанавливает между ними совершенную тождественность.

Бездушные обезьяны и «несмысленные скоты» владеют живыми людьми, имеют право распоряжаться их жизнью и имуществом, могут делать с ними все, что им захочется, продавать и менять их, как собак.

---

[1] В 1794 году остатки ее тиража, вместе с другими изданиями Рахманинова, были опечатаны в его имении Казинке Козловского уезда Тамбовской губернии. В 1800 году сохранившиеся экземпляры были уничтожены по повелению императора Павла I.

С горечью пишет Крылов о презрении ко всему русскому, о слепом подражании нравам и модам, идущим из Франции. Но не «французское», как таковое, ненавистно Крылову,— ему отвратительно смотреть на русских дворян, усваивающих все худшие черты — аморальность, цинизм, опустошенность, характерные для французского дворянского общества предреволюционной эпохи. И в этой французомании Крылов видит проявление чуждости и враждебности дворянства народу.

Крылов — сатирик, яркий и убежденный представитель русской просветительской мысли XVIII века. Как просветитель, он исполнен ненависти к угнетателям народа, дворянам-крепостникам и к самовластию Екатерины II — первой русской помещицы.

«Крестьянин потеет и трудится целые годы, чтобы выплатить колесо богатой кареты или пуговицу с кафтана своего господина»,— говорит Крылов в повести «Ночи» (1792). В то же время он, именно как просветитель, все свои надежды на перемены к лучшему возлагает на просвещение общества, на избавление его от пороков, присущих дворянству, под влиянием примера общественного поведения одиноких пока еще носителей просветительского морально-нравственного идеала.

Сила и слабость просветительской мысли XVIII столетия с особенной наглядностью проявились в творчестве молодого Крылова в форме противоречия между силой отрицания, заложенной в его сатире, и слабостью, внеисторичностью, отвлеченностью его общественного идеала.

«Почта духов» определила идеологический облик Крылова и способствовала образованию вокруг него тесного кружка демократически и патриотически настроенных разночинцев. Члены этого кружка — А. И. Клушин, П. А. Плавильщиков и И. А. Дмитревский — в декабре 1791 года вместе с Крыловым создали договорное «товарищество» и приобрели, при содействии вышедшего в отставку Рахманинова, типографию. В феврале 1792 года начал выходить издававшийся товариществом журнал «Зритель», в котором были помещены наиболее замечательные антимонархические и антикрепостнические сатиры Крылова в прозе: повесть «Каиб», «Мысли философа по моде» и «Похвальная речь в память моему дедушке».

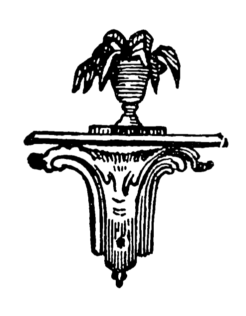
Членов кружка особенно сближала любовь к театру. Дмитревский был драматургом и крупнейшим драматическим актером того времени. С 1784 года он был постоянным литературным советчиком Крылова. Плавильщиков тоже был талантливым профессиональным актером и выдающимся драматургом. В 1790 году была поставлена его комедия «Бобыль» — наиболее значительное (наряду с драмой

С: ПЕТЕРБУРГСКІЙ

МЕРКУРІЙ,

ежемѣсячное изданіе
1793 года.

Часть Третія.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ типографіи И. Крылова съ товарищи,
1793 года.

Николева «Розана и Любим» и драмой Н. Н. Сандунова «Солдатская школа») произведение для театра из крестьянского быта за весь XVIII век. Клушин был автором комедий «Смех и горе» и «Алхимист».

«Зритель» появился после процесса и ссылки Радищева, во время нарастания революционного движения во Франции, и в русской журналистике того времени он выделяется смелостью и независимостью направления. Не устрашенный судьбой Радищева, Крылов, вернувшись к журнально-сатирической деятельности, в «Зрителе» пишет еще смелее, чем прежде. Теперь предметом его сатиры становится уже самодержавие («Каиб», 1792). И власти со своей стороны начинают подозрительно относиться к молодому писателю. В мае 1792 года по приказу Екатерины II в типографии «Крылова с товарищи» производится обыск с целью обнаружения его сочинения «Мои горячки». До Карамзина, который в это время был в Москве, дошел даже слух об аресте Крылова.

Как видно из воспоминаний И. П. Быстрова, вторжение полиции произвело на Крылова сильнейшее впечатление и заставило его быть осторожнее. Новый журнал «С.-Петербургский Меркурий», издававшийся Крыловым и Клушиным в 1793 году, был уже значительно умереннее своего предшественника. Вместо сатиры в нем преобладала лирика. С августовской книжки журнал печатался по распоряжению президента Академии наук Е. Р. Дашковой на средства Академии, что делало положение издателей менее уязвимым.

Начиная с 1794 года литературные выступления Крылова почти прекращаются. Подготовленный им в 1795 году сборник стихотворений напечатан не был. Крылов живет без определенных занятий в разных местах России.

Это трудное для писателя время, которое еще совершенно недостаточно изучено его биографами, очень мало дало для его литературной деятельности. Но зато Крылов за эти годы близко столкнулся с самыми различными явлениями русской жизни, и это впоследствии стало неисчерпаемым источником для ее реалистического изображения в баснях. Очень рано начав творческую жизнь, Крылов за годы вынужденного молчания окончательно созрел как мыслитель и художник.

Значительную роль в жизни Крылова сыграло знакомство в 1797 году с видным вельможей — генерал-поручиком князем С. Ф. Голицыным. Когда Голицын был отправлен императором Павлом в ссылку в свое имение в селе Казацком Киевской губернии, Крылов последовал за ним. Именно здесь был написан в 1800 году направленный против императора Павла «Трумф». А в 1801 году, после

убийства Павла и воцарения Александра I, Голицын получил назначение на пост военного губернатора Риги и взял с собой Крылова в качестве правителя дел своей собственной канцелярии.

В «Трумфе» Крылов весело и без стеснения издевается над царствовавшим тогда Павлом I, над духом пруссачества и грубого солдафонства, царившим при дворе, над гатчинскими выходцами, занявшими при Павле виднейшие места в государстве и насаждавшими всюду свой, «гатчинский» порядок.

Для Пушкина-лицеиста «Трумф» входил в число его любимых сатирических произведений. В стихотворении «Городок» (1815), перечисляя любимых авторов, Пушкин с восторгом говорит о стихах, «презревших печать», и о шутотрагедии Крылова:

Тут вижу я с Чернавкой
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари...

Передовым людям пушкинского времени, будущим декабристам, шуточная трагедия Крылова говорила о совсем нешуточных вещах: «...Ни один революционер не придумывал никогда злее и язвительнее сатиры на правительство. Всё и все были беспощадно осмеяны, начиная с главы государства до государственных учреждений и негласных советников».[1]

Одновременно «Трумф» пародирует трагедию Княжнина «Дидона» (1769). Но черты трагедии Княжнина проступают в «Трумфе» неотчетливо, и это делает его пародией на трагедию русского классицизма вообще.

Хотя «Трумф» написан шестистопным ямбом, как писались классические трагедии, стих его отчасти сближается с русским раешником. Это указывает на сходство «Трумфа» с народной комедией, уже отмеченное в нашей науке.[2] Народными представлениями полностью проникнуты сатирический и памфлетно-политический элементы комедии. К народной драме восходит прежде всего образ царя Вакулы — собирательный образ русского феодала, каким он являлся в народной сатире. Для него «еда калачей» и «лежание на печи» — постоянное и главное занятие:

---

[1] Д. И. Завалишин. Записки. СПб., 1904, т. I, стр. 181.
[2] Сборник «Русская комедия и комическая опера XVIII века», под ред. П. Н. Беркова. Л., 1950.

Подщипа

Какое новое нас горе одолело?
Не хлеба ль недород?

Вакула

А мне, слышь, что за дело?
Я разве даром царь? — Слышь, лежа на печи,
Я и в голодный год есть буду калачи.

Фольклорна и сцена «совета» у царя Вакулы (действие I, явление 8), где присутствуют слепые, глухие, немые и едва двигающиеся от старости вельможи, способные только спать.

Созданием «Трумфа» ознаменовалось начало нового творческого подъема. За сравнительно короткое время был создан ряд пьес (комедии «Пирог», «Ленивый», «Модная лавка», «Урок дочкам» и опера «Илья богатырь»), в 1805 году Крылов вновь начинает работу над баснями.

Комедии эти были приняты с восторгом публикой обеих столиц. В образах отрицательных персонажей своих комедий — мадам Каре и мсье Трише — Крылов повторил черты персонажей «Почты духов»; в модницах — дочерях Велькарова («Урок дочкам») — легко можно узнать щеголих, так изумлявших гномов и духов ранней крыловской сатиры. Но есть в комедиях Крылова и новое: бо́льшая реалистичность фигур, бо́льшее бытовое правдоподобие образов, а главное — новая, исторически обоснованная точка зрения, с которой оцениваются персонажи и их поступки. Поиски этой новой точки зрения на мир отразились в лирике Крылова.

Лирические опыты Крылова немногочисленны. Все они, за исключением немногих стихотворений на случай, в основном относятся к десятилетию с 1786 по 1795 год. Но Крылов долго сохранял привязанность к этим исканиям своей юности и порою их перерабатывал. Одно из самых содержательных своих стихотворений — «Послание о пользе страстей» — после небольших изменений Крылов счел даже возможным опубликовать в 1808 году.

«К счастью», «Послание к другу моему» и другие стихотворения Крылова являются свидетельством его духовного роста.

Освещенные здесь философские вопросы характерны для русской поэзии второй половины XVIII века. Каково значение человеческого разума? Как следует относиться добродетельному человеку к богатству и наслаждениям? Желания и страсти — благо или зло?

На эти вопросы Крылов, как типичный просветитель, дает ответы в духе материалистической философии XVIII века. Но для ранней сатирической деятельности Крылова периода «Почты духов»

и «Каиба» характерен отвлеченно-моральный подход к явлениям жизни, человеческим характерам и делам («отвлеченные идеалы», как называл это Белинский). Носителем всех общественных пороков, воплощением всего нравственно-безобразного Крылов считал господствующее сословие — дворянство. И этому насквозь прогнившему миру он противопоставлял образ сурового ненавистника пороков, «коего сердце наполнено справедливостью, чистосердечием, добродетелию, и который неспособен ни лгать, ни притворяться».

Во имя этого прекрасного и совершенного идеала человека и гражданина и произносился Крыловым приговор над самодержавно-крепостническим строем жизни.

За годы, отделяющие раннее творчество Крылова от начала его басенного творчества, произошло столько перемен в жизни мира и России, история настолько ускорила свой ход, что оставаться при старом, отвлеченно-моральном подходе к оценке жизненных явлений было уже для Крылова невозможно, и он, оставаясь демократом и просветителем, непримиримым врагом насилия и гнета над человеком, в то же время усваивает более глубокий взгляд на сущность жизненных явлений, на природу человека и причины человеческих поступков.

Крылов сохраняет веру в народ, в передовые идеи века Просвещения, но самый его просветительский идеал, его взгляды на общественную жизнь и человеческую природу существенно изменяются. Конкретно-историческое понимание жизни в движении, в вечном развитии становится основой творческого метода Крылова-баснописца.

В басне «Пруд и река» (1814) Пруду, который, «философствуя сквозь сон», лежит неподвижно и постепенно высыхает, противостоит образ вечного движения — Река. А слова ее выражают заветную мысль великого просветителя:

«А философствуя, ты помнишь ли закон,—
Река на это отвечает,—
Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?»

Окончательно поселившись с 1806 года в Петербурге, Крылов сблизился с А. Н. Олениным, ученым и государственным деятелем. В доме Олениных постепенно образовался литературный кружок, в который входил поэт и переводчик Н. И. Гнедич, драматург В. А. Озеров, уже прославившийся трагедией «Эдип в Афинах», поэт К. Н. Батюшков, драматург и режиссер А. А. Шаховской и другие. Интересы кружка были очень разнообразны. Изучение античного искусства, русской археологии и языка было тесно связано здесь

с интересом к современной жизни России, к задачам создания национально-самобытного искусства. В имении Оленина «Приютино» Крылов вместе с Гнедичем участвовал в любительских спектаклях.[1] Члены кружка приняли живое участие в журнале «Драматический вестник», главным издателем которого был Д. И. Языков. Крылов напечатал здесь ряд басен, два старых стихотворения и театральную рецензию. Членом редакции этого журнала, кроме Крылова и Шаховского, был также участник кружка радищевцев, поэт и знаток искусств А. А. Писарев.

«Драматический вестник» ратовал за утверждение на русской сцене комедии нравов, то есть комедии, дающей по возможности полную картину современной жизни, выступал против слезных драм с их беспредметной чувствительностью и мелодрам — пустых и развлекательных, против «коцебятины», заполнившей в это время русскую сцену. Руководящая идея «Драматического вестника» — это создание общенационального, общесословного русского театра, который сумел бы дать каждому человеку, независимо от его общественного положения, полезный нравственный урок. В программной статье журнала писалось: «Афинские чиновники во все знаменитые праздники созывали весь народ в театр, в котором поучали добродетели и любви к отечеству... Вот прекраснейшее воспитание, которое только можно дать молодым людям».

В первом же номере журнала пишут о «Модной лавке» и ставят ее наравне с общепризнанной классической комедией Фонвизина. Из номера в номер идут похвалы Крылову в стихах и прозе, обращения и призывы к нему: писать для театра и продолжать так хорошо начатую «Модной лавкой», «одной из лучших наших комедий», драматургическую деятельность. Вместо ответа на эти призывы Крылов печатает в «Драматическом вестнике» свои басни... и не пишет больше комедий.

24 февраля 1809 года произошло важное событие в жизни и литературной судьбе Крылова: вышел в свет первый сборник его басен. Теперь их могли читать уже не только подписчики малотиражного «Драматического вестника», и критика была обязана высказаться о них. Успех сборника у читателей превзошел все ожидания. Потребовалось новое издание книги, а через два года был выпущен второй сборник — «Новые басни». Слава Крылова быстро распространялась по всей России.

---

[1] Г. П. Георгиевский. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. Новые материалы из оленинского архива. СПб., 1914, стр. 5, 17 и следующие.

Крылов обратился к басенному творчеству в период подъема национального самосознания перед Отечественной войной 1812 года, когда у каждого сознательно мыслящего деятеля русской культуры появилась настоятельная необходимость определить свое отношение к народу, к его роли в гигантских исторических битвах современности, к его положению в государстве, к его нуждам и потребностям.

Первые сборники крыловских басен выходили в тот период русской жизни, когда в литературе господствовал сентиментализм — литературное направление, созданное Карамзиным и его последователями.

Карамзин и карамзинисты вели идейно-литературную борьбу двоякого характера. Они выступали и против передовой просветительской и, тем более, революционной идеологии и в то же время против реакционеров-крепостников — твердого оплота самодержавия и крепостничества. Карамзин считал необходимым пойти на некоторые уступки «духу времени», чтобы тем вернее сохранить основы власти дворянства в государстве.

Поэтому сентименталисты изгоняли из литературы общественную сатиру, а их собственные творческие устремления были направлены на разработку переживаний «уединенной души». Во имя этой, по преимуществу лирико-психологической тематики, Карамзиным и карамзинистами была проделана большая работа по обогащению русского литературного языка эпохи новыми понятиями, новыми оборотами и словосочетаниями, взятыми из разговорного языка образованного дворянского общества. Но изгоняя из литературы обветшавшие церковнокнижные слова и обороты, карамзинисты почти не обращались к языку народа, к неисчерпаемому богатству живой народной речи. Более того, народная речь считалась «низкой», и слово «парень», например, Карамзин считал недопустимым в поэзии.

Поэтому сентименталистская критика встретила басни Крылова не вполне одобрительно. Жуковский, в то время редактор самого значительного журнала в России — «Вестника Европы», откликнулся на выход в свет первого сборника басен Крылова большой статьей. Высоко оценивая талант Крылова-баснописца, он сравнивает его басни с баснями Дмитриева и Лафонтена. Дмитриев, по мнению Жуковского, ближе к Лафонтену, иногда даже может с ним «сравниться», а Крылову, несмотря на несомненные достоинства его басен, в лучшем случае удается достичь почти такого же совершенства, как Дмитриеву. Самые серьезные возражения вызывает у критика язык Крылова; Жуковский не может принять и одобрить народности

крыловского языка. «Слог Крылова кажется нам в иных местах растянутым и слабым (зато мы нигде не заметили ни малейшей принужденности в рассказе); попадаются погрешности против языка, выражения, противные вкусу, грубые и тем более заметные, что слог вообще везде и легок и приятен».[1] Статья Жуковского заслуживает внимания потому, что с нее начинается почти не прекращающаяся в течение пятнадцати лет критическая дискуссия о Крылове и Дмитриеве, а предложенное Жуковским размещение баснописцев в нисходящем порядке — Лафонтен — Дмитриев — Крылов становится общепринятой схемой во всех литературных декларациях соратников Жуковского. Она в таком готовом виде попадает к Пушкину-лицеисту («Городок»).

Крылов возражал критикам как всегда — басней; как бы повторяя слова критика, Осел у него говорит:

«А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножно поучился».

Следующее издание басен Крылова 1811 года было встречено открытым неодобрением. На этот раз в «Вестнике Европы» выступил Каченовский, сменивший Жуковского. Особенно возмутила Каченовского басня Крылова «Свинья» своей смелостью обращения к «низкой» природе, к «низкой» теме, а может быть, и тем, что в ней Крылов изобразил своих критиков:

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

Спор о Крылове и Дмитриеве затянулся на много лет, и еще в 1822—1823 годах князь Вяземский в своих стихах и большой статье о произведениях Дмитриева старался доказать его превосходство над Крыловым.

Время, однако, уже было другое. Именно тогда появилась замечательная статья виднейшего критика-декабриста А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», в которой говорилось: «И. Крылов возвел русскую басню в оригинально классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, больше осязаемости нравоучению. В каждом его стихе виден русский здравый ум. Он похож при-

---

[1] В. А. Жуковский. Сочинения, т. VII. СПб., 1835, стр. 92.

родою описаний на Лафонтена, но имеет свой особый характер: его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия. Читая стихи его, не замечаешь даже, что они стопованы,— и это-то есть верх искусства».[1]

Прямую отповедь Вяземскому дал Пушкин в своей статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», напечатанной в новом журнале братьев Полевых «Московский телеграф». Здесь совершенно не упоминалось о Дмитриеве. В своей статье Пушкин сопоставлял Крылова только с Лафонтеном: «Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов — представители духа обоих народов».[2]

Но, независимо от мнения Пушкина, спор о Дмитриеве и Крылове был решен самой жизнью. Никому в голову не могло прийти переводить басни Дмитриева на французский язык — лучшие из них были лишь переводами с французского оригинала. Перевод же басен Крылова, сделанный в 1825 году силами пятидесяти девяти переводчиков, среди которых были такие поэты, как Руже де Лиль, на французский и итальянский языки, говорил сам за себя.

Отражением огромного литературного успеха Крылова-баснописца было и то, что враждовавшие между собой литературные группировки — «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» — старались привлечь его к сотрудничеству в своих органах.[3]

С января 1812 года Крылов служит в Публичной библиотеке, директором которой был Оленин.

Отечественная война 1812 года была поворотным пунктом во всей русской истории первой половины XIX века.

Только писатель, убежденный в своей правоте и в нераздельности своих чувств и мыслей с общенародными мыслями и чувствами, мог выступать с такой смелостью, с какой выступал Крылов в своих баснях 1812 года. Современник писал о Крылове: «Можно

---

[1] «Полярная звезда на 1823 год», стр. 21.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 32.

[3] «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933, стр. 70.

подумать, что... он в уме своем представлял только Россию, одним духом движимую, поражающую воображение своею огромностию, величиною частей своих, красками своими и действующую как одно существо в гигантских размерах».[1]

Все, что написано Крыловым в 1812 году, посвящено одной теме — войне. Ей были отданы все помыслы и чувства баснописца, его любовь к народу и родине проявилась в них с наибольшей полнотой, силой и выразительностью. И народ узнал своего поэта. Батюшков писал Гнедичу из действующей армии: «Скажи Крылову, что ему стыдно лениться и в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием».[2] Басни читались не только в кругу офицеров: «Волка на псарне» знали в армии все, от главнокомандующего до рядового солдата. Всеобщую известность приобрела сцена чтения басни «Волк на псарне» самим Кутузовым: «Однажды, после сражений под Красным, объехав с трофеями всю армию, полководец наш сел, на открытом воздухе, посреди приближенных к нему генералов и многих офицеров, вынул из кармана рукописную басню И. А. Крылова и прочел ее вслух. При словах: «Ты сер, а я, приятель, сед», произнесенных им с особенною выразительностию, он снял фуражку и указал на свои седины. Все присутствовавшие восхищены были этим зрелищем, и радостные восклицания раздались повсюду».[3] Так в сознании современников и для потомства имя Крылова навсегда сплелось со славой героев Отечественной войны 1812 года, а сам Крылов завоевал славу народного поэта.

Именно с этой поры Крылову прочно принадлежат симпатии всей передовой общественности. Крылов, современник и соратник Радищева по борьбе с крепостническим строем во времена Екатерины, становится авторитетом для будущих декабристов, славных деятелей первого периода развития русского революционно-освободительного движения. Авторитет Крылова опирается не только на басни 1812 года; он и в следующем десятилетии продолжает линию общественно-политической сатиры, разоблачает и высмеивает реакционные меры правительства Александра I и тем самым оказывается, по существу, союзником декабристов в литературно-общественной борьбе.

---

[1] П. А. Плетнев. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Сочинения и переписка. СПб., 1885, т. II, стр. 34.

[2] К. Н. Батюшков. Сочинения, изд. 5. СПб., 1887, стр. 480.

[3] И. П. Быстров. Отрывки из записок моих об И. А. Крылове.— «Северная пчела», 1846, № 64.

Незадолго до восстания 14 декабря в ежемесячном органе Вольного общества любителей российской словесности — одного из аванпостов декабризма — было помещено несколько басен Крылова и среди них — знаменитая басня «Рыбьи пляски». Отношение редакции журнала к пользовавшемуся в это время уже необычайной популярностью баснописцу в высшей степени показательно. Выражено оно было в предисловии к первой из публиковавшихся в журнале басен, в котором Крылов был назван «классическим нашим баснописцем», а его басни — «драгоценными произведениями». А. Бестужев и Рылеев также неоднократно печатали басни Крылова в своем альманахе «Полярная звезда».

В 1823 году Крылов перенес первую в своей жизни тяжелую болезнь. Он был разбит параличом, что взволновало и озаботило широкие круги русского общества. Находившийся в ссылке Пушкин беспокойно справлялся о здоровье Крылова в своих письмах. Все это вынудило и императорский двор, в свою очередь, проявить внимание к прославленному писателю. Крылов был приглашен отдохнуть после болезни в резиденцию вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Павловске. В язвительной эпиграмме Рылеев заклеймил это «высочайшее» внимание, для проявления которого потребовалась тяжелая болезнь писателя.

После разгрома восстания декабристов и выхода нового издания басен Крылов на несколько лет почти умолкает. Написанная им в эти годы замечательная басня «Бритвы» направлена против императора Николая I. Новые басни Крылова опять начинают появляться в печати лишь с начала 1829 года. В 1830-е годы Крылов пишет мало. Появившаяся в печати в 1841 году последняя его басня — «Кукушка и Петух» — написана в 1834 году.

В 1838 году с небывалой в России торжественностью был отпразднован юбилей полувековой литературной деятельности Крылова. Юбиляру была преподнесена золотая медаль с его портретом, вычеканенная по поводу этого события.

В 1841 году Крылов вышел в отставку и стал жить на пенсию за 29-летнюю службу в Публичной библиотеке, готовя к печати последнее, наиболее полное, издание своих басен. Это издание вышло в середине декабря 1843 года.[1]

Скончался Крылов 9 ноября 1844 года.

В 1855 году по всенародной подписке Крылову в петербургском Летнем саду был поставлен памятник работы П. К. Клодта. Уста-

---

[1] «С.-Петербургские ведомости», 1843, № 284.

новке памятника на более видном месте (перед Александринским театром у Публичной библиотеки или перед Университетом) император Николай решительно воспротивился.

II

Крылов был первым русским писателем того времени, который сделал интересы народа исходным пунктом своего творчества, основным моральным мерилом оценки людей и событий. Декабрист А. Бестужев писал в 1833 году: «XIX век взошел не розовой зарею, а заревом военных пожаров; но Русь еще дремала, русская словесность еще пережевывала Мармонтеля и мадам Жанлис. Один только самобытный, неподражаемый Крылов обновлял повременно и ум и язык русский во всей его народности. Только у него были они свежи своим собственным румянцем, удалы собственными силами. Он первый показал нам их без пыли древности, без французской фольги, без немецкого венка из незабудок. Мужички его — природные русские мужички; зверьки его — с неподкрашенной остью. Счастливцы мы: Крылов и XIX век были нашими крестными отцами! Первый научил нас говорить по-русски, второй — мыслить по-европейски».[1]

«Обновление» ума и языка, о котором пишет критик, заключалось в том, что «русский ум», то есть общественное сознание России того времени, в творчестве Крылова увидел себя самого, увидел русскую жизнь того времени такой, какой она была на самом деле, и так, как ее, эту жизнь, со всем хорошим и плохим в ней, видел народ.

Каждое явление жизни получает у Крылова недвусмысленную и точную оценку. Все вопросы политики и государственной жизни, межсословных и личных отношений он решает с точки зрения простого человека, рядового труженика земли русской, и в неуклонном следовании этому всеопределяющему принципу заключается идейное содержание крыловского творчества. Белинский, так высоко ценивший Крылова-реалиста, писал об этой черте литературной его деятельности: «В его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущеюся неповоротливостию, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостию, остротою и добродушно-саркастическою насмешли-

---

[1] А. Марлинский. Полное собрание сочинений, ч. XI. СПб., 1838, стр. 306—307.

востию; с его природной верностию взгляда на предметы и способностию коротко, ясно и вместе кудряво выражаться».[1] Чем, как не выражением этого «русского практического ума», является басня «Листы и Корни», в которой зазнавшимся Листам (верхам общества) его низы (Корни) напоминают о своем значении в жизни «дерева» — государства в целом?

«Мы те,
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас,
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится,—
Не станет дерева, ни вас».

В этой басне, как и в любой крыловской басне, выразилась «природная верность взгляда», в высшей степени свойственная именно человеку из народа, труженику, на самом себе испытавшему всю тяжесть общественного неравенства, всю горечь подневольного труда.

Глазами человека из народа Крылов строго и внимательно рассмотрел весь строй жизни дворянской империи Романовых от самого верха, от трона, и до низу, до безвестных и безымянных ее деревень, и все, что казалось ему враждебным народной жизни, народным интересам и народному благу,— все осудил он беспощадно и нелицеприятно.

В итоге этой критической переоценки государственного строя и общественных отношений в стране Крылов пришел к убеждению, что государственный механизм в целом враждебен народу, ни в какой мере не служит его интересам и неспособен удовлетворять его нужды.

В басне «Крестьяне и Река» (1814) ограбленные ручьями крестьяне пытаются искать защиты у Реки, но убеждаются в том, что награбленное у них добро перешло к Реке и жаловаться бесполезно:

На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам.

Однако в своей критике дворянско-помещичьей верхушки Крылов не доходит до признания необходимости революционного переворота, коренной ломки всего строя жизни. Крылов не верит в воз-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1954, стр. 150—151.

можность революции в России начала XIX века, не верит потому, что не верит в революцию вообще, не ждет от нее пользы народу.

В. И. Ленин, характеризуя эпоху 1827—1846 годов, пишет: «...Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа».[1]

В отличие от декабристов, Крылов не содействовал активному, открытому протесту против того самого самодержавно-помещичьего строя, античеловечный и антинародный облик которого с такой полнотой воссоздал он в своих баснях. В этой непоследовательности проявилась противоречивость мировоззрения и творчества Крылова. Эта исторически объяснимая непоследовательность помогает нам понять возможность появления у Крылова басен, выражающих объективно-реакционные политические взгляды.

Такие басни, как «Сочинитель и Разбойник», «Безбожники», писались по заказу Оленина к различным официальным торжествам. Но их нельзя объяснять только влиянием Оленина. В них отразилось разочарование Крылова в итогах французской буржуазной революции конца XVIII века и его неверие в возможность революционного переустройства жизни в России.

Вот почему иной раз в баснях Крылова, при всей его вере в народ, появляются нотки безнадежности.

Но не этими баснями определялось содержание творчества Крылова в целом, проникнутого горячим стремлением помочь, облегчить жизнь народную, внести свет в жизнь угнетенных и обиженных.

При всей широте охвата русской жизни, в творчестве Крылова самое важное место занимает изображение жизни крестьянства. Крылов в своих баснях, вслед за Радищевым, создает широкую и полную картину крестьянской жизни во всех ее многообразнейших проявлениях. Он не ограничивается изображением страданий крестьянина («Крестьянин и Смерть»), изображением самого крестьянина как жертвы общественного неравенства, классового лицеприятного суда («Крестьянин и Овца») или господского произвола («Госпожа и две Служанки», «Лещи»). Для него крестьянская жизнь сама по себе исполнена глубокого интереса и высокой поэзии, и, описывая эту жизнь, он выступает как бытописатель-реалист.

Мы встречаем в баснях Крылова и крестьянина-погорельца и его доброхотных советчиков-соседей («Крестьянин в беде», «Два Мужика»), и крестьянина-хлебосола («Демьянова уха»), и крестья-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

нина, работающего в поле («Обезьяна»), и, наконец, крестьянина, занятого своими будничными, каждодневными делами; крестьянин находит клинку почти универсальное применение в своем хозяйстве:

Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, запросто, лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать,
Или обтесывать тычины к огороду.

(«Булат»)

Но как только Крылов переходит к изображению «господ» — помещиков и чиновников — в их отношениях с народом,— он, по преимуществу, сатирик; здесь быт, а тем более психология угнетателей интересуют его меньше. Он находит самые острые сатирические образы для обличения чванных («Гуси») и жестоких дворян («Рыбьи пляски»).

В баснях «Волк и Ягненок», «Овцы и Собаки», «Мирская сходка» и «Волки и Овцы» мы находим постоянное и совершенно отчетливое противопоставление овцам-крестьянам волков-помещиков.

Социальная сатира в последних двух баснях имеет острую политическую направленность, поскольку в них истинными виновниками безудержного притеснения овец волками открыто называются «правительство» и «лев», то есть царь.

В нравоучении к басне «Мирская сходка» все откровенно названо своими именами:

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных[1] людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

Басенное иносказание у Крылова имеет совершенно определенные границы: для него оно не является обязательными оковами. В значительной части басен это иносказание присутствует лишь как элемент, поскольку основной образ в басне дан незашифрованным. Таковы, например, басни «Крестьяне и Река», «Крестьянин и Смерть», «Лещи» и другие.

Вообще сила реалистического изображения жизни у Крылова так велика, что для нее и условность части его басенных образов не была серьезным препятствием. При этом особенное развитие получила в баснях реалистическая типизация образов.

Эту особенность басенного творчества Крылова блестяще раскрыл Белинский: «Дело в том, что в лучших баснях Крылова нет

---

[1] Разрядка в баснях здесь и ниже моя.— *А. М.*

ни медведей, ни лисиц, хотя эти животные, *кажется,* и действуют в них, но есть люди, и притом русские люди».[1]

Вершиной социальной сатиры Крылова явилась басня «Рыбьи пляски». Здесь с гениальной силой и наглядностью показано дворянство в тесном контакте с местными властями: они покумились, грабя крестьянство. Страдания крепостных изображены с предельной выразительностью, несмотря на то, что, повидимому, цензурные условия не позволили Крылову использовать найденную им замечательную формулу: «Народ белугой выл», оставшуюся среди черновых набросков басни. Басня «Рыбьи пляски» может служить превосходным примером басенной шифровки образов у Крылова. Помещик здесь называется мужиком, то есть именем своей социальной противоположности. Внешним поводом для такого неожиданного отождествления Крылову служит близость слов «земледелец, землевладелец». Лиса — привычное для Крылова басенное иносказание для изображения чиновника. В басне «Крестьянин и Овца» лиса играет роль судьи, в басне «Щука» — роль прокурора. В «Рыбьих плясках» лиса изображает воеводу (губернатора). Рыбы (караси) в данном случае изображают крепостных крестьян.

* * *

Политическая сатира в «Баснях в девяти книгах» представлена рядом блестящих произведений.

Основная политическая тема эпохи — критика феодальной монархии — нашла отражение в баснях Крылова вопреки всем цензурным вмешательствам. В них изображаются оторванность русской монархии от народа и непонимание нужд народа («Мирская сходка», «Воспитание Льва», «Рыцарь», «Орел и Крот»), тупость отдельных представителей власти («Слон на воеводстве», «Вельможа», «Обоз»), лицемерие, жестокость и трусость монарха («Пестрые овцы»). В большей части названных басен речь идет непосредственно об Александре I, в некоторых же случаях тема трактуется более отвлеченно («Орел и Крот»). Характерной особенностью всех этих басен следует признать показ монарха только с одной его стороны — взаимоотношения с народом, выполнения своего долга перед народом. Вне этих вопросов монархи Крылова не интересуют. Это особенно ясно видно в баснях «Мирская сходка» и «Крестьяне и Река», содержащих в себе наиболее гневное обвинение русского царизма с точки зрения народных интересов.

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII. М.— Л., 1926, стр. 494.

Означала ли эта непримиримая критика монархии, что народ, по мнению Крылова, должен бороться с монархией, что ее нужно как можно скорей уничтожить в России? Как известно, даже у декабристов не было единого отношения к вопросу о судьбах монархии. Крылов главную задачу видел в освобождении крестьянства от власти помещиков, в обуздании распоясавшегося дворянства. Он все надежды возлагал на желательную ему, чаемую им демократизацию государства и государственной власти.

Крылов живо откликался на все крупнейшие события своего времени. Обращаясь к иносказанию, он касается в своих баснях важнейших вопросов международного положения и внутренней жизни страны. Его заботит осложнившееся внешнее и внутреннее положение России. Крылов дает резко отрицательную, издевательскую оценку Тильзитского мира и того раздела Европы, который произвели в Тильзите в 1807 году французский и русский императоры. В басне «Лев на ловле» (1807), переведенной из Лафонтена, своеобразный «дележ», который производит Лев, должен был вызвать в представлении современников обстоятельства минувшего года:

«Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

Строка «По договору» принадлежит Крылову: в басне Лафонтена, которую русский баснописец перевел и переделал, этих слов нет.

В басне «Крестьянин и Смерть» Крылов дает наглядную картину положения народа, изнывающего от резко увеличивающихся в 1806—1807 годах налогов:

«Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк. . .»

Как настоящий историк-публицист, он следит за внешней политикой своего государства (Венский конгресс), его внутренней политикой (отношение к Польше, ставшей частью Российской империи), за деятельностью важнейших государственных учреждений (государственный совет, сенат), за деятельностью цензурных органов, откликается на виднейшие проявления протеста против русского самодержавия и созданного им аракчеевского режима. И понятно, что наиболее значительным и горячим был патриотический отклик

Крылова на события Отечественной войны 1812 года (басни «Ворона и Курица», «Пожар и Алмаз», «Волк на псарне», «Обоз» и «Щука и Кот»). Почти все русские поэты тех лет писали о нашествии Наполеона на их родину, но из всех этих произведений до наших дней сохранили свою жизненность и популярность лишь басни Крылова.

В 1812 году Крылов настойчиво ищет образ, в который можно было бы вложить всю ненависть и презрение к врагу своего народа. Ворона, попавшая в суп, самонадеянный осел, коварная змея, беспощадный огонь — таковы первоначальные наброски собирательного образа врага, нашедшего свое окончательное воплощение в образе волка («Волк на псарне»).

И по окончании Отечественной войны Крылов в своих баснях не оставляет без оценки сколько-нибудь значительных событий политической жизни.

В басне «Пчела и Мухи» (1817) сурово осуждаются непрестанные поездки царя за границу:

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

Этой басней Крылов как бы перекликается с сатирическими «сказками» (Noël) Пушкина, написанными в 1818 году и широко расходившимися в списках среди вольнолюбивой молодежи.

Едва ли не о царе в том же году написал Крылов в басне «Две Бочки»:

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
    В том, верно, мало толку,
Кто де́лов истинно — тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
        Без шуму.

Желая, видимо, еще сильнее заклеймить лицемерие Александра I, его стремление пустить пыль в глаза обществу туманно-неопределенными либеральными обещаниями, Крылов собирался перерабатывать басню «Воспитание Льва» (1810), высмеивавшую иноземное по духу воспитание русской знати и самого Александра I. На экземпляре издания басен 1819 года стихи:

Отдать его Лисе — Лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецом во всяком деле мука;
Так это, думал царь, не царская наука.

Крылов думал заменить следующими:

А слово царское быть должно нерушимо.
Царю и царству ложь в устах вредна.
Итак, лисицу мимо...

Или:

А ложь в устах царя гнусна,
И должен слово царь хранить ненарушимо.
Итак, лисицу мимо...

Но почувствовав, что цензура не пропустит такого смелого и прямого «поучения» царю, Крылов обе новые редакции зачеркнул и приписал сбоку: «не нужно».

* * *

Народная жизнь в баснях Крылова изображалась средствами народного языка.

В отзывах критиков разных направлений (а о Крылове при жизни писали очень много) поражает на первый взгляд странная, не совсем понятная особенность: все они в один голос твердят о том, что величайшее достоинство Крылова как писателя заключается в том, что он пишет русским языком, по-русски! Они, конечно, были правы.

Писательский подвиг Крылова тем и велик, что он первый в русской литературе XIX века начал писать общенародным русским языком и в этом смысле явился непосредственным предшественником великого Пушкина. Крылов стал писать для всей нации, а не для одного какого-нибудь класса или сословия, стал писать таким языком, который был в равной степени понятен высокообразованному дворянину и неграмотному крестьянину.

Он широко открыл дорогу в литературу народной речи, народно-поэтическим выражениям, идиоматическим оборотам русского языка. Например:

От стужи малого прошибли слезы
(«Мот и Ласточка»)

А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока...
(«Осел»)

Нет угомона на старуху
(«Госпожа и две Служанки»)

Не ограничиваясь словами и оборотами народной речи, Крылов смело вводит в басенный язык и, что всего важнее, в язык авторского повествования, а не только в речи басенных героев, своеобразные формы синтаксиса устной народной речи:

Послушать — кажется, одна у них душа,
А только кинь им кость — так что твои собаки!
(«Собачья дружба»)

Велеть молчать — так власти нет;
Просил — так просьба не берет.
(«Откупщик и Сапожник»)

Не то бы в Питере,— да не о том уж речь.
(«Три Мужика»)

Сколько бы ни было действующих лиц в басне, каждое из них говорит собственным, только ему свойственным языком и читатель никогда не забудет, кто именно говорит. В басне «Волк и Лисица» голодный Волк приходит к сытой и богатой Лисе:

«Что, кумушка, беды! — он говорит.—
Ни косточкой не мог нигде я поживиться;
Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!» —
«Неужли?» — «Право так».— «Бедняжка куманек!
Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
Я куму услужить готова».

Речь каждого из собеседников, «актеров» этой маленькой комедии, определена его характером, его положением в данный момент и его житейскими интересами. Голодный Волк льстиво обращается к Лисе, приниженно просит, подробно перечисляет все свои беды, желая разжалобить «кумушку»: «Пришло хоть удавиться!» В противоположность жалобно-приниженной окраске речи Волка, языку Лисы Крыловым придан оттенок важничанья, она сознает свое превосходство над обнищавшим Волком, и в ее замечаниях чувствуется насмешка, переходящая в издевательство. После всех уверений Волка, что он готов «удавиться», Лиса спокойно переспрашивает: «Неужли?» и, получив утвердительный ответ, издеваясь над попавшим в беду Волком, с притворной вежливостью, и даже проявляя притворное сочувствие к его состоянию («Бедняжка куманек!»), предлагает Волку ненужное ему сено, сопровождая это заверениями в самых лучших чувствах: «Я куму услужить готова».

Вот почему Белинский, приведя в своей статье целиком басню Крылова «Лисица и Сурок», писал: «Много ли стихов и слов нужно переменить в этой басне, чтоб она целиком могла войти как сцена

в комедию Грибоедова, если б Грибоедов написал комедию «Взяточник»? Нужно только имена зверей заменить именами людей, да переменить последний стих, из уважения к взяточникам, которые хоть и плуты, но все же имеют лицо, а не рыльцо...»[1]

Крылов сделал важный шаг в создании единого, общенационального языка, объединив в языке своих басен литературно-книжные выражения с разговорными и просторечными формами. Богатство басенного языка Крылова явилось результатом его стремлений соединить народное просторечие и язык русского фольклора с наиболее жизненными элементами существовавшего в его время литературного языка. Существенное место в языке басен Крылова занимают литературно-книжные слова и выражения. В басне «Ручей» мы встречаем такие строки:

Все жертвы, к о и ты с т о л ь а л ч н о п о г л о т и л а
. . . .
И в темных пропастях себя с о к р ы л а.

В басне «Орел и Пчела»:

Счастлив, к т о н а ч р е д е т р у д и т с я з н а м е н и т о й
. . . .
Н о с к о л ь и т о т п о ч т е н, к т о в н и з о с т и с о к р ы т ы й...

Начало басни «Пастух и Море»:

Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель
И век спокойно проводил.

В соответствии с этим в крыловских баснях мы неоднократно встречаем остатки книжного произношения, характерного для русской поэзии XVIII века: орел вместо орёл, придает вместо придаёт и т. п. Сохранение подобных пережитков было естественно, так как позднее, например у Пушкина, мы сталкиваемся с тем же. Важно то, что сравнительно с литературной нормой своего времени у Крылова книжных архаизмов гораздо меньше. Основой его работы над языком было стремление внедрить в литературную речь народное просторечие, народную стихию русской речи.

Но, быть может, самым важным новаторством Крылова в его работе над языком было смелое включение в басенный стиль не только слов, но и многообразнейших оборотов и выражений, свойственных только русской народной речи, «руссизмов», как называл их Белинский.

---

[1] В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. V. СПб., 1901, стр. 264.

При помощи подобных оборотов и выражений Крылов ломал синтаксис тогдашней карамзинистской, по преимуществу литературно-книжной речи и взамен ходовых в литературе начала века выражений — галлицизмов: «делать влияние на умы», «подпирать мнение свое», «предмет нежности моей», «брать участие» — воссоздавал язык басни на основе всего словесного богатства и синтаксического разнообразия книжного и, что всего важнее,— живого народного языка.

К Крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор;
Забрался в клеть и, на просторе,
Обшаря стены все, и пол, и потолок,
Покрал бессовестно что мог:
И то сказать, какая совесть в воре!
Ну так, что наш мужик, бедняк,
Богатым лег, а с голью встал такою,
Хоть по миру поди с сумою;
Не дай бог никому проснуться худо так!

(«Крестьянин в беде»)

Здесь народная речь является основой авторской речи, основой стиля басни.

В объединении всех богатств живого и книжного русского языка заключалась крупнейшая историческая роль Крылова в создании нового литературного языка. Завершителем этого общенационального дела явился Пушкин.

Крылов исходит в своем творчестве не только из стихии народной речи в ее живом, повседневном бытовании. Он широко и свободно пользуется народно-поэтическим творчеством и особенно народными пословицами. Белинский писал по поводу басен Крылова: «Самые поговорки и пословицы народные... суть поэзия, или, лучше сказать,— начало, первый исходный пункт поэзии; а басня в отношении к поговоркам и пословицам есть высший род, высшая поэзия, или поэзия народных поговорок и пословиц, дошедшая до крайнего своего развития, дальше которого она идти не может».[1]

Крылов широко использует пословицы, выражающие трудовую, крестьянскую мораль, разоблачающую тунеядство господ, злоупотребление судей. Пословица становится у Крылова темой его басни; из пословицы, как из зерна, вырастает басенный сюжет. Подобное широкое использование пословиц и поговорок мы встречаем еще у одного великого реалиста — А. Н. Островского.

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. СПб., 1901, стр. 264.

Но язык русского фольклора проникал в басенный язык Крылова не только в виде пословиц и поговорок. Так, например:

Или хлеб-соль моя вам надоела?
(«Крестьянин и Змея»)

Ячмень твой будет корм, сыта медова — пойло.
(«Рыцарь»)

И что сыра земля покроет прежде вас.
(«Старик и трое Молодых»)

В свою очередь народ щедро черпал из крыловских басен. С баснями Крылова произошло то же самое, что впоследствии случилось с «Горе от ума»: значительная доля крыловских стихов превратилась в народные пословицы и поговорки.

Какой громадный труд вкладывал Крылов в стилистическую обработку своих басен, наглядно можно показать на примере басни «Кукушка и Петух». Если не считать небольших набросков, басня эта дошла до нас в восьми рукописных редакциях. При этом между первой и последней редакциями в содержании басни никаких существенных изменений не произошло. Вся работа Крылова свелась к максимальному повышению языковой и стилистической выразительности произведения. Но как интенсивно была проведена баснописцем в этом направлении переработка, видно из того, что только один стих первоначальной редакции (15-й) существенно близок к одному (3-му) стиху окончательной редакции басни:

Зато уж ты, кума, так тянешь плавно, важно
(первая редакция)

Как тянешь плавно и протяжно
(окончательная редакция)

Это «тянешь плавно» — единственное словосочетание первой редакции, без изменений дошедшее до читателя. Все остальное взыскательным художником было отвергнуто и переделано.

* * *

«Басни в девяти книгах» тесно связаны со всем ранее пройденным литературным путем Крылова. Мастерство басенной сатиры развернулось здесь на основе образов «Почты духов», «Каиба», «Трумфа» и других его прозаических и драматических произведений. На интонационном богатстве его басенного стиха сказались предшествующий поэтический опыт, искусство перевода и творческой переработки произведений других авторов и, в частности, об-

работки библейских и других поэтических текстов. Успешными уроками оригинального баснетворчества явились ранние басни Крылова, одновременно учившие и лаконизму и выразительности. Лирическая струя в баснях подсказана опытом лирики Крылова, хотя непосредственно с ранними произведениями и не связана.

Идейная связь басен Крылова с его ранними произведениями многообразна.

В 1811 году, например, была напечатана знаменитая басня «Гуси», о которой Добролюбов писал в 1858 году: «Со времени Крылова, на всю Россию опозорившего надменных потомков славных римских гусей, у нас нет надобности распространяться о том, что защита привилегий породы смешна и постыдна».[1] Но Крылов уже в 1792 году высмеял тех людей, которые, для отличия от своих слуг, готовы признать своим праотцем осла.[2]

Ряд своих басен Крылов посвятил осмеянию дворян, подражающих всему французскому («Обезьяны» и др.). Как и во время Отечественной войны 1812 года, когда речь шла о свободе от иноземного ига, о национальной независимости, Крылов всегда имеет в виду только мотивы чисто патриотические.

Подводя итог всему раннему творчеству Крылова, «Басни в девяти книгах», вместе с тем, обобщают богатый идейный и художественный опыт русской басни XVIII столетия. Мы говорим здесь только о русской басне, минуя ее восточные и западноевропейские истоки, так как классические образцы Эзопа, Федра и Лафонтена были восприняты Крыловым в основном в их русском обличье переделок и обработок 1740—1780-х годов. Крылов никогда не был только переводчиком, и его отдельные опыты переводов из Эзопа («Мальчик и Змея») и Лафонтена («Дуб и Трость», «Старик и трое Молодых») лишь подтверждают эту основную закономерность.[3] Используя известные басенные сюжеты для наполнения их чисто русским национальным содержанием, Крылов как бы подчеркивал, что в этом отношении он является прямым продолжателем дела старых русских баснописцев, и в первую очередь — Сумарокова.

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. III. М., 1936, стр. 267.

[2] И. А. Крылов. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1945, стр. 338.

[3] Анализу взаимоотношений Крылова с Эзопом и Лафонтеном посвящены работы В. Ф. Кеневича («Библиографические и исторические примечания к басням Крылова», изд. 2. СПб., 1878) и А. Г. Цейтлина («Крылов и Лафонтен» в сборнике «И. А. Крылов. Исследования и материалы». М., 1947, стр. 187—208).

Поэтому гораздо правильнее говорить не о крыловских обработках басен Лафонтена, а о крыловских переработках басен Сумарокова, Тредиаковского и некоторых других баснописцев. Все двадцать восемь басен Крылова, так или иначе связанных с баснями Лафонтена, имеют своих предшественников в русской литературе, причем около двадцати из них написаны Сумароковым. Этим объясняется, что в басне «Ворона и Лисица» фигурирует именно ворона, а не лафонтеновский ворон, что вместо лафонтеновской «Девушки» («La fille») появляется выразительное заглавие «Разборчивая Невеста» и т. д. Все это черты, бытовавшие в русской басне уже до Крылова.

Из русских предшественников Крылова по басне наибольшее значение для него имели Сумароков, Хемницер и Дмитриев.

Роль Сумарокова в развитии русской басни примерно такова же, как и в истории русской драматургии: он был пионером оригинальной русской басни, заложил основы ее языка и создал столь характерный для нее вольный (неравностопный) стих. Басен он написал более чем кто-либо из русских баснописцев (около четырехсот), но действительно замечательны среди них лишь немногие. Несмотря на ограниченность своего мировоззрения, Сумароков смог воплотить в отдельных баснях общественно-прогрессивное содержание. В басне «Безногий солдат» говорится о печальной участи солдата, «которому в войне отшибли ноги». Беднягу не хотят кормить в монастыре, куда его поместили, и вот — «Ног нет, пополз и стал он по миру таскаться». В подаянии калеке отказывают богачи — барин и купчиха, и, наоборот, делится с ним неимущий батрак. В этом и состоит бесхитростная мораль басни.

Представление о басенной манере Сумарокова дает басня «Собольи шуба»:

Богатство хорошо иметь;
Но должно ль им кому гордиться сметь?
В собольей дурака я шубе видел,
Который всех людей, гордяся, ненавидел.
В ком много гордости, известно то, что тот,
Конечно, скот,
И титла этого в народе сам он просит.
Носил ту шубу скот,
И скот и ныне носит.

Басня Сумарокова создавалась в духе его представлений о видах и родах поэзии. В басне можно было говорить только «низким» языком, потому что речь в ней могла идти только о предметах «низких», «неразумных» и потому по самой природе своей смешных. Поэтому

Сумароков часто пишет свои басни как шутливый разговор на забавную тему, нисколько не заботясь ни о стройности развития действия, ни о характерах басенных персонажей, ни о правдоподобии действий и поступков басенных зверей. У него «змея подымает брови», лисица может «ночевать» в больнице, а тигр спрашивает львицу: «Читала ль ты, кума, Гомера?», «Был тигр ученый человек». «Несерьезность» такого комизма, отсутствие естественной связи между содержанием его басен (всегда общественно-значительным и политически острым) и стилистически-словесным воплощением привело к тому, что подобная манера Сумарокова очень скоро — уже в конце 1770-х годов — оказалась непригодной для воплощения общественно-ценного содержания.

Хемницер и Дмитриев сыграли меньшую роль в русской литературе вообще, хотя и оказали известное воздействие на Крылова. Хемницер отказался от сумароковской грубости языка, от нарочито комического несоответствия в поведении басенных персонажей их привычным, установившимся в народном представлении характерам. В баснях Хемницера обычно рассказ ведется от автора, которого занимает комизм положений, а не басенных характеров. Так, в басне «Лев, учредивший совет»

Лев учредил совет какой-то неизвестно
И, посадя в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.

И дальше, все в такой же спокойной манере рассказчика, который нисколько не хочет рассмешить читателя и очень *серьезно* относится к своему рассказу, Хемницер вставляет простодушные и наивные по форме замечания:

Ну что ж? Пускай числа всего бы недостало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? А устав ужели преступить?

Эти авторские замечания, сделанные как будто без умысла, подготовляют читателя к комической и обычно неожиданной концовке басни:

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы слонов с ума свели.

Дмитриев пошел дальше Хемницера в обогащении и разработке басенного стиля. В своих баснях он создает изящное стихотворное повествование, слегка ироничное, без глубины, без сатиры, но остро-

умное и легкое, как беседа в дворянском салоне той эпохи. Басням Дмитриева недоставало «народности», говорит Белинский. Современный исследователь, сравнивая басню «Дуб и Трость» Лафонтена в переводах Дмитриева и Крылова, пишет: «...Существенная разница между басенным стилем Дмитриева и басенным стилем Крылова наблюдается в приемах построения диалога... И Трость и Дуб говорят у Дмитриева одним и тем же языком, который представляет собой смесь книжных и разговорных оборотов и конструкций. Напротив, у Крылова — важная, величественная экспрессия речи дуба, начинающейся в тонах интимного бытового разговора и лишь постепенно — при обращении к себе — приобретающей напряженную книжно-риторическую окраску, противопоставлена простой, близкой к обиходному просторечию, живописной и трогательной речи тростинки».[1]

* * *

Крылов много усилий затратил на создание из своих басен единого произведения, завершенного в своем построении лишь в последнем прижизненном издании в виде «Басен в девяти книгах».

Уже давно отмечено, что установленный Крыловым порядок отдельных басен в «Баснях в девяти книгах» имеет свой смысл и поэтому не подлежит нарушению. Изучение «Басен в девяти книгах» как единого произведения для правильного истолкования их идейного содержания имеет важное значение. Наоборот, игнорирование этого вопроса уже неоднократно приводило к серьезным ошибкам в истолковании его творчества.

Решающее значение Крылов придавал политическому и социальному содержанию своих «басенок». Он долго размышлял над вопросом о соединении басен в цельном построении. С каждым новым изданием от 1815 до 1843 года возводившееся Крыловым здание все увеличивалось, а смысл его уяснялся. Значение распределения (порядка) басен впервые стало ясным в издании 1825 года, в связи с декабрьскими событиями вышедшем в свет лишь в марте 1826 года. Здесь читатель обнаружил на первых местах каждой книги такие басни, как «Конь и Всадник» (книга первая), «Чиж и Еж» (книга вторая), «Сочинитель и Разбойник» (книга шестая) и «Василек» (книга седьмая). Басни эти без особого труда истолковывались как верноподданнические и реакционные, чему способство-

---

[1] В. В. Виноградов. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.— Л., 1949, стр. 267.

вали также иллюстрации работы Зауервейда и Иванова. В дальнейшем, возможно, удастся разрешить вопрос: не связано ли перемещение названных басен с задержкой выпуска из типографии издания, уже помеченного 1825 годом, то есть не было ли оно вынужденным? Но даже и добровольный характер перемещения не колебал основных принципов строения книги.

В басне «Волк и Лисица» Крылов ясно говорит, что «истина сноснее вполоткрыта». Поэтому автор свое внимание сосредоточил не на первом, а на последнем ряду басен, то есть на баснях, завершающих собою каждую из девяти басенных книг. Вот в этом заднем ряду ни одна из перечисленных басен никогда не помещалась.[1] Еще более показательна другая черта: начиная с первого свода басен (1815) до последнего (1843), в заднем ряду помещались исключительно оригинальные басни Крылова. В то же время, например в завершающем своде 1843 года, в первом ряду большая часть басен (пять из девяти) принадлежит к числу заимствованных. Таким образом, задний ряд как бы имел целью нарисовать истинный облик баснописца, выразить его сокровенные мысли, дать ключ к пониманию всей книги.

Из этого не следует, что в заднем ряду должны были очутиться только такие басни, как «Пестрые Овцы», «Рыбьи пляски», «Крестьяне и Река», «Волки и Овцы» и тому подобные наиболее резкие политические выступления Крылова. Если бы это произошло — замысел стал бы слишком явным и цель достигнута бы не была. После долгих размышлений и неоднократных перемен Крылов поступил осторожнее, но замысел его от этого не потерял своей значительности. Ему важно было лишь дать правильное направление толкованию его книги. О чем же говорят последние басни во всех девяти его книгах? Первые две из них («Орел и Куры» и «Осел и Соловей») определяют литературно-эстетические взгляды Крылова и тесно связаны с критическими оценками его баснописного творчества. Вторые две басни («Орел и Крот» и «Мирская сходка») содержат общественную программу Крылова и требуют внимания к голосу народа. Следующие две пары басен едины в своем содержании: они имеют целью научить русское крепостное крестьянство и широкие массы русского народа правильному (с точки зрения Крылова) поведению. Басни «Фортуна в гостях» и «Три Мужика» учат действовать и не терять золотое время. Басня «Во-

[1] Исключение, подтверждающее это общее правило, составляет басня «Сочинитель и Разбойник», в издании 1830 года передвинутая с первого места шестой книги на последнее. С 1834 года она на последнем месте больше не появлялась.

рона» предупреждает об опасности и учит осторожности. Последняя басня — «Вельможа» — дает достойную оценку русскому самодержавному порядку и подчеркивает политическое значение всей книги в целом.

Наличие в «Баснях в девяти книгах» тщательно осмысленного заднего ряда существенно помогает разобраться в истинном значении книги Крылова.

* * *

Единство крыловского творчества в его итоговом создании — «Басни в девяти книгах» — подчеркивалось обдуманным порядком расположения басен по книгам и внутри их, но основой этого единства было единое мировоззрение, художественно выраженное прежде всего в образе автора,— образе, который складывается у читателя крыловских басен из их совокупности. Вот это внутреннее единство и позволило Крылову, в известных пределах, свободно перемещать басни, менять их место внутри книги. Конечно, образ автора, образ Крылова, народного мудреца, излагающего в рассказе о смешных житейских случаях высокие нравственные истины, складывается в сознании читателя не сразу, басня за басней вносят какие-либо черты в этот образ. Но уже в каждой басне Крылова ощущается присутствие этого строгого и взыскательного судьи общественного неустройства и человеческой глупости.

Крылов в басне никогда не становится на одну ступень со своими героями, он всегда знает больше, чем они, он заранее предвидит следствия их поступков и его, автора-баснописца, оценка сопровождает каждый шаг басенного персонажа и каждый момент развития действия в басне. Крылова современники иногда называли «простодушным», следуя привычному для теории басни XVIII века пониманию басенного творчества. Это определение неверно, оно проходит мимо основной черты образа автора в крыловском творчестве,— черты, отмеченной уже Пушкиным и названной им «веселое лукавство ума». Эта особенность авторского отношения к изображаемой им жизни и составляет сущность того образа автора, который создается в сознании читателя басен Крылова. В басне «Тришкин кафтан» (1815) автор не оставляет ни одного действия, ни одного поступка Тришки без своего поясняющего или оценивающего замечания:

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?

Однако же смеется Тришке всяк.
А Тришка говорит: «Так я же не дурак,
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Баснописец, такой, каким он предстает перед нами в замечаниях, оценках и суждениях по ходу действия басен, является одновремено и вершителем высшего, нравственного суда над своими неудачливыми героями, над их делами и помыслами.

И в сатирическом изображении деятельности правительства и в многообразных картинах народной жизни, созданных Крыловым, он всегда пользуется одним общим мерилом для оценки событий, людей и их поступков. Этим мерилом являются интересы народа-труженика и конкретное выражение этих интересов — трудовая мораль. Человек и его деяния рассматриваются Крыловым с точки зрения трудовой ценности, по результатам его деятельности.

Неоднократно возвращается Крылов к теме бесплодной, никчемной деятельности («Обезьяна», «Квартет», «Муха и Дорожные») и противопоставляет ей все выработанное веками у народа уважение к тяжкому, но благородному труду простого человека:

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!

(«Обезьяна»)

Уважение к труду, преклонение перед тружеником сочетается у Крылова с осуждением тех, кто не понимает выгод совместной дружной артельной работы, в которой справедливо сочетаются интересы общие и частные:

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело — только мука.

(«Лебедь, Щука и Рак»)

* * *

К тому времени, когда появилось последнее прижизненное издание «Басен» Крылова (1843), перед русской литературой с особенной остротой встала задача реалистического изображения народной жизни. Вот почему Белинский, признанный вождь и руководитель реалистического направления («школа Гоголя», как ее тогда называли), с таким вниманием и интересом пишет о Крылове.

В крыловских баснях реалисты 1840-х годов видели для себя образец политической сатиры, широкого охвата действительности, правдивого изображения народной жизни, воплощенных средствами живого народного русского языка во всем его великолепии и богатстве. У Крылова они учились умению давать политическую оценку явлениям жизни в свете народных интересов. И как раньше у Крылова учились Грибоедов, Пушкин и Гоголь, так и следующее поколение реалистов внимательно изучало его творческий опыт. И в творениях великих талантов русской литературы второй половины XIX века — Некрасова, Островского, Салтыкова, Гончарова — многое, только еще намеченное Крыловым, получило полное и великолепное развитие. Ибо, говоря словами Белинского, Крылов был одной из тех могучих «рек», из которых составилось «необъятное море» новой русской литературы XIX века — великий вклад русского народа в мировую культуру.

«Басни в девяти книгах» — одно из самых значительных произведений великой русской литературы на всем многовековом пути ее развития — стали важным элементом национального мировоззрения и сыграли первостепенную роль в формировании русского эстетического сознания. Для русской литературы они являются одновременно и критерием народности.

Крылов был еще жив, когда Белинский писал о нем: «В его духе выразилась сторона духа целого народа; в его жизни выразилась сторона жизни миллионов. И вот почему еще при жизни его выходит сороковая тысяча экземпляров его басен, и вот за что со временем каждое из многочисленных изданий его басен будет состоять из десятков тысяч экземпляров. Вот и причина, почему все другие баснописцы, вначале пользовавшиеся не меньшею известностью, теперь забыты, а некоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского». [1]

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. СПб., 1901, стр. 266 (Разрядка Белинского.— *Ред.*).

Великий критик не ошибся. Дальнейшая судьба басенного наследия Крылова — это все большее распространение в широких массах русского народа, это рост внимания к нему со стороны крупнейших мыслителей и политических деятелей. Русские революционные демократы неоднократно обращались к басням Крылова и подкрепляли ими свои мысли. Герцен уже тогда утверждал, что оппозиционное значение басен Крылова «не было никогда правильно оценено».

Великий Ленин высоко ценил творчество Крылова и много раз пользовался его басенными образами в своей борьбе с врагами революции. Так, например, контрреволюционная буржуазная партия кадетов получает у Ленина убийственную характеристику при помощи басни «Лебедь, Щука и Рак»: «Кадеты не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравновешивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа».[1] Статья Ленина, разоблачающая взаимные восхваления кадетов и черносотенных нововременцев, даже названа стихом Крылова из басни «Кукушка и Петух»: «Кукушка хвалит петуха...»

В глазах современного читателя огромное историческое значение басен Крылова не может заслонить немеркнущей жизненности его художественных образов, идей и языка. Они принадлежат к той части классического наследства, которая продолжает жить и живой войдет в коммунизм.

А. Могилянский

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 195—196.

БАСНИ

БАСНИ
В ДЕВЯТИ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

I

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё
не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать — так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло,—
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

II

ДУБ И ТРОСТЬ

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«Поистине, роптать ты вправе на природу,—
Сказал он,— воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваяся и вихрям и грозам,
Стою и тверд и прям,
Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе все бурей — мне все кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тенью ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».
«Ты очень жалостлив,— сказала Трость в ответ,—
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость

И от ударов их ты не склонял лица;
Но — подождем конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождем шумящий аквилон.
Дуб держится — к земле Тростиночка припала.
Бушует ветр, удвоил силы он,
Взревел — и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

III

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня,— сказал он с удивленьем,—
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда,— отвечал хозяин с умиленьем,—
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведеньем».

———

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

IV

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,—
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит.—
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».—
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ.— Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, не варят:
Так мне с гостьми немудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься,
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

V

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец
с секретом;
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет, и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой,
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.

Потел, потел, но наконец устал,
От Ларчика отстал,
И, как открыть его, никак не догадался;
А Ларчик просто открывался.

VI

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».—
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела
да пыхтела,
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшися с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая — как знатный дворянин.

VII

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха:
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива);
Ну, чтобы все имел.— Кто ж может все иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да, жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не прийдет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали,
Да только женихи середней уж руки.
«Какие простаки! —
Твердит красавица.— По них ли я невеста?

Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила;
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи навертываться реже.
Проходит год —
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой —
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнет считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелестей ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Веселость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Беда со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вкруг ней бывало тесно;
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла.
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

VIII

ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели».—
«Смотрите же,— кричит один,— не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестер
Подымем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазаных колес.

Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мненье:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

IX

ОРАКУЛ

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и сребром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фимиамом задушен.
В Оракула все верят слепо;
Как вдруг — о чудо, о позор! —
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему за чем ни подойдет,
Оракул наш что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой, и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван-болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

X

ВАСИЛЕК

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?» —
«Уж как ты прост, мой друг! —
Ему сказал, вблизи копаясь, жук.—
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
А ты ни пышен, ни пахуч:

Так солнца ты своей докукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно
Былинке ль, кедру ли — благотворит равно,
И радость по себе и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И все его благословляет.

XI

РОЩА И ОГОНЬ

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет,
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонек под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока́,
Что на тебе не видно ни листка
И мерзнешь ты совсем нагая?» —
«Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвесть я не могу», —
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! — Огонь ей продолжает.—
Лишь подружись со мной; тебе я помогу.
Я солнцев брат, и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,
Там все или цветет, иль зреет,
А всё за всё спасибо мне.

Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я нс люблю,
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонек
Становится Огнем; Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютое всю Рощу вдруг объемлет.
Погибло все вконец,— и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружиться?

XII

ЧИЖ И ЕЖ

Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал ему хотелось,
И не за что; так как-то пелось!
Вот, в блеске и во славе всей,
Феб лучезарный из морей
Поднялся.
Казалось, что с собой он жизнь принес всему,
И в сретенье ему
Хор громких соловьев в густых лесах раздался.
Мой Чиж замолк. «Ты что ж,—
Спросил его с насмешкой Еж,—
Приятель, не поешь?» —
«Затем, что голоса такого не имею,
Чтоб Феба я достойно величал,—
Сквозь слез Чиж бедный отвечал,—
А слабым голосом я Феба петь не смею».

Так я крушуся и жалею,
Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел.

XIII

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим.
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на дóбычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».—
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью,
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».—
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил;
Я этого, приятель, не забыл!»

«Помилуй, мне еще и от роду нет году»,—
Ягненок говорит.— «Так это был твой брат».—
«Нет братьев у меня».— «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите;
Но я с тобой за их разведаюсь грехи».—
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал, и в темный лес Ягненка поволок.

XIV

ОБЕЗЬЯНЫ

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на все не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;

Авось уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
«Что ж,— говорят они,— и время нам терять?
Пойдем-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат — веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерег,
И, видя, что пора, идет к гостям с мешками.
Они — чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог,
И всех их побрали руками.

XV

СИНИЦА

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не давывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? И не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

XVI

ОСЕЛ

Когда вселенную Юпитер населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осел тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или имея дел беремя,
В такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошал:
А вылился Осел почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осел не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться;
Но чем? Имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой,
И росту стал просить большого.
«Помилуй,— говорит,— как можно это снесть?
Львам, барсам и слонам везде такая честь;
Притом, с великого и до меньшого,
Все речь о них лишь да о них;
За что ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с теленка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
И весь бы свет о мне заговорил».
Что день, то снова
Осел мой то ж Зевесу пел;

И до того он надоел,
Что наконец моления Ослова
Послушался Зевес:
И стал Осел скотиной превеликой,
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес
Пораспугал было весь лес.
«Что то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
Ну только и речей пошло, что про Осла.
Но чем все кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осел:
Осел мой глупостью в пословицу вошел,
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высокость хороша;
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

XVII

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет —
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! — говорит она.— И тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на́ волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь,— цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
То он ее еще и гонит.

XVIII

ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг без друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль — все было пополам.
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из них — лететь
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой
«Куда ты? — говорит сквозь слез ему другой.—
Что пользы по́ свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны
И все, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль;
Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и корм и скуден так и мал;
Да чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж еще тебе лететь, не разумею;

А я так без тебя совсем осиротею.
Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Все стану над тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: ах! где-то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»
Растрогала речь эта Голубка;
Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать и чувствовать мешает.
«Не плачь, мой милый,— так он друга утешает,—
Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.
Все наскоро в пути замечу на полете,
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,
Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чем повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Все расскажу: дела ль, обычай ли какой,
Иль где какое видел диво.
Ты, слушая меня, представишь все так живо,
Как будто б сам летал ты по́ свету со мной».
Тут — делать нечего — друзья поцеловались,
Простились и расстались.
Вот странник наш летит; вдруг встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синеет степь кругом.
Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;
Кой-как угнéздился, прижался
К нему наш Голубок;
Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку дале стало.
Встряхнулся и летит,— летит и видит он:
В заглушьи под леском рассыпана пшеничка.
Спустился — в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвется, бьется;
По счастью, сеть стара: кой-как ее прорвал,
Лишь ножку вывихнул да крылышко помял!
Но не до них: он прочь без памяти несется.
Вот, пуще той беды, беда над головой!
Отколь ни взялся ястреб злой;

Не взвидел света Голубь мой!
От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы вкоротке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распущены,
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орел, с небес направя свой полет,
Ударил в ястреба всей силой —
И хищник хищнику достался на обед.
Меж тем наш Голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнем.
Но тем еще не кончилось на нем:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребенок, черепком наметя в Голубка —
Сей возраст жалости не знает,—
Швырнул и раскроил висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Кляня охоту видеть свет,
Поплелся кое-как домой без новых бед.
Счастлив еще: его там дружба ожидает!
К отраде он своей,
Услуги, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.

О вы, которые объехать свет вокруг
Желанием горите!
Вы эту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтеся не вдруг,
Что б ни сулило вам воображенье ваше;
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

XIX

ЧЕРВОНЕЦ

Полезно ль просвещенье?
Полезно, слова нет о том.
Но просвещением зовем
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравов развращенье.
Так надобно гораздо разбирать,
Как станешь грубости кору с людей сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них не растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить нравы,
Не разлучить их с простотой,
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.
Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать ее намерен вам.

Мужик, простак, каких везде немало,
Нашел Червонец на земли.
Червонец был запачкан и в пыли;
Однакож пятаков пригоршни трои
Червонца на обмен крестьянину дают.
«Постой же,— думает мужик,— дадут мне вдвое;
Придумал кой-что я такое,
Что у меня его с руками оторвут».

Тут, взяв песку, дресвы и мелу,
И натолокши кирпича,
Мужик мой приступает к делу.
И со всего плеча
Червонец о кирпич он точит,
Дресвой дерет,
Песком и мелом трет;
Ну, словом, так, как жар, его поставить хочет.
И подлинно, как жар Червонец заиграл,
Да только стало
В нем весу мало,
И цену прежнюю Червонец потерял.

XX

ТРОЕЖЕНЕЦ

Какой-то греховодник
Женился от живой жены еще на двух.
Лишь до Царя о том донесся слух
(А Царь был строг и не охотник
Таким соблазнам потакать),
Он Многоженца вмиг велел под суд отдать
И выдумать ему такое наказанье,
Чтоб в страх привесть народ
И покуситься бы никто не мог вперед
На столь большое злодеянье.
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повешу тут же всех судей вокруг стола».
Судьям худые шутки:
В холодный пот кидает их боязнь.
Судьи толкуют трои сутки,
Какую б выдумать преступнику им казнь.
Их есть и тысячи; но опытами знают,
Что всё они людей от зла не отучают.
Однакож наконец их надоумил бог.
Преступник призван в суд, для объясненья
Судейского решенья,
Которым, с общего сужденья,
Приговорили: жен отдать ему всех трех.
Народ суду такому изумился
И ждал, что Царь велит повесить всех судей;

Но не прошло четырех дней,
Как Троеженец удавился;
И этот приговор такой наделал страх,
Что с той поры на трех женах
Никто в том царстве не женился.

XXI

БЕЗБОЖНИКИ

Был в древности народ, к стыду земных племен,
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился.
Мятежные толпы, за тысячью знамен,
Кто с луком, кто с пращой, шумя, несутся в поле.
Зачинщики, из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор каменьями нетрудно
На небо дошвырнуть в богов
И заметать Олимп стрелами.
Смутяся дерзостью безумцев и хулами,
К Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
Чтобы беду он отвратил;
И даже весь совет богов тех мыслей был,
Что, к убеждению бунтующих, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом гром,
Или хоть каменным ударить в них дождем.
«Пождем,—
Юпитер рек,— а если не смирятся
И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,
Они от дел своих казнятся».

Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богомятежных;
Но с тысячью смертей, и злых и неизбежных,
На собственные их обрушилась главы.

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы.

XXII

ОРЕЛ И КУРЫ

Желая светлым днем вполне налюбоваться,
Орел поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии родятся.
Спустившись наконец из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у Царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,
Иль не было вблизи ему по чину сесть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орел
Немного посидел,
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
«За что Орлы в чести такой?
Неужли за полет, голубушка соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперед такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,
Что понизу они летают так, как куры».
Орел ответствует, наскуча вздором тем:

«Ты права, только не совсем;
Орлам случается и ниже кур спускаться,
Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты,
Считать их слабости трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что́ в них и сильно и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

Конец первой книги

КНИГА ВТОРАЯ

I

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало неугодно
Правление народно,
И показалось им совсем неблагородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и несродно,
На сей однакож раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен.
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:

Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью
дерзнули:
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком:
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нрава:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест; а на суде его
Нет правых никого.
Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит,
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и — проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что наконец их Царь тошнее им засух.
«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?

Не мне ль, безумные,— вещал им с неба глас,—
Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже;
Другой вам дан — так этот очень лих:
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

11

ЛЕВ И БАРС

Когда-то, в старину,
Лев с Барсом вел предолгую войну
За спорные леса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правам — не тот у них был нрав;
Да сильные ж в правах бывают часто слепы.
У них на это свой устав:
Кто одолеет, тот и прав.
Однако, наконец, не вечно ж драться —
И когти притупятся:
Герои по правам решились разобраться;
Намерились дела военны прекратить,
Окончить все раздоры,
Потом, как водится, мир вечный заключить
До первой ссоры.
«Назначим же скорей
Мы от себя секретарей,—
Льву предлагает Барс,— и как их ум рассудит,
Пусть так и будет.
Я, например, к тому определю кота:
Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста;
А ты осла назначь: он знатного же чина,
И, к слову молвить здесь,
Куда он у тебя завидная скотина!
Поверь как другу мне: совет и двор твой весь
Его копытца вряд ли сто́ят.

Положимся ж на том,
На чем
С моим котишком он устроит».
И Лев мысль Барса утвердил
Без спору;
Но только не осла, лисицу нарядил
Он от себя для этого разбору,
Примолвя про себя (как видно, знал он свет):
«Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет».

III

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФ

Вельможа, в праздный час толкуя с Мудрецом
О том о сем,
«Скажи мне,— говорит,— ты свет довольно знаешь,
И будто в книге ты в сердцах людей читаешь:
Как это, что мы ни начнем —
Суды ли, общества ль учены заведем,
Едва успеем оглянуться,
Как первые невежи тут вотрутся?
Ужли от них совсем лекарства нет?» —
«Не думаю,— сказал Мудрец в ответ.—
И с обществами та ж судьба (сказать меж нами),
Что с деревянными домами».—
«Как?» — «Так же: я вот свой достроил сими днями;
Хозяева в него еще не вобрались,
А уж сверчки давно в нем завелись».

IV

МОР ЗВЕРЕЙ

Лютейший бич небес, природы ужас — мор
Свирепствует в лесах. Уныли звери;
В ад распахнулись настежь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы;
Неумолимая, как сено косит их.
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх.
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье;
Им и еда на ум нейдет;
С голубкой голубь врознь живет,
Любви в помине больше нет,
А без любви какое уж веселье?
В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбрелись, и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О други! — начал Лев.— По множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов.
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!

Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чем погрешил когда он вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь — хоть это мне и больно,—
Неправ и я!
Овечек бедненьких — за что? — совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда — кто без греха? —
Случалось, драл и пастуха;
И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть,
Того бы в жертву и принесть,—
И было бы богам то более угодно».—
«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты,—
Лисица говорит,— в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То прийдет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
Их чаще так учить, им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышет,
И нашими себя везде царями пишет».
Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки, в свой черед,
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты

Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы — чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могши ссуды,
Из стога у попа я клок сенца стянул».
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принесть богам за все его проказы,
Чтоб и тела́ нам спасть и нравы от заразы!
Так, по его грехам у нас и мор такой!»
Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват.

V

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном,
На солнышке Полкан с Барбосом лежа грелись,
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем,—
Так рассуждать они пустилися вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может,— говорит Полкан,— приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спить без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,
И в дружнем счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась,
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».—
«А что же? это дело! —
Барбос ответствует ему. —

Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».—
«Явим же в ней пример мы в наши времена,—
Вскричал Полкан,— дай лапу!» — «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад!» Прочь свары, зависть, злость!
Тут повар на беду из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся;
Где делся и совет и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся —
Лишь только клочья вверх летят:
Насилу наконец их розлили водою.

Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей льзя молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать — кажется, одна у них душа,
А только кинь им кость — так что твои собаки!

VI

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар —
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
«Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «Ступайте,
А счеты после мы сведем!» —
«Мне только тысячу мою сперва додайте,—
Шумит другой,—
Я с места не сойду долой».—
«Мне две недодано, а вот тут счеты ясны»,—
Еще один кричит. «Нет, нет, мы несогласны!
Да как, за что, и почему?»
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

VII

БОЧКА

Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бочкою его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе — вещь святая!
Вот если б дело шло о деньгах, речь иная:
Тут дружба в сторону, и можно б отказать;
А Бочки для чего не дать?
Как возвратилася она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином;
Что винный дух пошел от ней во всем:
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном.
Хозяин бился с ней близ году:
То выпарит, то ей проветриться дает;
Но чем ту Бочку ни нальет,
А винный дух все вон нейдет;
И с Бочкой наконец он принужден расстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напитаться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,
А все им будешь отзываться.

VIII

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! — кричат.— Огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец,—
Пустился мой хитрец
В переговоры,
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,

Что я. . .» — «Послушай-ка, сосед,-
Тут ловчий перервал в ответ,—
Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

IX

РУЧЕЙ

Пастух у Ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягненок у него любимый
Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
«Река несытая! что, если б дно твое
Так было, как мое,
Для всех и ясно и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сем дне
Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
И в темных пропастях себя сокрыла.
Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла;
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждого кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
Но с них бы не унес листочка.
Ну, словом, делая путем моим добро,
Не приключа нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Так докатилася чиста, как серебро».
Так говорил Ручей, так думал в самом деле.

И что ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Расселась:
Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой;
Но, ах! куда в Ручье смиренность делась!
Ручей из берегов бьет мутною водой,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы,
Столетние валяет дубы,
Лишь трески слышны вдалеке;
И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он таким кудрявым складом,
Погиб со всем своим в нем стадом,
А хижины его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смирно, гладко,
И так журчат для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало в них воды!

X

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» —
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманек!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска недоедала,
Ночей недосыпала,
И я ж за то под гнев подпала;
А всё по клеветам. Ну сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько».—
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльцо у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой,—
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.

Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть.

XI

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалося с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
«И, полно, братец! — тут другой ему сказал.—
Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять —
Собаки начали помалу затихать,
И стало наконец совсем их не слыхать.

Завистники на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают да отстанут.

XII

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нýжда, голод настает;
Стрекоза уж не поет;
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».—

«А, так ты. . .» — «Я без души
Лето целое все пела».—
«Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

XIII

ЛЖЕЦ

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.
«Нет,— говорит,— что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год все видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет;
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».—
«Что за диковина! — приятель отвечал.—
На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.

Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».—
«А какова у вас река?» —
«Да не мелка.
Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?» —
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».—
«Поверить трудно!
Однакож как ни чудно,
А все чудён и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».—
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за домы:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!» —
«Пусть так, но всё признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однакож, мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец. . .» —
«Послушай-ка,— тут перервал мой Лжец,—
Чем на́ мост нам идти, поищем лучше броду».

XIV

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживлен одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вкруг цветка,
Сказал Орел однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи все лето лепят сот;
Да кто же после разберет
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;

Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».
Пчела ответствует: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смо́тря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

XV

ЗАЯЦ НА ЛОВЛЕ

Большой собравшися гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили —
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой,—
Кричат ему,— пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».—
«Вот, братцы! — Заяц отвечал.—
Да из лесу-то кто ж — все я его пугал,
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка?»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

XVI

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За ко́шачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту —
Мышей в анбаре половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить.—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».—

«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».—
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

XVII

ВОЛК И КУКУШКА

«Прощай, соседка! — Волк Кукушке говорил.—
Напрасно я себя покоем здесь манил!
Всё те ж у вас и люди и собаки:
Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
Так не минуешь с ними драки».—
«А далеко ль соседу путь?
И где такой народ благочестивой,
С которым думаешь ты жить в ладу?» —
«О, я прямехонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают, что́ война;
Как агнцы, кротки человеки,
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья все друг с другом поступают,
И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают.
Скажи ж сама, голубка, мне,
Не мило ль, даже и во сне,
Себя в краю таком увидеть тихом?
Прости! не поминай нас лихом!
Уж то-то там мы заживем:
В ладу, в довольстве, в неге!
Не так, как здесь,— ходи с оглядкой днем
И не засни спокойно на ночлеге».—

«Счастливый путь, сосед мой дорогой! —
Кукушка говорит.— А свой ты нрав и зубы
Здесь кинешь, иль возьмешь с собой?» —
«Уж кинуть, вздор какой!» —
«Так вспомни же меня, что быть тебе без шубы».

Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернется,
А первый сам ни с кем не уживется.

XVIII

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно,
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

XIX

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер, леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает;
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал;

Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй,— говорит,— за что?» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

XX

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень. Косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять!
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору;
А то и под гору и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась —
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок,

Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

XXI

ВОРОНЕНОК

Орел
Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягненка;
А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: «Уж брать так брать,
А то и когти что́ марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты;
Ну только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал наконец
Барана, да какого?
Прежирного, preматерого,
Который доброму б и волку был в подъем.
Изладясь, на него спустился
И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.
Тогда-то он узнал, что до́бычь не по нем.
Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,

Что из него когтей не вытеребил вон
Затейник наш крылатый
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окорнали
И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют.

XXII

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однакоже в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит:
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».—
«О плуты! — Слон кричит.— Какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволенье?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять,
Да и того им жаль отдать».—
«Ну то-то ж,— говорит им Слон,— смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком.
По шкурке, так и быть, возьмите;
А больше их не троньте волоском».

XXIII

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
«Изрядно,— говорит,— сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,

Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от этаких судей.

Конец второй книги

КНИГА ТРЕТЬЯ

I

ОТКУПЩИК И САПОЖНИК

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты;
Сокровищ у него — нет сметы.
В дому — сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком, через край.
И, словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он недосыпает.
Уж божьего ль боится он суда,
Иль просто трусит разориться,
Да только все ему не крепко как-то спится.
А сверх того, хоть иногда
Он вздремлет на заре, так новая беда:
Бог дал ему певца соседа.
С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
Сапожник, но такой певун и весельчак,
Что с утренней зари и до обеда,
С обеда дó ночи без умолку поет,
И богачу заснуть никак он не дает.
Как быть и как с соседом сладить,
Чтоб от пенья его отвадить?
Велеть молчать — так власти нет;
Просил — так просьба не берет.
Придумал наконец и за соседом шлет.

Пришел сосед.
«Приятель дорогой, здорово!» —
«Челом вам бьем за ласковое слово».—
«Ну что, брат, каково делишки, Клим, идут?»
(В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.) —
«Делишки, барин? Да не худо!» —
«Так оттого-то ты так весел, так поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?» —
«На бога грех роптать, и что ж за чудо?
Работою завален я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода,
А с доброю женой, кто этого не знает,
Живется как-то веселей».—
«И деньги есть?» — «Ну нет, хоть лишних не бывает,
Зато нет лишних и затей».—
«Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?» —
«Я этого не говорю,
Хоть бога и за то, что есть, благодарю;
Но сам ты, барин, знаешь,
Что человек, пока живет,
Всё хочет более: таков уж здешний свет.
Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало;
И мне бы быть богатей не мешало».—
«Ты дело говоришь, дружок:
Хоть при богатстве нам есть также неприятства,
Хоть говорят, что бедность не порок,
Но всё уж коль терпеть, так лучше от богатства.
Возьми же: вот тебе рублевиков мешок:
Ты мне за правду полюбился.
Поди: дай бог, чтоб ты с моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сих денег не моги,
И к нужде их ты береги!
Пятьсот рублей тут верным счетом.
Прощай!» Сапожник мой,
Схватя мешок, скорей домой
Не бéгом — лётом;
Примчал гостинец под полой;
И той же ночи в подземелье
Зарыл мешок — и с ним свое веселье!
Не только песен нет — куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!);

Все подозрительно, и все его тревожит:
Чуть ночью кошка заскребет,
Ему уж кажется, что вор к нему идет;
Похолодеет весь, и ухо он приложит;
Ну, словом, жизнь пошла — хоть кинуться
в реку.
Сапожник бился, бился
И наконец за ум хватился:
Бежит с мешком к Откупщику
И говорит: «Спасибо на приятстве;
Вот твой мешок, возьми его назад:
Я до него не знал, как худо спят.
Живи ты при своем богатстве,
А мне, за песни и за сон,
Не надобен ни миллион».

II

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

К Крестьянину на двор
Залез осенней ночью вор;
Забрался в клеть и, на просторе,
Обшаря стены все, и пол, и потолок,
Покрал бессовестно что мог:
И то сказать, какая совесть в воре!
Ну так, что наш мужик, бедняк,
Богатым лег, а с голью встал такою,
Хоть пó миру поди с сумою;
Не дай бог никому проснуться худо так!
Крестьянин тужит и горюет,
Родню сзывает и друзей,
Соседей всех и кумовей.
«Нельзя ли,— говорит,— помочь беде моей?»
Тут всякий с мужиком толкует,
И умный свой дает совет.
Кум Карпыч говорит: «Эх, свет!
Не надобно было тебе по миру славить,
Что столько ты богат».
Сват Климыч говорит: «Вперед, мой милый сват,
Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить».—
«Эх, братцы, это всё не так,—
Сосед толкует Фока,—
Не то беда, что клеть далёка,
Да надо на дворе лихих держать собак;

Возьми-ка у меня щенка любого
От Жучки: я бы рад соседа дорогого
От сердца наделить,
Чем их топить».
И, словом, от родни и от друзей любезных
Советов тысячу надавано полезных,
Кто сколько мог,
А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду попадешься,
Отведай сунуться к друзьям:
Начнут советовать и вкось тебе и впрям;
А чуть о помощи на деле заикнешься,
То лучший друг
И нем и глух.

III

ХОЗЯИН И МЫШИ

Коль в доме станут воровать,
А нет прилики вору,
То берегись клепать
Или наказывать всех сплошь и без разбору:
Ты вора этим не уймешь
И не исправишь,
А только добрых слуг с двора бежать заставишь
И от меньшой беды в большую попадешь.

Купчина выстроил анбары,
И в них поклал съестные все товары;
А чтоб мышиный род ему не навредил,
Так он полицию из кошек учредил.
Спокоен от Мышей Купчина:
По кладовым и день и ночь дозор;
И всё бы хорошо, да сделалась причина:
В дозорных появился вор.
У кошек, как у нас (кто этого не знает?),
Не без греха в надсмотрщиках бывает.
Тут, чем бы вора подстеречь
И наказать его, а правых поберечь,
Хозяин мой велел всех кошек пересечь.
Услыша приговор такой замысловатый,
И правый тут и виноватый
Скорей с двора долой.

Без кошек стал Купчина мой.
А Мыши лишь того и ждали и хотели:
Лишь кошки вон, они — в анбар,
И в две иль три недели
Поели весь товар.

IV

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно на показ,—
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться,—
Ей шавка говорит,— тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает».—
«Эх, эх! — ей Моська отвечает.—
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

V

ВОЛК И ВОЛЧОНОК

Волчонка Волк, начав помалу приучать
Отцовским промыслом питаться,
Послал его опушкой прогуляться;
А между тем велел прилежней примечать,
Нельзя ль где счастья им отведать,
Хоть, захватя греха,
На счет бы пастуха
Позавтракать иль пообедать!
Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдем скорей со мной!
Обед готов; ничто не может быть вернее:
Там под горой
Пасут овец, одна другой жирнее;
Любую стоит лишь унесть
И съесть;
А стадо таково, что трудно перечесть».—
«Постой-ка,— Волк сказал,— сперва мне ведать надо,
Каков пастух у стада».—
«Хоть говорят, что он
Неплох, заботлив и умен,
Однако стадо я обшел со всех сторон
И высмотрел собак: они совсем не жирны,
И плохи, кажется, и смирны».—
«Меня так этот слух,—
Волк старый говорит,— не очень к стаду манит;

Коль подлинно неплох пастух,
Так он плохих собак держать не станет.
Тут тотчас попадешь в беду!
Пойдем-ка, я тебя на стадо наведу,
Где сбережем верней мы наши шкуры:
Хотя при стаде том и множество собак,
Да сам пастух дурак;
А где пастух дурак, там и собаки дуры».

VI

ОБЕЗЬЯНА

Как хочешь ты трудись,
Но приобресть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы,— как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесет,
То так, то сяк его обхватит,
То поволочет, то покатит;
Рекой с бедняжки льется пот;
И наконец она, пыхтя, насилу дышит;
А все ни от кого похвал себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да пользы в этом нет.

VII

МЕШОК

В прихожей на полу,
В углу,
Пустой Мешок валялся.
У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помыкался;
Как вдруг
Мешок наш в честь попался,
И, весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности лежит.
Хозяин сам его лелеет,
И бережет Мешок он так,
Что на него никак
Ни ветер не пахнет, ни муха сесть не смеет;
А сверх того с Мешком
Весь город стал знаком.
Приятель ли к хозяину приходит,
Охотно о Мешке речь ласкову заводит;
А ежели Мешок открыт,
То всякий на него умильно так глядит;
Когда же кто к нему подсядет,
То верно уж его потреплет иль погладит.
Увидя, что у всех он стал в такой чести,
Мешок завеличался,
Заумничал, зазнался,
Мешок заговорил и начал вздор нести;
О всем и рядит он и судит:

И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо будет.
Все только слушают его, разинув рот,
Хоть он такую дичь несет,
Что уши вянут;
Но у людей, к несчастью, тот порок,
Что им с червонцами Мешок
Что ни скажи, всему дивиться станут.
Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом,
И долго ли его ласкали?
Пока все из него червонцы потаскали;
А там он выброшен, и слуху нет о нем.

Мы басней никого обидеть не хотели;
Но сколько есть таких Мешков
Между откупщиков,
Которы некогда в подносчиках сидели,
Иль между игроков,
Которы у себя за редкость рубль видали,
А ныне, пополам с грехом, богаты стали,
С которыми теперь и графы и князья —
Друзья;
Которые теперь с вельможей,
У коего они не смели сесть в прихожей,
Играют за́просто в бостон?
Велико дело — миллион!
Однакоже, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вам тишком?
Не дай бог, если разоритесь:
И с вами точно так поступят, как с Мешком.

VIII

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты, обжора! ах, злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет. —
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает.)
Как! Быв честным Котом до этих пор,
Бывало за пример тебя смиренства кажут,—
А ты... ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут:
Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де не только что в поварню —
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)

Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить.

IX

ЛЕВ И КОМАР

Бессильному не смейся,
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник, сам трубач, пищит во всю гортань,
И вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился,
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет.
Лев голову крутит, Лев гривою трясет;
Но наш герой свое несет:
То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами,
И землю он дерет когтями.

От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; все кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришел потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром,
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

X

ОГОРОДНИК И ФИЛОСОФ

Весной в своих грядах так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж, и свеж на взгляд;
Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,
Великий краснобай, названный друг природы,
Недоученный Филосо́ф,
Который лишь из книг болтал про огороды.
Однако ж за своим он вздумал сам ходить
И тоже огурцы садить;
А между тем смеялся так соседу:
«Сосед, как хочешь ты потей,
А я с работою моей
Далеко от тебя уеду,
И огород твой при моем
Казаться будет пустырем.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-как идет.
Как ты еще не разорился?
Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?» —
«И некогда,— соседа был ответ.—
Прилежность, навык, руки —
Вот все мои тут и науки;
Мне бог и с ними хлеб дает».—

«Невежа! восставать против наук ты смеешь?» —
«Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
Коль ты что путное затеешь,
Я перенять всегда готов».—
«А вот, увидишь ты, лишь лета б нам дождаться...» —
«Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
Уж я кой-что посеял, посадил;
А ты и гряд еще не взрыл».—
«Да, я не взрыл, за недосугом:
Я всё читал,
И вычитал,
Чем лучше — заступом их взрыть, сохой иль плугом.
Но время еще не уйдет».—
«Как вас, а нас оно не очень ждет»,—
Последний отвечал и тут же с ним расстался,
Взяв заступ свой;
А Филосо́ф пошел домой.
Читал, выписывал, справлялся,
И в книгах рылся и в грядах,
С утра до вечера в трудах.
Едва с одной работой сладит,
Чуть на грядах лишь что взойдет:
В журналах новость он найдет —
Всё перероет, пересадит
На новый лад и образец.
Какой же вылился конец?
У Огородника взошло всё и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Филосо́ф —
Без огурцов.

XI

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
Кур красть? —
Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею.—
Я, право, о тебе жалею!
Послушай, мы теперь вдвоем,
Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоем
Ни на волос добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грех и стыдно
И что бранит тебя весь свет;
Да дня такого нет,
Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
В курятнике оставить шкуры!
Ну, стоят ли того все куры?» —
«Кому такая жизнь сносна? —
Лисица отвечает.—
Меня так всё в ней столько огорчает,
Что даже мне и пища невкусна.
Когда б ты знал, как я в душе честна!
Да что же делать? Нужда, дети;
Притом же иногда, голубчик-кум,
И то приходит в ум,
Что я ли воровством одна живу на свете?
Хоть этот промысел мне точно острый нож».—
«Ну что ж,—
Крестьянин говорит,— коль вправду ты не лжешь,
Я от греха тебя избавлю
И честный хлеб тебе доставлю;

Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чем не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня как в масле сыр кататься».
Торг слажен: и с того ж часа
Вступила в караул Лиса.
Пошло у мужика житье Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но всё не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночку потемней,
У куманька всех кур передушила.

В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.

XII

ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

Льву, Кесарю лесов, бог сына даровал.
Звериную вы знаете природу:
У них не как у нас — у нас ребенок году,
Хотя б он царский был, и глуп, и слаб, и мал;
А годовалый Львенок
Давно уж вышел из пеленок.
Так к году Лев-отец не шуткой думать стал,
Чтобы сынка невежей не оставить,
В нем царску честь не уронить
И чтоб, когда сынку придется царством править,
Не стал бы за сынка народ отца бранить.
Кого ж бы попросить, нанять или заставить
Царевича Царем на выучку поставить?
Отдать его Лисе — Лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецом во всяком деле мука;
Так это, думал Царь, не царская наука.
Отдать Кроту — о нем молва была,
Что он во всем большой порядок любит:
Без ощупи шага не ступит
И всякое зерно для своего стола
Он сам и чистит, сам и лупит;
И словом, слава шла,
Что Крот великий зверь на малые дела;
Беда лишь, под носом глаза Кротовы зорки,
Да вдаль не видят ничего;

Порядок же Кротов хорош, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барс отважен и силен;
А сверх того великий тактик он;
Да Барс политики не знает:
Гражданских прав совсем не понимает,
Какие ж царствовать уроки он подаст!
Царь должен быть судья, министр и воин;
А Барс лишь резаться горазд;
Так и детей учить он царских недостоин.
Короче: звери все, и даже самый слон,
Который был в лесах почтён,
Как в Греции Платон,
Льву все еще казался неумен
И неучен.
По счастью или нет (увидим это вскоре),
Услышав про царево горе,
Такой же царь — пернатых царь — Орел,
Который вел
Со Львом приязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался сам Львенка воспитать.
У Льва как гору с плеч свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было
Царевичу царя в учители сыскать?
Вот Львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать к Орлу.
Проходит год, и два; меж тем, кого ни спросят —
О Львенке ото всех лишь слышат похвалу:
Все птицы чудеса о нем в лесах разносят;
И наконец приходит срочный год,
Царь Лев за сыном шлет.
Явился сын; тут царь сбирает весь народ,
И малых и больших сзывает;
Сынка целует, обнимает,
И говорит ему он так: «Любезный сын,
По мне наследник ты один;
Я в гроб уже гляжу, а ты лишь в свет вступаешь:
Так я тебе охотно царство сдам.
Скажи теперь при всех лишь нам,
Чему учен ты, что ты знаешь

И как ты свой народ счастливым сделать
чаешь?» —
«Папа́,— ответствовал сынок,— я знаю то,
Чего не знает здесь никто:
И, от Орла до Перепелки,
Какой где птице боле вод,
Какая чем из них живет,
Какие яица несет,
И птичьи нужды все сочту вам до иголки.
Вот от учителей тебе мой аттестат:
У птиц недаром говорят,
Что я хватаю с неба звезды;
Когда ж намерен ты правленье мне вручить,
То я тотчас начну зверей учить
Вить гнезды».
Тут ахнул царь и весь звериный свет;
Повесил головы Совет,
А Лев-старик поздненько спохватился,
Что Львенок пустякам учился
И не добро он говорит;
Что пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кого зверьми владеть поставила природа;
И что важнейшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

XIII

СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ

Старик садить сбирался деревцо.
«Уж пусть бы строиться; да как садить в те лета,
Когда уж смотришь вон из света! —
Так, Старику смеясь в лицо,
Три взрослых юноши соседних рассуждали.—
Чтоб плод тебе твои труды желанный дали,
То надобно, чтоб ты два века жил.
Неужли будешь ты второй Мафусаил?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебе ли затевать толь дальние расчеты?
Едва ли для тебя текущий верен час.
Такие замыслы простительны для нас:
Мы молоды, цветем и крепостью и силой,
А старику пора знакомиться с могилой».—
«Друзья! — смиренно им ответствует Старик.—
Издетства я к трудам привык;
А если от того, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За труд такой еще охотнее берусь.
Кто добр, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь,
То внук мой некогда сей тенью насладится,
И это для меня уж плод.
Да можно ль и за то ручаться наперед,
Кто здесь из нас кого переживет?

Смерть смотрит ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лиц?
Ах, в старости моей прекраснейших девиц
И крепких юношей я провожал в могилу!
Кто знает: может быть, что ваш и ближе час,
И что сыра земля покроет прежде вас».
Как им сказал Старик, так после то и было.
Один из них в торги пошел на кораблях;
Надеждой счастие сперва ему польстило,
Но бурею корабль разбило;
Надежду и пловца — все море поглотило.
Другой в чужих землях,
Предавшися порока власти,
За роскошь, негу и за страсти
Здоровьем, а потом и жизнью заплатил.
А третий — в жаркий день холодного испил
И слег: его врачам искусным поручили,
А те его до смерти залечили.
Узнавши о кончине их,
Наш добрый Старичок оплакал всех троих.

XIV

ДЕРЕВО

Увидя, что топор крестьянин нес,
«Голубчик! — Деревцо сказало молодое.—
Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес,
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы;
Такие надо мной он сплесть изволил своды!
Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалось красою сей стране,
И тенью бы моей покрылась вся долина;
А ныне тонко я, почти как хворостина».
Взялся крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу:
Вкруг Деревца большой очистился простор;
Но торжество его недолго было!
То солнцем Дерево печет,
То градом, то дождем сечет,
И ветром наконец то Деревцо сломило.
«Безумное! — ему сказала тут змея.—
Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли;

А если б некогда деревьев тех не стало
И время их бы отошло,
Тогда, в свою чреду, ты столько б возросло,
Усилилось и укрепилось,
Что нынешней беды с тобой бы не случилось,
И бурю, может быть, ты б выдержать могло!»

XV

ГУСИ

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали,
И, встретяся с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает,
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем,
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!» —
«А вы хотите быть за что отличены?» —
Спросил прохожий их.— «Да наши предки...» —
«Знаю,
И всё читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?» —
«Да наши предки Рим спасли!» —
«Всё так, да вы что сделали такое?» —
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?

Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздразнить.

XVI

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупалась;
И из гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? —
Свинью спросил пастух.—
Ведь и́дет слух,
Что все у богачей лишь бисер да жемчуг,
А в доме так одно богатее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не приметила богатства никакого:
Все только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

XVII

МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьей дворян,
Четверкою рыдван
Тащился.
Кони измучились, и кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он,
И, лошадей мучитель,
С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон;
А легче нет. Ползут из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, знать, рыдван был плотно нагружен,
Что лошади, хотя его тронули,
Но в гору по песку едва-едва тянули.
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится;
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперек шныряет меж людей;
Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет,
И только плачется на то,
Что ей ни в чем никто
Никак помочь не хочет.

Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
Учитель с барыней шушукают тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;
И Муха всем жужжит, что только лишь она
О всем заботится одна.
Меж тем лошадушки, шаг за шаг, понемногу
Втащилися на ровную дорогу.
«Ну,— Муха говорит, —теперя слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».

———

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

XVIII

ОРЕЛ И ПАУК

За облака Орел
На верх Кавказских гор поднялся;
На кедре там столетнем сел,
И зримым под собой пространством любовался.
Казалось, что отколь он видел край земли:
Там реки по степям излучисто текли;
Здесь рощи и луга цвели
Во всем весеннем их уборе;
А там сердитое Каспийско море,
Как во́рона крыло, чернелося вдали.
«Хвала тебе, Зевес, что, управляя светом,
Ты рассудил меня снабдить таким полетом,
Что неприступной я не знаю высоты,—
Орел к Юпитеру взывает,—
И что смотрю отколь на мира красоты,
Куда никто не залетает».—
«Какой же ты хвастун, как погляжу! —
Паук ему тут с ветки отвечает.—
Да ниже ль я тебя, товарищ, здесь сижу?»
Орел глядит: и подлинно, Паук,
Над самым им раскинув сеть вокруг,
На веточке хлопочет,
И, кажется, Орлу заткать он солнце хочет.
«Ты как на этой высоте? —
Спросил Орел.— И те,
Которые полет отважнейший имеют,
Не все сюда пускаться смеют;

А ты без крыл и слаб; неужли ты дополз?» —
«Нет, я б на это не решился».—
«Да как же здесь ты очутился?» —
«Да я к тебе же прицепился,
И снизу на хвосте ты сам меня занес;
Но здесь и без тебя умею я держаться;
И так передо мной прошу не величаться,
И знай, что я. . .» Тут вихрь, отколе ни возьмись,
И сдунул Паука опять на самый низ.

Как вам, а мне так кажутся похожи
На этаких нередко Пауков
Те, кои, без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх, держась за хвост вельможи;
А надувают грудь,
Как будто б силою их бог снабдил орлиной,
Хоть сто́ит ветру лишь пахну́ть,
Чтоб их унесть и с паутиной.

XIX

ЛАНЬ И ДЕРВИШ

Младая Лань, своих лишась любезных чад,
Еще сосцы млеком имея отягченны,
Нашла в лесу двух малых волченят
И стала выполнять долг матери священный,
Своим питая их млеком.
В лесу живущий с ней одном
Дервиш, ее поступком изумленный,
«О безрассудная! — сказал,— к кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности от их ты роду чаешь?
Быть может, некогда (иль злости их не знаешь?)
Они прольют твою же кровь».—
«Быть может,— Лань на это отвечала,—
Но я о том не помышляла
И не желаю помышлять:
Мне чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда б не стала я питать».

———

Так истинная благость
Без всякой мзды добро творит:
Кто добр, тому избытки в тягость,
Коль он их с ближним не делит.

XX

СОБАКА

У барина была Собака шаловлива,
Хоть нужды не было Собаке той ни в чем:
Иная бы таким житьем
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красть!
Но уж у ней была такая страсть:
Что́ из мясного ни достанет,
В минуту стянет.
Хозяин сладить с ней не мог,
Как он ни бился,
Пока его приятель не вступился
И в том ему советом не помог.
«Послушай,— говорит,— хоть, кажется, ты строг,
Но ты лишь красть Собаку приучаешь,
Затем, что краденый кусок
Всегда ей оставляешь.
А ты вперед ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней».
Едва лишь на себе Собака испытала
Совет разумный сей —
Шалить Собака перестала.

XXI

ОРЕЛ И КРОТ

Не презирай совета ничьего,
Но прежде рассмотри его.

Со стороны прибыв далекой
В дремучий лес, Орел с Орлицею вдвоем
Задумали навек остаться в нем,
И, выбравши ветвистый дуб высокой,
Гнездо себе в его вершине стали вить,
Надеясь и детей тут вывести на лето.
Услыша Крот про это,
Орлу взял смелость доложить,
Что этот дуб для их жилища не годится,
Что весь почти он в корне сгнил
И скоро, может быть, свалится;
Так чтоб Орел гнезда на нем не вил.
Но кстати ли Орлу принять совет из норки,
И от Крота! А где же похвала,
Что у Орла
Глаза так зорки?
И что за стать Кротам мешаться сметь в дела
Царь-птицы!
Так многого с Кротом не говоря,
К работе поскорей, советчика презря,—
И новоселье у царя
Поспело скоро для царицы.

Все счастливо: уж есть и дети у Орлицы.
Но что ж? — Однажды, как, зарей,
Орел из-под небес к семье своей
С богатым завтраком с охоты торопился,
Он видит: дуб его свалился
И подавило им Орлицу и детей.
От горести не взвидя свету,
«Несчастный! — он сказал.—
За гордость рок меня так люто наказал,
Что не послушался я умного совету.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Крот совет мог добрый
дать?» —
«Когда бы ты не презрел мною,—
Из норки Крот сказал,— то вспомнил бы, что рою
Свои я норы под землей
И что, случаясь близ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу верней».

Конец третьей книги

I

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка.—
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта;
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он все-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет,—
Кричит Осел,— мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла — уселись чинно в ряд;
А все-таки Квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
«Пожалуй,— говорят,— возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!» —
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней,—
Им отвечает Соловей,—
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

II

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаетесь с нами».—
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,—
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те,
Которые, здесь роясь в темноте,

Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас,
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится,—
Не станет дерева, ни вас».

III

ВОЛК И ЛИСИЦА

Охотно мы дарим,
Что нам не надобно самим.
Мы это басней поясним,
Затем, что истина сноснее вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошок припрятавши в запас,
Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час.
Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.
«Что, кумушка, беды! — он говорит.—
Ни косточкой не мог нигде я поживиться;
Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!» —
«Неужли?» — «Право так».— «Бедняжка куманек!
Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
Я куму услужить готова».
А куму не сенца — хотелось бы мяснова.
Да про запас Лиса ни слова.
И серый рыцарь мой,
Обласкан по уши кумой,
Пошел без ужина домой.

IV

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Запущенный под облака,
Бумажный Змей, приметя свысока
В долине мотылька,
«Поверишь ли! — кричит.— Чуть-чуть тебя мне видно;
Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь полет».—
«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь;
Такая жизнь, мой свет,
От счастия весьма далеко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу
Куда хочу;
Да я же так, как ты, в забаву для другого,
Пустого,
Век целый не трещу».

V

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело — только му́ка.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка,
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав — судить не нам,
Да только воз и ныне там.

VI

СКВОРЕЦ

У всякого талант есть свой,
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чем он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

———

Какой-то смолоду Скворец
Так петь щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья —
А Скворушка завистлив был, к несчастью,—
И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел;
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козленком,
То не путем
Мяукал он котенком;

И, словом, разогнал всех птиц своим пеньем.
Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.

VII

ПРУД И РЕКА

«Что это, — говорил Реке соседний Пруд, —
Как на тебя ни взглянешь,
А во́ды всё твои текут!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счету нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист,
Да это, право, все пустое!
Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов
Мне здесь не для чего страшиться —
Не знаю даже я, каков тяжел челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок.
Что беззаботную заменит жизнь такую?

За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон».—
«А философствуя, ты помнишь ли закон,—
Река на это отвечает,—
Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это оттого, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.
Зато по всякий год,
Обилием и чистотою вод,
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу.
И буду, может быть, еще я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в помине,
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова ее сбылись: она течет поныне;
А бедный Пруд год от году всё глох,
Заволочен весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой,
И наконец совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет.

VIII

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смеется Тришке всяк.
А Тришка говорит: «Так я же не дурак,
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют;
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

IX

МЕХАНИК

Какой-то молодец купил огромный дом,
Дом, правда, дедовский, но строенный на славу:
И прочность и уют — все было в доме том,
И дом бы всем пришел ему по нраву,
Да только то беды —
Немножко далеко стоял он от воды.
«Ну что ж,— он думает,— в своем добре
я властен;
Так дом мой, как он есть,
Велю машинами к реке я перевесть
(Как видно, молодец механикой был страстен!),
Лишь сани под него подвесть,
Подрывшись наперед ему под основанье,
А там уже, изладя на катках,
Я вóротом, куда хочу, все зданье
Поставлю, будто на руках.
И что еще, чего не видано на свете:
Когда перевозить туда мой будут дом,
Тогда под музыкой с приятелями в нем,
Пируя за большим столом,
На новоселье я поеду как в карете».
Пленяся глупостью такой,
И к делу приступил тотчас Механик мой.
Рабочих подрядил, под домом рылся, рылся,
Ни денег, ни забот нимало не берёг;

Однакож дома он перетащить не мог
И только до того добился,
Что дом его свалился.

Как много у людей
Затей,
Которые еще опасней и глупей!

X

ПОЖАР И АЛМАЗ

Из малой искры став пожаром,
Огонь, в стремленьи яром,
По зданьям разлился в глухой полночный час.
При общей той тревоге
Потерянный Алмаз
Едва сквозь пыль мелькал, валяясь по дороге.
«Как ты, со всей своей игрой,—
Сказал Огонь,— ничтожен предо мной!
И сколь навычное потребно зренье,
Чтоб различить тебя, при малом отдаленьи,
Или с простым стеклом, иль с каплею воды,
Когда в них луч иль мой, иль солнечный играет!
Уж я не говорю, что всё тебе беды,
Что на тебя ни попадает:
Безделка — ленты лоскуток;
Как часто блеск твой затмевает,
Вокруг тебя один обвившись, волосок!
Не так легко затмить мое сиянье,
Когда я, в ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, как все усилия людей
Против себя я презираю;
Как с треском все, что встречу, пожираю —
И зарево мое, играя в облаках,
Окрестностям наводит страх!» —
«Хоть против твоего мой блеск и беден,—

Алмаз ответствует,— но я безвреден:
Не укорит меня никто ничьей бедой,
И луч досаден мой
Лишь зависти одной;
А ты блестишь лишь тем, что разрушаешь;
Зато, всей силой съединясь,
Смотри, как рвутся все, чтоб ты скорей погас.
И чем ты яростней пылаешь,
Тем ближе, может быть, к концу».
Тут силой всей народ тушить Пожар принялся;
Наутро дым один и смрад по нем остался;
Алмаз же вскоре отыскался
И лучшею красой стал царскому венцу.

XI

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при ну́жде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинакой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?» —
«Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свесть.
В лесу кого набресть,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за́ слово, знакомятся они,

Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них —
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив,
Мишук с природы молчалив, —
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села,
Он друга обмахнул;
Взглянул —
А муха на щеке; согнал — а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врозь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

XII

ЦВЕТЫ

В отворенном окне богатого покоя,
В фарфоровых расписанных горшках,
Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
На проволочных стебельках
Качалися спесиво
И выставляли всем красу свою на диво.
Вот дождик начал накрапать.
Цветы тафтяные Юпитера тут просят:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругают и поносят.
«Юпитер! — молятся.— Ты дождик прекрати:
Что в нем пути
И что его на свете хуже?
Смотри, нельзя по улице пройти:
Везде лишь от него и грязь и лужи».
Однакоже Зевес не внял мольбе пустой,
И дождь себе прошел своею полосой.
Прогнавши зной,
Он воздух прохладил; природа оживилась,
И зелень вся как будто обновилась.
Тогда и на окне Цветы живые все
Раскинулись во всей своей красе
И стали от дождя душистей,
Свежее и пушистей.
А бедные Цветы поддельные с тех пор
Лишились всей красы и брошены на двор,
Как сор.

Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.

XIII

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Змея к Крестьянину пришла проситься в дом,
Не попустому жить без дела —
Нет, нянчить у него детей она хотела:
Хлеб слаще, нажитый трудом!
«Я знаю,— говорит она,— худую славу,
Которая у вас, людей,
Идет про Змей,
Что все они презлого нраву;
Из древности гласит молва,
Что благодарности они не знают;
Что нет у них ни дружбы, ни родства;
Что даже собственных детей они съедают.
Все это может быть; но я не такова.
Я сроду никого не только не кусала,
Но так гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда б я знала,
Что жить могу без жала;
И, словом, я добрей
Всех Змей.
Суди ж, как буду я любить твоих детей!» —
«Коль это,— говорит Крестьянин,— и не ложно,
Все мне принять тебя не можно;
Когда пример такой
У нас полюбят,

Тогда вползут сюда за доброю Змеей,
Одной,
Сто злых и всех детей здесь перегубят.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому с тобой мне не ужиться,
Что лучшая Змея,
По мне, ни к черту не годится».

Отцы, понятно ль вам, на что здесь мечу я?

XIV

КРЕСТЬЯНИН И РАЗБОЙНИК

Крестьянин, заводясь домком,
Купил на ярмарке подойник да корову
И с ними сквозь дуброву
Тихонько брел домой проселочным путем,
Как вдруг Разбойнику попался.
Разбойник Мужика как липку ободрал.
«Помилуй,— всплачется Крестьянин,— я пропал,
Меня совсем ты доконал!
Год целый я купить коровушку сбирался;
Насилу этого дождался дня».—
«Добро, не плачься на меня,—
Сказал, разжалобясь, Разбойник,—
И подлинно, ведь мне коровы не доить;
Уж так и быть,
Возьми себе назад подойник».

XV

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Всё видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!» —
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —
«Да разве там он?» — «Там».— «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

XVI

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить,
И, что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли; пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером.—
И на́четверо он оленя раздирает.—
Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

XVII

КОНЬ И ВСАДНИК

Какой-то Всадник так Коня себе нашколил,
Что делал из него все, что изволил,
Не шевеля почти и поводо́в;
Конь слушался его лишь слов.
«Таких коней и взнуздывать напрасно,—
Хозяин некогда сказал.—
Ну, право, вздумал я прекрасно!»
И, в поле выехав, узду с Коня он снял.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавил только ходу
Слегка,
И, вскинув голову, потряхивая гривой,
Он выступкой пошел игривой,
Как будто теша Седока.
Но сметя, как над ним управа некрепка,
Взял скоро волю Конь ретивой:
Вскипела кровь его и разгорелся взор;
Не слушая слов всадниковых боле,
Он мчит его во весь опор
Чрез все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадник мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь боле лишь серчал и рвался,
И сбросил наконец с себя его долой;

А сам, как бурный вихрь, пустился,
Не взвидя света, ни дорог,
Поколь, в овраг со всех махнувши ног,
До смерти не убился.
Тут в горести Седок
«Мой бедный Конь! — сказал.— Я стал виною
Твоей беды!
Когда бы не́ снял я с тебя узды,
Управил бы, наверно, я тобою:
И ты бы ни меня не сшиб,
Ни смертью б сам столь жалкой не погиб!»

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

XVIII

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донесть!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота — что и не счесть!
А та Река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так, верно, их она уймет,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что ж? как подходить к Реке поближе стали,
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой
И, покачавши головой,
Пошли домой.

А отходя, проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».

XIX

ДОБРАЯ ЛИСИЦА

Стрелок весной малиновку убил.
Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое
Но нет; за ней должны еще погибнуть трое:
Он бедных трех ее птенцов осиротил.
Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
Малютки терпят голод,
И холод,
И писком жалобным зовут напрасно мать.
«Как можно не страдать,
Малюток этих видя;
И сердце чье об них не заболит? —
Лисица птицам говорит,
На камушке против гнезда сироток сидя.—
Не киньте, милые, без помощи детей;
Хотя по зернышку бедняжкам вы снесите,
Хоть по соломинке к их гнездышку приткните:
Вы этим жизнь им сохраните;
Что дела доброго святей!
Кукушка, посмотри, ведь ты и так линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать
И перьем бы твоим постельку их устлать.
Ведь попусту ж его ты растеряешь.
Ты, жаворонок, чем по верхам
Тебе кувыркаться, кружиться,
Ты б корму поискал по нивам, по лугам,
Чтоб с сиротами поделиться.

Ты, горлинка,— твои птенцы уж подросли,
Промыслить корм они и сами бы могли;
Так ты бы с своего гнезда слетела,
Да вместо матери к малюткам села,
А деток бы твоих пусть бог
Берег.
Ты б, ласточка, ловила мошек,
Полакомить безродных крошек.
А ты бы, милый соловей,—
Ты знаешь, как всех голос твой прельщает,—
Меж тем, пока зефир их с гнездышком качает,
Ты б убаюкивал их песенкой своей.
Такою нежностью, я твердо верю,
Вы б заменили им их горькую потерю.
Послушайте меня: докажем, что в лесах
Есть добрые сердца, и что. . .» При сих словах
Малютки бедные все трое,
Не могши с голоду сидеть в покое,
Попадали к Лисе на низ.
Что ж кумушка? — Тотчас их съела —
И поученья не допела.

Читатель, не дивись!
Кто добр поистине, не распложая слова,
В молчаньи тот добро творит;
А кто про доброту лишь в уши всем жужжит,
Тот часто только добр на счет другого,
Затем, что в этом нет убытка никакого.
На деле же почти такие люди все —
Сродни моей Лисе.

XX

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

———

В овечьи старосты у льва просился волк.
Стараньем кумушки-лисицы
Словцо о нем замолвлено у львицы.
Но так как о волках худой на свете толк,
И не сказали бы, что смотрит лев на лицы,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход
И расспросить того, другого,
Что в волке доброго он знает иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин-чином собраны;
Но против волка нет ни слова,
И волка велено в овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были?
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

Конец четвертой книги

КНИГА ПЯТАЯ

I

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста покушай».—
«Соседушка, я сыт по горло».— «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел».— «И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однакоже еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян.— Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,

Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать во время не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,—
Так ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

II

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка! слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала.—
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —
«Не радуйся, мой свет,—
Ей Крыса говорит в ответ,—
И не надейся попустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

III

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня;
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль,— говорит,— средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня,
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

IV

ВОДОЛАЗЫ

Какой-то древний царь впал в страшное сомненье:
Не более ль вреда, чем пользы, от наук?
Не расслабляет ли сердец и рук
Ученье?
И не разумнее ль поступит он,
Когда ученых всех из царства вышлет вон?
Но так как этот царь, свой украшая трон,
Душою всей радел своих народов счастью,
И для того
Не делал ничего
По прихоти иль по пристрастью,—
То приказал собрать совет,
В котором всякий бы, хоть слогом не кудрявым,
Но с толком лишь согласно здравым,
Свое представил «да» иль «нет»:
То есть, ученым вон из царства убираться,
Или попрежнему в том царстве оставаться?
Однакож как совет ни толковал —
Кто сам свой голос подавал,
Кто голос подавал работы секретарской,—
Всяк только дело затемнял,
И в нерешимости запутывал ум царской.
Кто говорил, что неученье тьма;
Что не дал бы нам бог ума,
Ни дара постигать вещей небесных,

Когда бы он хотел,
Чтоб человек не боле разумел
Животных бессловесных,
И что, согласно с целью сей,
Ученье к счастию ведет людей.
Другие утверждали,
Что люди от наук лишь только хуже стали,
Что все ученье бред,
Что от него лишь нравам вред,
И что, за просвещеньем вслед,
Сильнейшие на свете царства пали.
Короче: с обеих сторон,
И дело выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о науках спор остался не решен;
Царь сделал более. Созвав отвсюду он
Разумников, из них установил собранье,
И о науках спор им предложил на суд.
Но способ был и этот худ,
Затем, что царь им дал большое содержанье:
Так в голосах между собой разлад
Для них был настоящий клад;
И если бы им волю дали,
Они б доныне толковали
Да жалованье брали.
Но так как царь казною не шутил,
То он, приметя то, их скоро распустил.
Меж тем час от часу впадал в сомненье боле.
Вот как-то вышел он, сей мыслью занят, в поле,
И видит пред собой
Пустынника, с седою бородой
И с книгою в руках большой.
Пустынник важный взор имел, но не угрюмый:
Приветливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челе следы глубокой видны думы.
Монарх с пустынником вступает в разговор,
И, видя в нем познания несчетны,
Он просит мудреца решить тот важный спор:
Науки более ль полезны или вредны?
«Царь! — старец отвечал.— Позволь, чтоб пред тобой

Открыл я притчею простой,
Что размышленья мне внушили многолетны».
И, с мыслями собравшись, начал так:
«На берегу, близ моря,
Жил в Индии рыбак;
Проведши долгий век и бедности и горя,
Он умер и троих оставил сыновей.
Но дети, видя,
Что с нуждою они кормились от сетей,
И ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатее задумали с морей:
Не рыбой — жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однакож был успех различен всех троих:
Один, ленивее других,
Всегда по берегу скитался;
Он даже не хотел ни ног мочить своих
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выбросит к нему волной,
А с леностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудов нимало не жалея
И выбирать умея
Себе по силе глубину,
Богатых жемчугов нырял искать по дну,
И жил, всечасно богатея.
Но третий, алчностью к сокровищам томим,
Так рассуждал с собой самим:
«Хоть жемчуг находить близ берега и можно,
Но, кажется, каких сокровищ ждать не должно,
Когда бы удалося мне
Достать морское дно на самой глубине?
Там горы, может быть, богатств несчетных:
Кораллов, жемчугу и камней самоцветных,
Которы стоит лишь достать
И взять».
Сей мыслию пленясь, безумец вскоре
В открытое пустился море
И, выбрав, где была чернее глубина,

В пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Он жизнью заплатил своею.
О царь! — примолвил тут мудрец,—
Хотя в ученьи зрим мы многих благ причину,
Но дерзкий ум находит в нем пучину
И свой погибельный конец,
Лишь с разницею тою,
Что часто в гибель он других влечет с собою».

V

ГОСПОЖА И ДВЕ СЛУЖАНКИ

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Две были девушки, Служанки, коих часть
Была с утра и до глубокой ночи,
Рук не покладывая, прясть.
Не стало бедным девкам мочи:
Им будни, праздник — все равно;
Нет угомона на старуху:
Днем перевесть она не даст за пряжей духу;
Зарей, где спят еще, а уж у них давно
Пошло плясать веретено.
Быть может, иногда б старуха опоздала,
Да в доме том проклятый был петух:
Лишь он вспоет — старуха встала,
Накинет на себя шубейку и треух,
У печки огонек вздувает,
Бредет, ворча, к прядильщицам в покой,
Расталкивает их костлявою рукой,
А заупрямятся — клюкой,
И сладкий на заре их сон перерывает.
Что будешь делать с ней?
Бедняжки морщатся, зевают, жмутся,
И с теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а расстаются;
Назавтрее опять, лишь прокричит петух,
У девушек с хозяйкой сказка та же:
Их будят и морят на пряже.

«Добро же ты, нечистый дух! —
Сквозь зубы пряхи те на петуха ворчали. —
Без песен бы твоих мы, верно, боле спали;
Уж над тобою быть греху!»
И, выбравши случа́й, без сожаленья,
Свернули девушки головку петуху.
Но что ж? Они себе тем ждали облегченья,
Ан в деле вышел оборот
Совсем не тот:
То правда, что петух уж боле не поет —
Злодея их не стало,—
Да Барыня, боясь, чтоб время не пропало,
Чуть лягут, не дает почти свести им глаз,
И рано так будить их стала всякий раз,
Как рано петухи и сроду не певали.
Тут поздно девушки узнали,
Что из огня они да в полымя попали.

Так выбраться желая из хлопот,
Нередко человек имеет участь ту же:
Одни лишь только с рук сживет,
Глядишь — другие нажил хуже!

VI

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯК

«Как расшумелся здесь! Какой невежа! —
Про дождик говорит на ниве Камень, лежа.—
А рады все ему, пожалуй,— посмотри!
И ждали так, как гостя дорогого,
А что же сделал он такого?
Всего-то шел часа два-три.
Пускай же обо мне расспросят!
Так я уж веки здесь: тих, скромен завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросят,
А не слыхал себе спасибо никогда.
Недаром, право, свет поносят:
В нем справедливости не вижу я никак».—
«Молчи! — сказал ему Червяк.—
Сей дождик, как его ни кратко было время,
Лишенную засухой сил
Обильно ниву напоил,
И земледельца он надежду оживил;
А ты на ниве сей пустое только бремя».

Так хвалится иной, что служит сорок лет,—
А проку в нем, как в этом Камне, нет.

VII

МЕДВЕДЬ У ПЧЕЛ

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями.
Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
Затем что к меду Мишка падок,
Так не было б оглядок;
Да, спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но меду всё не воротили.
А Мишенька и ухом не ведет:
Со светом Мишка распрощался,
В берлогу теплую забрался,
И лапу с медом там сосет
Да у моря погоды ждет

VIII

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка,— говорит,— кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть;
Я даже их могу по пальцам перечесть».—
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

IX

КОМАР И ПАСТУХ

Пастух под тенью спал, надеяся на псов.
Приметя то, змея из-под кустов
Ползет к нему, вон высунувши жало;
И Пастуха на свете бы не стало:
Но, сжаляся над ним, Комар, что было сил,
Сонливца укусил.
Проснувшися, Пастух змею убил;
Но прежде Комара спросонья так хватил,
Что, бедного, его как не бывало.

Таких примеров есть немало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добром,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же с ним случится,
Что с Комаром.

X

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.
Нес, нес он их и утомился,
Остановился,
На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
«Куда я беден, боже мой!
Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?»
В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовет он смерть; она у нас не за горами,
А за плечами:
Явилась вмиг
И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
Увидевши ее свирепую осанку,
Едва промолвить мог бедняк, оторопев:
«Я звал тебя, коль не во гнев,
Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать еще тошней.

XI

РЫЦАРЬ

Какой-то Рыцарь в старину,
Задумавши искать великих приключений,
Собрался на войну
Противу колдунов и против привидений;
Вздел латы и велел к крыльцу подвесть коня.
Но прежде, нежели в седло садиться,
Он долгом счел к коню с сей речью обратиться:
«Послушай, ретивой и верный конь, меня:
Ступай через поля, чрез горы, чрез дубравы,
Куда глаза твои глядят,
Как рыцарски законы нам велят,
И путь отыскивай в храм славы!
Когда ж Карачунов я злобных усмирю,
В супружество княжну китайскую добуду
И царства два-три покорю,—
Тогда трудов твоих, мой друг, я не забуду:
С тобой всю славу разделю,
Конюшню, как дворец огромный.
Построить для тебя велю.
А летом отведу луга тебе поемны;
Теперь знаком ты мало и с овсом,
Тогда ж пойдет у нас обилие во всем:
Ячмень твой будет корм, сыта медова — пойло».
Тут Рыцарь прыг в седло и бросил повода,
А лошадь молодца, не ездя никуда,
Прямехонько примчала в стойло.

XII

ТЕНЬ И ЧЕЛОВЕК

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
Он к ней — она вперед; он шагу прибавлять —
Она туда ж; он наконец бежать;
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Все не даваясь, будто клад.
Вот мой чудак пустился вдруг назад.
Оглянется — а тень за ним уж гнаться стала.

Красавицы! слыхал я много раз:
Вы думаете что? Нет, право, не про вас;
А что бывает то ж с фортуною у нас.
Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь ее из силы всей;
Другой, как кажется, бежит совсем от ней:
Так нет, за тем она сама гоняться любит.

XIII

КРЕСТЬЯНИН И ТОПОР

Мужик, избу рубя, на свой Топор озлился;
Пошел Топор в худых; Мужик взбесился:
Он сам нарубит вздор,
А виноват во всем Топор —
Бранить его, хоть как, Мужик найдет причину.
«Негодный! — он кричит однажды.— С этих пор
Ты будешь у меня обтесывать тычину.
А я, с моим уменьем и трудом,
Притом с досужестью моею,
Знай, без тебя пробавиться умею
И сделаю простым ножом,
Чего другой не срубит топором».—
«Рубить, что мне велишь, моя такая доля,—
Смиренно отвечал Топор на окрик злой.—
Итак, хозяин мой,
Твоя святая воля,
Готов тебе я всячески служить;
Да только ты смотри, чтоб после не тужить:
Меня ты попусту иступишь,
А всё ножом избы не срубишь».

XIV

ЛЕВ И ВОЛК

Лев убирал за завтраком ягненка;
А собачонка,
Вертясь вкруг царского стола,
У Льва из-под когтей кусочек урвала;
И царь зверей то снес, не огорчась нимало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Лев, конечно, не силен,
Коль так смирен:
И лапу протянул к ягненку также он.
Ан вышло с Волком худо:
Он сам ко Льву попал на блюдо.
Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок,
Напрасно, смо́тря на собачку,
Ты вздумал, что тебе я также дам потачку:
Она еще глупа, а ты уж не щенок!»

XV

СОБАКА, ЧЕЛОВЕК, КОШКА И СОКОЛ

Собака, Человек, да Кошка, да Сокол
Друг другу поклялись однажды в дружбе вечной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У них был общий дом, едва ль не общий стол;
Клялись делить они и радость и заботу,
Друг другу помогать,
Друг за друга стоять,
И, если надо, друг за друга умирать.
Вот как-то вместе все, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далёко от дому отбились,
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тут задремали все, кто лежа, кто и сидя,
Как вдруг из лесу шасть
На них медведь, разинув пасть.
Беду такую видя,
Сокол на воздух, Кошка в лес,
И Человек тут с жизнью бы простился;
Но верный Пес
Со зверем злым барахтаться схватился,
В него вцепился,
И, как медведь его жестоко ни ломал,
Как ни ревел от боли и от злости,

Пес, прохватя его до кости,
Повис на нем и зуб не разжимал,
Доколе с жизнию всех сил не потерял.
А Человек? К стыду, из нас не всякой
Сравнится в верности с собакой!
Пока медведь был занят дракой,
Он, подхватя ружье свое с собой,
Пустился без души домой.

На языке легка и ласка и услуга;
Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.
Как редки таковы друзья!
И то сказать, как часто видел я,
Что так, как в басне сей был верный Пес оставлен,
Так тот,
Кто из хлопот
Был другом выручен, избавлен,
Его же покидал в беде,
Его же и ругал везде.

XVI

ПОДАГРА И ПАУК

Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
Насколько правды тут, и как, и почему;
Притом же, кажется, ему
Зажмурясь в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,
Что адом рождены Подагра с Пауком.
Как выросли они и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети — бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: «Подите
Вы, детушки, на свет и землю разделите!
Надежда в вас большая есть,
Что оба вы мою поддержите там честь
И оба людям вы равно надоедите.
Смотрите же: отселе наперед
Кто что из вас в удел себе возьмет —
Вон, видите ль вы пышные чертоги?
А там вон хижины убоги?
В одних простор, довольство, красота,
В других и теснота,
И труд, и нищета».
«Мне хижин ни за что не надо»,—
Сказал Паук. «А мне не надобно палат,—
Подагра говорит,— пусть в них живет мой брат.

В деревне, от аптек подале, жить я рада;
А то меня там станут доктора
Гонять из каждого богатого двора».
Так смолвясь, брат с сестрой пошли, явились
в мире.
В великолепнейшей квартире
Паук владение себе отмежевал:
По штофам пышным, расцвеченным
И по карнизам золоченым
Он паутину разостлал,
И мух бы вдоволь нахватал;
Но к рассвету, едва с работою убрался,
Пришел и щеткою всё смел слуга долой.
Паук мой терпелив: он к печке перебрался.
Оттоле Паука метлой.
Туда, сюда Паук, бедняжка мой!
Но где основу ни натянет,
Иль щетка иль крыло везде его достанет,
И всю работу изорвет,
А с нею и его частехонько сметет.
Паук в отчаяньи, и за город идет
Увидеться с сестрицей.
«Чай, в селах,— говорит,— живет она царицей».
Пришел — а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит:
Примета у простых людей,
Что чем подагру мучишь боле,
Тем ты скорей
Избавишься от ней.
«Нет, братец,— говорит она,— не жизнь мне в поле!»
А брат
Тому и рад;
Он тут же с ней уделом обменялся:
Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался,
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткал и потолок, и стены, и углы.
Подагра же — тотчас в дорогу;
Простилася с селом;
В столицу прибыла и в самый пышный дом
К Превосходительству седому села в ногу.

Подагре рай! Пошло житье у старика:
Не сходит с ним она долой с пуховика.
С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;
Всяк при своем у них остался,
Доволен участью равно:
Паук по хижинам пустился неопрятным,
Подагра же пошла по богачам и знатным;
И — оба делают умно.

XVII

ЛЕВ И ЛИСИЦА

Лиса, не видя сроду Льва,
С ним встретясь, со страстей осталась чуть жива.
Вот, несколько спустя, опять ей Лев попался;
Но уж не так ей страшен показался.
А третий раз потом
Лиса и в разговор пустилася со Львом.

Иного так же мы боимся,
Іоколь к нему не приглядимся.

XVIII

ХМЕЛЬ

Хмель выбежал на огороде
И вкруг сухой тычинки виться стал;
А в поле близко дуб молоденький стоял.
«Что в этом пользы есть уроде,
Да и во всей его породе? —
Так про дубок тычинке Хмель жужжал.—
Ну как его сравнить с тобою?
Ты барыня пред ним одной лишь прямизною.
Хоть листьем, правда, он одет,
Да что за жесткость, что за цвет!
За что его земля питает?»
Меж тем едва неделя протекает,
Хозяин на дрова тычинку ту сломил,
А в огород дубок пересадил.
И труд ему с большим успехом удается:
Дубок и принялся и отпрыски пустил;
Посмотришь — около него мой Хмель уж вьется,
И дубу от него вся честь и похвала!

Такие ж у льстеца поступки и дела:
Он на тебя несет тьму небылиц и бредней,
И как ты хочешь, так трудись,
Но у него в хороших быть не льстись;
А только в случай попадись —
Он первый явится в передней.

XIX

СЛОН В СЛУЧАЕ

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
В минуту по лесам прошла о том молва,
И так, как водится, пошли догадки,
Чем в милость втерся Слон?
Не то красив, не то забавен он;
Что за прием, что за ухватки!
Толкуют звери меж собой.
«Когда бы,— говорит, вертя хвостом, лисица,—
Был у него пушистый хвост такой,
Я не дивилась бы».— «Или, сестрица,—
Сказал медведь,— хотя бы по когтям
Он сделался случайным:
Никто того не счел бы чрезвычайным;
Да он и без когтей, то всем известно нам».—
«Да не вошел ли он в случай клыками? —
Вступился в речь их вол.—
Уж не сочли ли их рогами?» —
«Так вы не знаете,— сказал осел,
Ушами хлопая,— чем мог он полюбиться
И в знать добиться?
А я так отгадал —
Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не примечаем,
Себя в других охотно величаем.

XX

ТУЧА

Над изнуренною от зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ее не освежа одною,
Она большим дождем над морем пролилась,
И щедростью своей хвалилась пред горою.
«Что сделала добра
Ты щедростью такою? —
Сказала ей гора.—
И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голоду спасла,
А в море без тебя, мой друг, воды довольно».

XXI

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,
Что справедливости совсем они не знают,
А правду тож они нередко наблюдают:
Я и пример тому здесь приведу.
По случаю какому-то в аду
Змея с Клеветником в торжественном ходу
Друг другу первенства оставить не хотели
И зашумели,
Кому из них идти приличней наперед?
А в аде первенство, известно, тот берет,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сем и жарком и немалом
Перед Змеею Клеветник
Свой выставлял язык,
А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
Шипела, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вот, Клеветник было за ней уж очутился;
Но Вельзевул не потерпел того:
Он сам, спасибо, за него
Вступился
И осадил назад Змею,
Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю:
Ты зла,— твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;

Кусаешь без вины (и то не мало!),
Но можешь ли язвить ты так издалека,
Как злой язык Клеветника,
От коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперед смирней».
С тех пор клеветники в аду почетней змей.

XXII

ФОРТУНА И НИЩИЙ

С истертою и ветхою сумой
Бедняжка нищенький под оконьем таскался
И, жалуясь на жребий свой,
Нередко удивлялся,
Что люди, живучи в богатых теремах,
По горло в золоте, в довольстве и сластях,
Как их карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, без пути алкая
И нового богатства добывая,
Лишаются нередко своего
Всего.
Вон, бывший, например, того хозяин дому
Пошел счастливо торговать;
Расторговался в пух. Тут, чем бы перестать
И достальной свой век спокойно доживать,
А промысел оставить свой другому,—
Он в море корабли отправил по весне;
Ждал горы золота; но корабли разбило —
Сокровища его все море поглотило;
Теперь они на дне,
И видел он себя богатым, как во сне.
Другой, тот в откупа пустился,
И нажил было миллион,
Да мало: захотел его удвоить он,
Забрался по уши, и вовсе разорился.

Короче, тысячи таких примеров есть;
И поделом: знай честь!
Тут Нищему Фортуна вдруг предстала
И говорит ему:
«Послушай, я помочь давно тебе желала;
Червонцев кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только с уговором:
Всё будет золото, в суму что попадет;
Но если из сумы что на пол упадет,
То сделается сором.
Смотри ж, я наперед тебя остерегла:
Мне велено хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтоб вынести она могла».
Едва от радости мой Нищий дышит
И под собой земли не слышит!
Расправил свой кошель, и щедрою рукой
Тут полился в него червонцев дождь златой.
Сума становится уж тяжеленька.
«Довольно ль?» — «Нет еще».— «Не треснула б».
— «Не бойсь».—
«Смотри, ты Крезом стал».— «Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось».—
«Эй, полно! Посмотри, сума ползет уж врозь».—
«Еще щепоточку». Но тут кошель прорвался,
Рассыпалась казна и обратилась в прах,
Фортуна скрылася: одна сума в глазах,
И Нищий нищеньким попрежнему остался.

XXIII

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕР

Живущая в болоте, под горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла там тинистый в лощинке уголок,
И завела домок
Под кустиком, в тени, меж травки, как раек.
Однакож им она недолго веселилась.
Настало лето, с ним жары,
И дачи Квакушки так сделалися сухи,
Что, ног не замоча, по ним бродили мухи.
«О боги! — молится Лягушка из норы.—
Меня вы, бедную, не погубите,
И землю вровень хоть с горою затопите:
Чтобы в моих поместьях никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопит без умолку,
И наконец Юпитера бранит,
Что нету в нем ни жалости, ни толку.
«Безумная! — Юпитер говорит
(Знать, не был он тогда сердит).—
Как квакать попусту тебе охота!
И чем мне для твоих затей
Перетопить людей,
Не лучше ль вниз тебе стащиться до болота?»

На свете много мы таких людей найдем,
Которым все, кроме себя, постыло
И кои думают, лишь мне бы ладно было,
А там весь свет гори огнем.

XXIV

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ

Какой-то лев большой охотник был до кур;
Однакож у него они водились худо;
Да это и не чудо!
К ним доступ был свободен чересчур.
Так их то крали,
То сами куры пропадали.
Чтоб этому помочь убытку и печали,
Построить вздумал лев большой курятный двор
И так его ухитить и уладить,
Чтобы воров совсем отвадить,
А курам было б в нем довольство и простор.
Вот льву доносят, что Лисица
Большая строить мастерица,—
И дело ей поручено,
С успехом начато и кончено оно:
Лисой к нему приложено
Все — и старанье и уменье.
Смотрели, видели: строенье — загляденье!
А сверх того все есть, чего ни спросишь тут:
Корм под носом, везде натыкано насесток,
От холоду и жару есть приют,
И укромонные местечки для наседок.
Вся слава Лисаньке и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчас повеленье:
На новоселье кур не медля перевесть.

Но есть ли польза в перемене?
Нет: кажется, и крепок двор,
И плотен, и высок забор —
А кур час от часу всё мене.
Отколь беда, придумать не могли.
Но лев велел стеречь. Кого ж подстерегли?
Тое ж Лису-злодейку.
Хоть правда, что она свела строенье так,
Чтобы не ворвался в него никто, никак,
Да только для себя оставила лазейку.

XXV

НАПРАСЛИНА

Как часто, что-нибудь мы сделавши худого,
Кладем вину в том на другого,
И как нередко говорят:
«Когда б не он, и в ум бы мне не впало!»
А ежели людей не стало,
Так уж лукавый виноват,
Хоть тут его совсем и не бывало.
Примеров тьма тому. Вот вам из них один.
В Восточной стороне какой-то был Брамин,
Хоть на словах и теплой веры,
Но не таков своим житьем
(Есть и в Браминах лицемеры);
Да это в сторону, а дело только в том,
Что в братстве он своем
Один был правила такого,
Другие ж все житья святого,
И, что всего ему тошней,
Начальник их был нраву прекрутого:
Так преступить никак устава ты не смей.
Однакож мой Брамин не унывает.
Вот постный день, а он смекает,
Нельзя ли разрешить на сырное тайком?
Достал яйцо, полуночи дождался
И, свечку вздувши с огоньком,
На свечке печь яйцо принялся;

Ворочает его легонько у огня,
Не сводит глаз долой и мысленно глотает,
А про начальника, смеяся, рассуждает:
«Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой приятель!
Яичко съем-таки я всласть».
Ан тут тихонько шасть
К Брамину в келью надзиратель,
И, видя грех такой,
Ответу требует он грозно.
Улика налицо, и запираться поздно!
«Прости, отец святой,
Прости мое ты прегрешенье! —
Так взмолится Брамин сквозь слез.—
И сам не знаю я, как впал во искушенье;
Ах, наустил меня проклятый бес!»
А тут бесенок, из-за печки,
«Не стыдно ли,— кричит,— всегда клепать на нас!
Я сам лишь у тебя учился сей же час,
И, право, вижу в первый раз,
Как яица пекут на свечке».

XXVI

ФОРТУНА В ГОСТЯХ

На укоризну мы Фортуне тароваты:
Кто не в чинах, кто не богат —
За все про все ее бранят;
А поглядишь, так сами виноваты.
Слепое счастие, шатаясь меж людей,
Не вечно у вельмож гостит и у царей,
Оно и в хижине твоей,
Быть может, погостить когда-нибудь пристанет:
Лишь время не терять умей,
Когда оно к тебе заглянет;
Минута с ним одна, кто ею дорожит,
Терпенья годы наградит.
Когда ж ты не умел при счастье поживиться,
То не Фортуне ты — себе за то пеняй
И знай,
Что, может, век она к тебе не возвратится.

Домишка старенький край города стоял;
Три брата жили в нем и не могли разжиться:
Ни в чем им как-то не спорится.
Кто что из них ни затевал,
Все остается без успеха,
Везде потеря иль помеха;
По их словам, вина Фортуны в том была.
Вот невидимкой к ним Фортуна забрела,

И, тронувшись их бедностью большою,
Им помогать решилась всей душою,
Какие бы они ни начали дела,
И прогостить у них все лето.
Все лето: шутка ль это!
Пошли у бедняков дела другой статьей.
Один из них хоть был торгаш плохой,
А тут, что ни продаст, ни купит,
Барыш на всем большой он слупит;
Забыл совсем, что есть наклад,
И скоро стал, как Крез, богат.
Другой в Приказ пошел: иною бы порою
Завяз он в писарях с своею головою;
Теперь ему со всех сторон
Удача:
Что даст обед, что сходит на поклон —
Иль чин, иль место схватит он;
Посмотришь, у него деревня, дом и дача.
Теперь вы спро́сите: что ж третий получил?
Ведь, верно, и ему Фортуна помогала?
Конечно: с ним она почти не отдыхала.
Но третий брат все лето мух ловил,
И так счастливо,
Что диво!
Не знаю, прежде он бывал ли в том горазд;
А тут труды его не втуне:
Как ни взмахнет рукой, благодаря Фортуне
Ни разу промаху не даст.
Вот гостья между тем у братьев нагостилась
И дале в путь пустилась.
Два брата в барышах: один из них богат,
Другой еще притом в чинах; а третий брат
Клянет судьбу, что он Фортуной злою
Оставлен лишь с сумою.

Читатель, будь ты сам судьею,
Кто ж в этом виноват?

Конец пятой книги

КНИГА ШЕСТАЯ

I

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»

II

КУКУШКА И ГОРЛИНКА

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты так грустна? —
Ей с ветки ласково Голубка ворковала.—
Или о том, что миновала
У нас весна,
И с ней любовь, спустилось солнце ниже
И что к зиме мы стали ближе?» —
«Как, бедной, мне не горевать? —
Кукушка говорит.— Будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынешней весною,
И наконец я стала мать;
Но дети не хотят совсем меня и знать;
Такой ли чаяла от них я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Как увиваются вкруг матери утяты,
Как сыплют к курице дождем по зву цыпляты:
А я, как сирота, одним-одна сижу,
И что́ есть детская приветливость — не знаю».—
«Бедняжка! о тебе сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь детей могла убить,
Хотя пример такой не редок;
Скажи ж — так, стало, ты уж вывела и деток?
Когда же ты гнездо успела свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала да летала».—

«Вот вздор, чтоб столько красных дней
В гнезде я, сидя, растеряла:
Уж это было бы всего глупей!
Я яица всегда в чужие гнезды клала».—
«Какой же хочешь ты и ласки от детей?» —
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вам басни сей урок.
Я рассказал ее не детям в извиненье:
К родителям в них непочтенье
И нелюбовь — всегда порок;
Но если выросли они в разлуке с вами
И вы их вверили наемничьим рукам,
Не вы ли виноваты сами,
Что в старости от них утехи мало вам?

III

ГРЕБЕНЬ

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый Гребешок.
Не выпускает вон дитя из рук обновку:
Играет иль твердит из азбуки урок;
Свои всё кудри золотые,
Волнистые, барашком завитые
И мягкие, как тонкий лен,
Любуясь, Гребешком расчесывает он.
И что за Гребешок? Не только не теребит —
Нигде он даже не зацепит:
Так плавен, гладок в волосах.
Нет Гребню и цены у мальчика в глазах.
Случись, однакоже, что Гребень затерялся.
Зарезвился мой мальчик, заигрался,
Всклокотил волосы копной.
Лишь няня к волосам — дитя подымет вой:
«Где Гребень мой?»
И Гребень отыскался,
Да только в голове ни взад он, ни вперед.
Лишь волосы до слез дерет.
«Какой ты злой, Гребнишка!» —
Кричит мальчишка.
А Гребень говорит: «Мой друг, все тот же я,
Да голова всклокочена твоя».
Однакож мальчик мой, от злости и досады,
Закинул Гребень свой в реку:
Теперь им чешутся Наяды.

Видал я на своем веку,
Что так же с правдой поступают.
Поколе совесть в нас чиста,
То правда нам мила и правда нам свята,
Ее и слушают и принимают;
Но только стал кривить душей,
То правду дале от ушей.
И всякий, как дитя, чесать волос не хочет,
Когда их склочет.

IV

СКУПОЙ И КУРИЦА

Скупой теряет все, желая все достать.
Чтоб долго мне примеров не искать,
Хоть есть и много их, я в том уверен,
Да рыться лень: так я намерен
Вам басню старую сказать.

———

Вот что в ребячестве читал я про Скупого.
Был человек, который никакого
Не знал ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнели очевидно.
Он Курицу имел (как это не завидно!),
Котора яица несла,
Но не простые,
А золотые.
Иной бы и тому был рад,
Что понемногу он становится богат;
Но этого Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
И так, забыв ее к себе благодеянье,
Неблагодарности не побоясь греха,
Ее зарезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из нее простые потроха.

V

ДВЕ БОЧКИ

Две бочки ехали: одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто дéлов истинно — тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

VI

АЛКИД

Алкид, Алкмены сын,
Столь славный мужеством и силою чудесной,
Однажды, проходя меж скал и меж стремнин
Опасною стезей и тесной,
Увидел на пути, свернувшись будто ёж,
Лежит, чуть видное, не знает, что такое.
Он раздавить его хотел пятой. И что ж?
Оно раздулося и стало боле вдвое.
От гневу вспыхнув, тут Алкид
Тяжелой палицей своей его разит.
Глядит —
Оно страшней становится лишь с виду:
Толстеет, бухнет и растет,
Застановляет солнца свет
И заслоняет путь собою весь Алкиду.
Он бросил палицу и перед чудом сим
Стал в удивленьи недвижим.
Тогда ему Афина вдруг предстала.
«Оставь напрасный труд, мой брат! — она
сказала.—
Чудовищу сему название Раздор.
Не тронуто — его едва приметит взор;
Но если кто с ним вздумает сразиться —
Оно от браней лишь тучнее становится
И вырастает выше гор».

VII

АПЕЛЛЕС И ОСЛЕНОК

Кто самолюбием чрез меру поражен,
Тот мил себе и в том, чем он другим смешон;
И часто тем ему случается хвалиться,
Чего бы должен он стыдиться.

С Осленком встретясь, Апеллес
Зовет к себе Осленка в гости;
В Осленке заиграли кости!
Осленок хвастовством весь душит лес
И говорит зверям: «Как Апеллес мне скучен,
Я им размучен:
Ну все зовет к себе, где с ним ни встречусь я.
Мне кажется, мои друзья,
Намерен он с меня писать Пегаса».—
«Нет,— Апеллес сказал, случася близко тут, —
Намеряся писать Мидасов суд,
Хотел с тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мне, я буду рад.
Ослиных мне ушей и много хоть встречалось,
Но этаких, какими ты богат,
Не только у ослят,
Ни даже у ослов мне видеть не случалось».

VIII

ОХОТНИК

Как часто говорят в делах: еще успею.
Но надобно признаться в том,
Что это говорят, спросяся не с умом,
А с леностью своею.
Итак, коль дело есть, скорей его кончай,
Иль после на себя ропщи, не на случа́й,
Когда оно тебя застанет невзначай.
На это басню вам скажу я как умею.

Охотник, взяв ружье, патронницу, суму
И друга верного по нраву и обычью,
Гектора,— в лес пошел за дичью,
Не зарядя ружья, хоть был совет ему,
Чтоб зарядил ружье он дома.
«Вот вздор! — он говорит.— Дорога мне знакома,
На ней ни воробья не видел я родясь;
До места ж ходу целый час,
Так зарядить еще успею я сто раз».
Но что ж? Лишь вон из жила
(Ка́к будто бы над ним Фортуна подшутила) —
По озерку
Гуляют утки целым стадом;
И нашему б тогда Стрелку
Легко с полдюжины одним зарядом
Убить
И на неделю с хлебом быть,

Когда б не отложил ружья он зарядить.
Теперь к заряду он скорее; только утки
На это чутки:
Пока с ружьем возился он,
Они вскричали, встрепенулись,
Взвились и — за леса веревкой потянулись,
А там из виду скрылись вон.
Напрасно по лесу Стрелок потом таскался —
Ни даже воробей ему не попадался;
А тут к беде еще беда:
Случись тогда
Ненастье.
И так Охотник мой,
Измокши весь, пришел домой
С пустой сумой;
А все-таки пенял не на себя — на счастье.

IX

МАЛЬЧИК И ЗМЕЯ

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, во́зрившись, от страха
Стал бледен, как его рубаха.
Змея, на Мальчика спокойно посмотря,
«Послушай,— говорит,— коль ты умней не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдет.
На сей раз бог простит; но берегись вперед
И знай, с кем шутишь!»

X

ПЛОВЕЦ И МОРЕ

На берег выброшен кипящею волной,
Пловец с усталости в сон крепкий погрузился;
Потом, проснувшися, он Море клясть пустился.
«Ты,— говорит,— всему виной!
Своей лукавой тишиной
Маня к себе, ты нас прельщаешь
И, заманя, нас в безднах поглощаешь».
Тут Море, на себя взяв Амфитриды вид,
Пловцу, явяся, говорит:
«На что винишь меня напрасно?
Плыть по водам моим ни страшно, ни опасно;
Когда ж свирепствуют морские глубины,
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мне не дают покою.
Когда не веришь мне, то испытай собою:
Как ветры будут спать, отправь ты корабли,
Я неподвижнее тогда земли».

И я скажу: совет хорош, не ложно;
Да плыть на парусах без ветру невозможно.

XI

ОСЕЛ И МУЖИК

Мужик на лето в огород,
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьев гонять нахальный род.
Осел был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей незнаком;
Не поживился он хозяйским ни листком,
И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужику барыш был с огорода плох.
Осел, гоняя птиц, со всех ослиных ног,
По всем грядам и вдоль и поперег,
Такую поднял скачку,
Что в огороде всё примял и притоптал.
Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
«И ништо! — все кричат.— Скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться:
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),
Но, кажется, неправ и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

XII

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный.—
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

XIII

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие краи,
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насказали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалося обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянны колпаки;
А в хижинах на них злодеи — пауки.
«Путь добрый вам,— Пчела на это отвечала.—
А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала —
От поселян и до вельмож.
Но вы летите
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будут вам
И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

XIV

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,
Что только и речей там было, что о нем.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,
Своим их чванством мерил
И всем им верил;
А ими наконец так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво всполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:

У всякого забота там своя.
Мой Муравей то, взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет —
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит,
А он — дивит
Свой только муравейник.

XV

ПАСТУХ И МОРЕ

Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель
И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может быть, он многих был царей.
Но видя всякий раз, как с Моря
Сокровища несут горами корабли,
Как выгружаются богатые товары
И ломятся от них анбары,
И как хозяева их в пышности цвели,
Пастух на то прельстился;
Распродал стадо, дом, товаров накупил,
Сел на корабль — и за Море пустился.
Однакоже поход его недолог был;
Обманчивость, Морям природну,
Он скоро испытал: лишь берег вон из глаз,
Как буря поднялась;
Корабль разбит, пошли товары кó дну,
И он насилу спасся сам.
Теперь опять благодаря Морям
Пошел он в пастухи, лишь с разницею тою,
Что прежде пас овец своих,
Теперь пасет овец чужих
Из платы. С нуждою, однакож, хоть большою,
Чего не сделаешь терпеньем и трудом?

Не спив того, не съев другова,
Скопил деньжонок он, завелся стадом снова,
И стал опять своих овечек пастухом.
Вот, некогда, на берегу морском,
При стаде он своем
В день ясный сидя
И видя,
Что на Море едва колышется вода
(Так Море присмирело)
И плавно к пристани бегут по ней суда,
«Мой друг! — сказал.— Опять ты денег захотело,
Но ежели моих — пустое дело!
Ищи кого иного ты провесть,
От нас тебе была уж честь.
Посмотрим, как других заманишь,
А от меня вперед копейки не достанешь».

———

Баснь эту лишним я почел бы толковать;
Но как здесь к слову не сказать,
Что лучше верного держаться,
Чем за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастных от нее
На одного, кто не был ей обманут,
А мне, что говорить ни станут,
Я буду все твердить свое:
Что впереди — бог весть; а что мое — мое!

XVI

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

К Крестьянину вползла Змея
И говорит: «Сосед! начнем жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я,
И кожу нынешней весной переменила».
Однакож Мужика Змея не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: — «Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же».
И вышиб из соседки дух.

Когда извериться в себе ты дашь причину,
Как хочешь ты меняй личину:
Себя под нею не спасешь,
И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.

XVII

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись пóпусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

XVIII

ОВЦЫ И СОБАКИ

В каком-то стаде у Овец,
Чтоб волки не могли их более тревожить,
Положено число Собак умножить.
Что ж? Развелось их столько наконец,
Что Овцы от волков, то правда, уцелели,
Но и Собакам надо ж есть:
Сперва с Овечек сняли шерсть,
А там, по жеребью, с них шкурки полетели,
А там осталося всего Овец пять-шесть,
И тех Собаки съели.

XIX

МЕДВЕДЬ В СЕТЯХ

Медведь
Попался в сеть.
Над смертью издали шути как хочешь смело;
Но смерть вблизи — совсем другое дело.
Не хочется Медведю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и от драки,
Да весь опутан сетью он,
А на него со всех сторон
Рогатины, и ружья, и собаки:
Так драка не по нем.
Вот хочет Мишка взять умом
И говорит ловцу: «Мой друг, какой виною
Я проступился пред тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль веришь клеветам напрасным на медведей,
Что злы они? Ах, мы совсем не таковы!
Я, например, пошлюсь на всех соседей,
Что изо всех зверей мне только одному
Никто не сделает упрека,
Чтоб мертвого я тронул человека».—
«То правда,— отвечал на то ловец ему,—
Хвалю к усопшим я почтение такое;
Зато, где случай ты имел,
Живой уж от тебя не вырывался цел.
Так лучше бы ты мертвых ел,
И оставлял живых в покое».

XX

КОЛОС

На ниве, зыблемый погодой, Колосок,
Увидя за стеклом в теплице
И в неге и в добре взлелеянный цветок,
Меж тем как он и мошек веренице,
И бурям, и жарам, и холоду открыт,
Хозяину с досадой говорит:
«За что вы, люди, так всегда несправедливы,
Что кто умеет ваш утешить вкус иль глаз,
Тому ни в чем отказа нет у вас;
А кто полезен вам, к тому вы нерадивы?
Не главный ли доход твой с нивы:
А посмотри, в какой небрежности она!
С тех пор, как бросил ты здесь в землю семена,
Укрыл ли под стеклом когда нас от ненастья?
Велел ли нас полоть иль согревать,
И приходил ли нас в засуху поливать?
Нет: мы совсем расти оставлены на счастье.
Тогда как у тебя цветы,
Которыми ни сыт, ни богатеешь ты,
Не так, как мы, закинуты здесь в поле,—
За стеклами растут в приюте, в неге, в холе.
Что, если бы о нас ты столько клал забот?
Ведь в будущий бы год
Ты собрал бы сам-сот,
И с хлебом караван отправил бы в столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире нам теплицу».—

«Мой друг,— хозяин отвечал,—
Я вижу, ты моих трудов не примечал.
Поверь, что главные мои о вас заботы.
Когда б ты знал, какой мне стоило работы
Расчистить лес, удобрить землю вам:
И не было конца моим трудам.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нет.
Дождя ж и ветру ты проси себе у неба;
А если б умный твой исполнил я совет,
То был бы без цветов, и был бы я без хлеба».

Так часто добрый селянин,
Простой солдат иль гражданин,
Кой с кем свое сличая состоянье,
Приходят иногда в роптанье.
Им можно то ж почти сказать и в оправданье.

XXI

МАЛЬЧИК И ЧЕРВЯК

Не льстись предательством ты счастие сыскать!
У самых тех всегда в глазах предатель низок,
Кто при нужде его не ставит в грех ласкать;
И первый завсегда к беде предатель близок.

Крестьянина Червяк просил его пустить
В свой сад на лето погостить.
Он обещал вести себя там честно,
Не трогая плодов, листочки лишь глодать,
И то, которые уж станут увядать.
Крестьянин судит: «Как пристанища не дать?
Ужли от Червяка в саду мне будет тесно?
Пускай его себе живет.
Притом же важного убытку быть не может,
Коль он листочка два-три сгложет».
Позволил: и Червяк на дерево ползет;
Нашел под веточкой приют от непогод;
Живет без нужды, хоть не пышно,
И про него совсем не слышно.
Меж тем уж золотит плоды лучистый Царь.
Вот в самом том саду, где также спеть всё
стало.
Наливное, сквозное, как янтарь,
При солнце яблоко на ветке дозревало.
Мальчишка был давно тем яблоком пленен;

Из тысячи других его заметил он:
Да доступ к яблоку мудрен.
На яблоню Мальчишка лезть не смеет,
Ее тряхнуть он силы не имеет,
И, словом, яблоко достать не знает как.
Кто ж в краже Мальчику помочь взялся? Червяк.
«Послушай,— говорит,— я знаю это точно,
Хозяин яблоки велел снимать;
Так это яблоко обоим нам непрочно;
Однакож я берусь его достать,
Лишь поделись со мной. Себе ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро боле;
А мне и самой малой доли
На целый станет век глодать».
Условье сделано: Мальчишка согласился;
Червяк на яблоню — и работать пустился;
Он яблоко в минуту подточил.
Но что ж в награду получил?
Лишь только яблоко упало,
И с семечками съел его Мальчишка мой;
А как за долей сполз Червяк долой,
То Мальчик Червяка расплющил под пятой:
И так ни Червяка, ни яблока не стало.

XXII

ПОХОРОНЫ

В Египте встарину велось обыкновенье,
Когда кого хотят пышнее хоронить,
Наемных плакальщиц пускать за гробом выть.
Вот некогда, на знатном погребенье,
Толпа сих плакальщиц, поднявши вой,
Покойника от жизни скоротечной
В дом провожала вечной
На упокой.
Тут странник, думая, что в горести сердечной
То рвется вся покойника родня,
«Скажите,— говорит,— не рады ли б вы были,
Когда б его вам воскресили?
Я Маг; на это есть возможность у меня:
Мы заклинания с собой такие носим —
Покойник оживет сейчас».—
«Отец! — вскричали все.— Обрадуй, бедных, нас!
Одной лишь милости притом мы просим:
Чтоб суток через пять
Он умер бы опять.
В живом в нем не было здесь проку никакова,
Да вряд ли будет и вперед;
А как умрет,
То выть по нем наймут нас, верно, снова».

Есть много богачей, которых смерть одна
К чему-нибудь годна.

XXIII

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудяся над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?» —
«В том,— отвечал сосед,—
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

XXIV

СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИК

В жилище мрачное теней
На суд предстали пред судей
В один и тот же час: Грабитель
(Он по большим дорогам разбивал
И в петлю наконец попал);
Другой был славою покрытый Сочинитель:
Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
Вселял безверие, укоренял разврат,
Был, как Сирена, сладкогласен,
И, как Сирена, был опасен.
В аду обряд судебный скор,
Нет проволочек бесполезных:
В минуту сделан приговор.
На страшных двух цепях железных
Повешены больших чугунных два котла:
В них виноватых рассадили,
Дров под Разбойника большой костер взвалили;
Сама Мегера их зажгла
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться стал в сводах адских камень.
Суд к Сочинителю, казалось, был не строг:
Под ним сперва чуть тлелся огонек;
Но там, чем далее, тем боле разгорался.
Вот веки протекли, огонь не унимался.
Уж под Разбойником давно костер погас:
Под Сочинителем он злей с часу на час.

Не видя облегченья,
Писатель наконец кричит среди мученья,
Что справедливости в богах нимало нет;
Что славой он наполнил свет,
И ежели писал немножко вольно,
То слишком уж за то наказан больно;
Что он не думал быть Разбойника грешней.
Тут перед ним, во всей красе своей,
С шипящими между волос змеями,
С кровавыми в руках бичами,
Из адских трех сестер явилася одна.
«Несчастный! — говорит она.—
Ты ль Провидению пеняешь?
И ты ль с Разбойником себя равняешь?
Перед твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости
Он вреден был,
Пока лишь жил;
А ты... уже твои давно истлели кости,
А солнце разу не взойдет,
Чтоб новых от тебя не осветило бед.
Твоих творений яд не только не слабеет,
Но, разливаяся, век о́т веку лютеет.
Смотри (тут свет ему узреть она дала),
Смотри на злые все дела
И на несчастия, которых ты виною!
Вон дети, стыд своих семей,—
Отчаянье отцов и матерей:
Кем ум и сердце в них отравлены? — тобою.
Кто, осмеяв, как детские мечты,
Супружество, начальства, власти,
Им причитал в вину людские все напасти
И связи общества рвался расторгнуть? — ты.
Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облёк
И страсти и порок?
И вон, опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!

В ней каждой капли слез и крови — ты виной.
И смел ты на богов хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
От книг твоих на свете зол!
Терпи ж: здесь по делам тебе и казни мера!» —
Сказала гневная Мегера —
И крышкою захлопнула котел.

XXV

ЯГНЕНОК

Как часто я слыхал такое рассужденье:
«По мне пускай что хочешь говорят,
Лишь был бы я в душе не виноват!»
Нет; надобно еще уменье,
Коль хочешь в людях ты себя не погубить
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вам знать всего нужнее,
Что слава добрая вам лучше всех прикрас
И что она у вас
Весеннего цветка нежнее.
Как часто и душа и совесть в вас чиста,
Но лишний взгляд, словцо, одна неосторожность
Язвить злословью вас дает возможность —
И ваша слава уж не та.
Ужели не глядеть? Ужель не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякий шаг
Вы свой должны обдумать так,
Чтоб было не к чему злословью и придраться.

Анюточка, мой друг!
Я для тебя и для твоих подруг
Придумал басенку. Пока еще ребенком,
Ты вытверди ее; не ныне, так вперед
С нее сберешь ты плод.
Послушай, что случилося с Ягненком.

Поставь свою ты куклу в уголок:
Рассказ мой будет коротóк.
Ягненок сдуру,
Надевши волчью шкуру,
Пошел по стаду в ней гулять:
Ягненок лишь хотел пощеголять;
Но псы, увидевши повесу,
Подумали, что волк пришел из лесу,
Вскочили, кинулись к нему, свалили с ног
И, прежде нежели опомниться он мог,
Чуть по клочкам его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнав, его отбили,
Но побывать у псов не шутка на зубах:
Бедняжка от такой тревоги
Насилу доволок в овчарню ноги;
А там он стал хиреть, потом совсем зачах,
И простонал весь век свой без умолка.
А если бы Ягненок был умен:
И мысли бы боялся он
Похожим быть на волка.

Конец шестой книги

КНИГА СЕДЬМАЯ

I

СОВЕТ МЫШЕЙ

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
И, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров,
И славу о своих делах трубить заставить
От погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
В котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
Всегда умнее
И расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
По платью иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
У коих же хвоста, к несчастью, нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
Но так как это знак иль неуменья,
Иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,
Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Всё дело слажено; повещено собранье,
Как ночь настанет на дворе;

И наконец в мучном ларе
Открыто заседанье.
Но лишь позаняли места,
Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
Приметя то, седую Мышь толкает
Мышенок молодой
И говорит: «Какой судьбой
Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?
Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас — подполицу всю сгубит».
А Мышь в ответ: «Молчи! всё знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

II

МЕЛЬНИК

У Мельника вода плотину прососала:
Беда б невелика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
А течь день ото дня сильнее становится:
Вода так бьет, как из ведра.
«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хватиться!»
А Мельник говорит: «Далёко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жорнов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные! — кричит.— Хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю, где достать;
А вы пришли ее здесь вдосталь допивать».
И в них поленом хвать.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорешенько пойдет вверх дном?

III

БУЛЫЖНИК И АЛМАЗ

Потерянный Алмаз валялся на пути;
Случилось наконец купцу его найти.
Он от купца
Царю представлен,
Им куплен, в золоте оправлен
И украшением стал царского венца.
Узнав про то, Булыжник развозился,
Блестящею судьбой Алмаза он прельстился,
И, видя мужика, его он просит так:
«Пожалуйста, земляк,
Возьми меня в столицу ты с собою!
За что здесь под дождем и в слякоти я ною?
А наш Алмаз в чести, как говорят,
Не понимаю я, за что он в знать попался?
Со мною сколько лет здесь рядом он валялся;
Такой же камень он, и мне набитый брат.
Возьми ж меня. Как знать? Коль там я покажуся,
То также, может быть, на дело пригожуся».
Взял камень мужичок на свой тяжелый воз,
И в город он его привез.
Ввалился камень мой, и думает, что разом
Засядет рядом он с Алмазом;
Но вышел для него случай совсем иной:
Он точно в дело взят, но взят для мостовой.

IV

МОТ И ЛАСТОЧКА

Какой-то молодец,
В наследство получа богатое именье,
Пустился в мотовство и при большом раденье
Спустил всё чисто; наконец,
С одною шубой он остался,
И то лишь для того, что было то зимой —
Так он морозов побоялся.
Но, Ласточку увидя, малый мой
И шубу промотал. Ведь это все, чай, знают,
Что ласточки к нам прилетают
Перед весной;
Так в шубе, думал он, нет нужды никакой:
К чему в ней кутаться, когда во всей природе
К весенней клонится приятной все погоде
И в северную глушь морозы загнаны?
Догадки малого умны;
Да только он забыл пословицу в народе:
Что ласточка одна не делает весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы,
По снегу хрупкому скрыпят обозы,
Из труб столбами дым, в оконницах стекло
Узорами заволокло.
От стужи малого прошибли слезы,
И Ласточку свою, предтечу теплых дней,
Он видит на снегу замерзшую. Тут к ней,

Дрожа, насилу мог он вымолвить сквозь зубы:
«Проклятая! сгубила ты себя;
А понадеясь на тебя,
И я теперь не во-время без шубы!»

V

ПЛОТИЧКА

Хоть я и не пророк,
Но, видя мотылька, что он вкруг свечки вьется,
Пророчество почти всегда мне удается:
Что крылышки сожжет мой мотылек.
Вот, милый друг, тебе сравненье и урок:
Он и для взрослого, хорош и для ребенка.
Ужли вся басня тут? — ты спросишь; погоди,
Нет, это только побасенка,
А басня будет впереди,
И к ней я наперед скажу нравоученье.
Вот вижу новое в глазах твоих сомненье:
Сначала краткости, теперь уж ты
Боишься длинноты.
Что ж делать, милый друг: возьми терпенье!
Я сам того ж боюсь.
Но как же быть? Теперь я старе становлюсь:
Погода к осени дождливей,
А люди к старости болтливей.
Но чтобы дела мне не выпустить из глаз,
То выслушай: слыхал я много раз,
Что, легкие проступки ставя в малость,
В них извинить себя хотят
И говорят:
За что винить тут? это шалость;
Но эта шалость нам к паденью первый шаг:

Она становится привычкой, после — страстью,
И, увлекая нас в порок с гигантской властью,
Нам не дает опомниться никак.
Чтобы тебе живей представить,
Как на себя надеянность вредна,
Позволь мне басенкой себя ты позабавить;
Теперь из-под пера сама идет она
И может с пользою тебя наставить.

Не помню, у какой реки,
Злодеи царства водяного,
Приют имели рыбаки.
В воде, по близости у берега крутого,
Плотичка резвая жила.
Проворна и притом лукава,
Не боязливого была Плотичка нрава:
Вкруг удочек она вертелась, как юла,
И часто с ней рыбак свой промысл клял с досады.
Когда за пожданье он, в чаянье награды,
Закинет уду, глаз не сводит с поплавка;
Вот, думает, взяла! в нем сердце встрепенется;
Взмахнет он удой: глядь — крючок без червяка;
Плутовка, кажется, над рыбаком смеется,
Сорвет приманку, увернется,
И, хоть ты что, обманет рыбака.
«Послушай,— говорит другая ей Плотица,—
Не сдобровать тебе, сестрица!
Иль мало места здесь в воде,
Что ты всегда вкруг удочек вертишься?
Боюсь я: скоро ты с рекой у нас простишься.
Чем ближе к удочкам, тем ближе и к беде.
Сегодня удалось, а завтра — кто порука?»
Но глупым что глухим разумные слова.
«Вот,— говорит моя Плотва,—
Ведь я не близорука!
Хоть хитры рыбаки, но страх пустой ты брось:
Я вижу хитрость их насквозь.
Вот видишь уду! Вон закинута другая!
Ах, вот еще, еще! Смотри же, дорогая,
Как хитрецов я проведу!»
И к удочкам стрелой пустилась;

Рванула с той, с другой, на третьей зацепилась,
И, ах, попалася в беду!
Тут поздно бедная узнала,
Что лучше бы бежать опасности сначала.

VI

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Когда почтен быть хочешь у людей —
С разбором заводи знакомства и друзей!

Мужик с Змеею подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужику она,
Что ею только он и клялся и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте,— Мужик пеняет,—
За что вы все покинули меня!
Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?» —
«Нет,— кум Матвей сказал ему в ответ,—
К тебе бы рады мы, сосед;
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, ни опечалил;
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил?»

VII

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит,—
Ей с Дубу ворон говорит,—
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».—
«Пусть сохнет,— говорит Свинья,—
Ничуть меня то не тревожит:
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».—
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут.—
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

VIII

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привез полотны;
Они такой товар, что надобно для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко и́дет с рук,
Завистливый Паук
На барыши купца прельстился;
Задумал на продажу ткать,
Купца затеял подорвать
И лавочку открыть в окошке сам решился.
Основу основал, проткал насквозь всю ночь,
Поставил свой товар на диво,
Засел, надувшися спесиво,
От лавки не отходит прочь
И думает: лишь только день настанет,
То всех покупщиков к себе он переманит.
Вот день настал: но что ж? Проказника метлой
Смели и с лавочкой долой.
Паук мой бесится с досады.
«Вот,— говорит,— жди праведной награды!

На весь я свет пошлюсь, чье тонее тканье:
Купцово иль мое?» —
«Твое: кто в этом спорить смеет? —
Пчела ответствует.— Известно то давно;
Да что в нем проку, коль оно
Не одевает и не греет?»

IX

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

«Отколе, умная, бредешь ты, голова?» —
Лисица, встретяся с Ослом, его спросила.
    «Сейчас лишь ото льва:
Ну, кумушка, куда его девалась сила?
Бывало зарычит, так стонет лес кругом,
    И я без памяти бегом,
Куда глаза глядят, от этого урода;
А ныне, в старости, и дряхл и хил,
        Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
        Поверишь ли, в зверях
    Пропал к нему весь прежний страх,
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо льва ни шел, всяк вымещал ему
            По-своему:
    Кто зубом, кто рогами. . .» —
«Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнул?» —
    Лиса Осла перерывает.
    «Вот-на! — Осел ей отвечает. —
А мне чего робеть? и я его лягнул:
    Пускай ослиные копыты знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
    Но упади лишь с высоты —
От первых жди от них обиды и досады.

X

МУХА И ПЧЕЛА

В саду, весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя,
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоем я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житье!
За мною только лишь и дела —
Летать по балам, по гостям;
И молвить не хвалясь, мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все домы.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины —
Из первых я уж верно тут
И ем с фарфоровых богатых блюд,
И пью из хрусталей блестящих сладки вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей;
Притом же, жалуя пол нежной,
Вкруг молодых красавиц вьюсь,
И отдыхать у них сажусь
На щечке розовой иль шейке белоснежной».
«Все это знаю я,— ответствует Пчела.—
Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,

Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом».—
«Вот,— Муха говорит,— гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое».

XI

ЗМЕЯ И ОВЦА

Змея лежала под колодой
И злилася на целый свет;
У ней другого чувства нет,
Как злиться: создана уж так она природой.
Ягненок в близости резвился и скакал;
Он о Змее совсем не помышлял.
Вот, выползши, она в него вонзает жало:
В глазах у бедняка туманно небо стало;
Вся кровь от яду в нем горит.
«Что сделал я тебе?» — Змее он говорит.
«Кто знает? Может быть, ты с тем сюда забрался,
Чтоб раздавить меня,— шипит ему Змея,—
Из осторожности тебя караю я».—
«Ах, нет!» — он отвечал — и с жизнью тут расстался.

В ком сердце так сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствует оно
И ненависть одну ко всем питает,
Тот всякого своим злодеем почитает.

XII

КОТЕЛ И ГОРШОК

Горшок с Котлом большую дружбу свел,
Хотя и познатней породою Котел,
Но в дружбе что за счет? Котел горой за свата;
Горшок с Котлом за панибрата;
Друг бéз друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И, словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.
Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,
И друга он с собой зовет;
Горшок наш от Котла никак не отстает,
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются в телеге меж собой.
Где горки, рытвины, ухабы —
Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
От каждого толчка Горшку большой наклад.
Однакож он не думает назад,
И глиняный Горшок тому лишь рад,
Что он с Котлом чугунным так сдружился.
Как странствия их были далеки,
Не знаю; но о том я точно известился,

Что цел домой Котел с дороги воротился,
А от Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство в любви и дружбе — вещь святая.

XIII

ДИКИЕ КОЗЫ

Пастух нашел зимой в пещере Диких Коз;
Он в радости богов благодарит сквозь слез.
«Прекрасно,— говорит,— ни клада мне не надо,
Теперь мое прибудет вдвое стадо;
И недоем и недосплю,
А милых Козочек к себе я прикормлю,
И паном заживу у нас во всем полесье.
Ведь пастуху стада — что барину поместье:
Он с них оброк волной берет,
И масла и сыры скопляет;
Подчас он тож и шкурки с них дерет;
Лишь только корм он сам им промышляет,
А корму на зиму у пастуха запас!»
Вот от своих овец к гостям он корм таскает;
Голубит их, ласкает;
К ним на день ходит по сту раз;
Их всячески старается привадить.
Убавил корму у своих,—
Теперь, покамест, не до них,
И со своими ж легче сладить:
Сенца им бросить по клочку,
А станут приступать — так дать им по толчку,
Чтоб менее в глаза совались.
Да только вот беда: когда пришла весна,
То Козы Дикие все в горы разбежались,
Не по утесам жизнь казалась им грустна;

Свое же стадо захирело
И все почти переколело:
И мой пастух пошел с сумой,
Хотя зимой
На барыши в уме рассчитывал прекрасно.

Пастух! тебе теперь я молвлю речь:
Чем в Диких Коз терять свой корм напрасно,
Не лучше ли бы коз домашних поберечь?

XIV

СОЛОВЬИ

Какой-то птицелов
Весною наловил по рощам Соловьев.
Певцы рассажены по клеткам и запели,
Хоть лучше б по лесам гулять они хотели:
Когда сидишь в тюрьме, до песен ли уж тут?
Но делать нечего: поют,
Кто с горя, кто от скуки.
Из них один бедняжка Соловей
Терпел всех боле муки:
Он разлучен с подружкой был своей.
Ему тошнее всех в неволе.
Сквозь слез из клетки он посматривает в поле;
Тоскует день и ночь;
Однакож думает: «Злу грустью не помочь:
Безумный плачет лишь от бедства,
А умный ищет средства,
Как делом горю пособить;
И, кажется, беду могу я с шеи сбыть;
Ведь нас не с тем поймали, чтобы скушать.
Хозяин, вижу я, охотник песни слушать.
Так если голосом ему я угожу,
Быть может, тем себе награду заслужу,
И он мою неволю окончает».
Так рассуждал — и начал мой певец:
И песнью он зарю вечерню величает,
И песнями восход он солнечный встречает,

Но что же вышло наконец?
Он только отягчил свою тем злую долю.
Кто худо пел, для тех давно
Хозяин отворил и клетки и окно,
И распустил их всех на волю;
А мой бедняжка Соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

XV

ГОЛИК

Запачканный Голик попал в большую честь —
Уж он полов не будет в кухнях месть:
Ему поручены господские кафтаны
(Как видно, слуги были пьяны).
Вот развозился мой Голик:
По платью барскому без устали колотит,
И на кафтанах он как будто рожь молотит.
И подлинно, что труд его велик.
Беда лишь в том, что сам он грязен, неопрятен.
Что ж пользы от его труда?
Чем больше чистит он, тем только больше пятен.

Бывает столько же вреда,
Когда
Невежда не в свои дела вплетется
И поправлять труды ученого возьмется.

XVI

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин по́звал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья — лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур недосчитались:
От них лишь косточки да перышки остались;
А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того она совсем не ест мясного.
И приговор лисы вот, от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы.
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей,—
То я сужу по совести моей:

Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

XVII

СКУПОЙ

Какой-то домовой стерег богатый клад,
Зарытый под землей; как вдруг ему наряд
От демонского воеводы —
Лететь за тридевять земель на многи годы.
А служба такова: хоть рад или не рад,
Исполнить должно повеленье.
Мой домовой в большом недоуменье:
Как без себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовые —
Расходы надобно большие;
Оставить так его — так может клад пропасть,
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могут и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочет, думает — и вздумал наконец.
Хозяин у него был скряга и скупец.
Дух, взяв сокровище, является к Скупому
И говорит: «Хозяин дорогой!
Мне в дальние страны показан путь из дому;
А я всегда доволен был тобой:
Так на прощанье, в знак приязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ешь и веселись,
И трать их без боязни!

Когда же придет смерть твоя,
То твой один наследник я:
Вот все мое условье;
А впрочем, да продлит судьба твое здоровье!»
Сказал — и в путь. Прошел десяток лет, другой.
Исправя службу, домовой
Летит домой
В отечески пределы.
Что ж видит? О, восторг! Скупой с ключом в руке
От голоду издох на сундуке —
И все червонцы целы.
Тут Дух опять свой клад
Себе присвоил
И был сердечно рад,
Что сторож для него ни денежки не стоил.

Когда у золота скупой не ест, не пьет —
Не домовому ль он червонцы бережет?

XVIII

ВЕЛЬМОЖА И ПОЭТ

Поэт с Вельможею затеял суд,
И на него просил у Зевса он управы.
Обоих велено представить для расправы.
Пришли: один и тощ и худ,
Едва одет, едва обут;
Другой весь в золоте и спесью весь раздут.
«Умилосердися, Олимпа самодержец!
Тучегонитель, громовержец! —
Кричит Поэт.— Чем я виновен пред тобой,
Что с юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и все мое именье
В одном воображенье;
Меж тем, когда соперник мой,
Без выслуг, без ума, равно с твоим кумиром,
В палатах окружен поклонников толпой,
От роскоши и неги заплыл жиром».—
«А это разве ничего,
Что в поздний век твоей достигнут лиры звуки? —
Юпитер отвечал.— А про него
Не только правнуки — не будут помнить внуки.
Не сам ли славу ты в удел себе избрал?
Ему ж в пожизненность я блага мира дал.
Но верь, коль вещи бы он боле понимал
И если бы с его умом была возможность
Почувствовать свою перед тобой ничтожность,—
Он более б тебя на жребий свой роптал».

XIX

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж, разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего не мог;
Оставил к ужину запас и подле лег
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.
Вот, близкого его соседа,
Мышонка запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
Схватил кусок мясца — и с ним скорей убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;
Кричит он: «Караул! Разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча-судьи часишки вор стянул;
И он кричит на вора: караул!

XX

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!» —
«Ну, каково, приятель, поживаешь?» —
«Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор
И по миру пошел с тех пор».—
«Как так? Плохая, кум, игрушка!» —
«Да так! О рождестве была у нас пирушка;
Я со свечой пошел дать корму лошадям:
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам;
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я — тож о рождестве — пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полугару;
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул;
Ан бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем не человека,
И вот я с той поры колека».—
«Пеняйте на себя, друзья! —

Сказал им сват Степан.— Коль молвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечою худо;
Да вряд не хуже ль и впотьмах».

XXI

КОТЕНОК И СКВОРЕЦ

В каком-то доме был Скворец,
Плохой певец;
Зато уж философ презнатный;
И свел с Котенком дружбу он.
Котенок был уж котик преизрядный,
Но тих, и вежлив, и смирен.
Вот как-то был в столе Котенок обделен.
Бедняжку голод мучит:
Задумчив бродит он, скучаючи постом;
Поводит ласково хвостом
И жалобно мяучит.
А философ Котенка учит —
И говорит ему: «Мой друг, ты очень прост,
Что терпишь добровольно пост;
А в клетке над носом твоим висит щегленок:
Я вижу, ты прямой Котенок».
«Но совесть. . .» — «Как ты мало знаешь свет!
Поверь, что это сущий бред
И слабых душ одни лишь предрассудки,
А для больших умов — пустые только шутки!
На свете кто силен,
Тот делать все волен.
Вот доказательства тебе и вот примеры».
Тут, выведя их на свои манеры,
Он философию всю вычерпал до дна.
Котенку натощак понравилась она:

Он вытащил и съел щегленка.
Разлакомил кусок такой Котенка,
Хотя им голода он утолить не мог;
Однакоже второй урок
С большим успехом слушал
И говорит Скворцу: «Спасибо, милый кум!
Наставил ты меня на ум».
И, клетку разломав, учителя он скушал.

XXII

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он с умиленья чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну что, Жужутка, как живешь,
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?» —
«На счастье грех роптать,— Жужутка отвечает,—
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?» — «Я,— отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос,—
Живу попрежнему: терплю и холод
И голод,
И, сберегаючи хозяйский дом,

Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случа́й попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот
прекрасно!—
С насмешкой отвечал Жужу.—
На задних лапках я хожу».

———

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

XXIII

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки — без ума.
Хотела б очень я, сама,
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям,
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну что же? — продолжает Кошка.—
Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал! —
С насмешкою она спросила.—
Где ж эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?

Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пенье́ ты вовсе не искусен:
Всё без начала, без конца!
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
И съела бедного певца —
До крошки.

Сказать ли на ушко яснее мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

XXIV

РЫБЬИ ПЛЯСКИ

Имея в области своей
Не только что леса, но даже воды,
Лев собрал на совет зверей:
Кого б над рыбами поставить в воеводы?
Как водится, пошли на голоса —
И выбрана была Лиса.
Вот Лисынька на воеводство села.
Лиса приметно потолстела.
У ней был мужичок приятель — сват и кум;
Они вдвоем взялись за ум:
Меж тем как с бережку Лисица рядит, судит,
Кум рыбу удит
И делит с кумушкой ее, как верный друг.
Но плутни не всегда удачно сходят с рук.
Лев как-то взял по слухам подозренье,
Что у него в судах скривилися весы,
И, улуча свободные часы,
Пустился сам свое осматривать владенье.
Он йдет берегом; а добрый куманек,
Наудя рыб, расклал у речки огонек
И с кумушкой попировать сбирался;
Бедняжки прыгали от жару кто как мог:
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На мужика разинув зев,
«Кто ты, что делаешь?» — спросил сердито Лев.
«Великий государь! — ответствует плутовка
(У Лисыньки всегда в запасе есть уловка),—

Великий государь!
Он у меня здесь главный секретарь,
За бескорыстие уважен всем народом;
А это караси, всё жители воды;
Мы все пришли сюды
Поздравить, добрый царь, тебя с твоим приходом».—
«Ну, как здесь идет суд? Доволен ли ваш край?» —
«Великий государь, здесь не житье им — рай;
Лишь только б дни твои бесценные продлились».
(А рыбки между тем на сковородке бились.)
«Да от чего же,— Лев спросил,— скажи ты мне,
Хвостами так они и головами машут?» —
«О мудрый Лев,— Лиса ответствует,— оне
На радости, тебя увидя, пляшут».
Не могши боле тут Лев явной лжи стерпеть,
Чтоб не без музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
В своих когтях заставил петь.

XXV

ПРИХОЖАНИН

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений и писатель,
Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой,—
Не только чтоб от них похвал себе дождаться —
В нем красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем немного досажу,
Но вместо басни быль на это им скажу.

———

Во храме проповедник
(Он в красноречии Платона был наследник)
Прихо́жан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мед, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без искусства,
Как цепью золотой,
Возъемля к небесам все помыслы и чувства,
Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье;
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхи́щенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар! —
Из слушателей тут сказал один другому.—
Какая сладость, жар!

Как сильно он влечет к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» — «Ну как не понимать!
Да плакать мне какая стать:
Ведь я не здешнего прихода».

XXVI

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых не взлюбил овец.
Их просто бы ему перевести нетрудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с лисою на совет —
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев! — сказал, насупяся, медведь.—
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь —
И не прольешь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток,
И где бы поскакать, побегать для ягняток;

А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло —
И так удачно в ход пошло, что наконец
Не только пестрых там овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

XXVII

ВОРОНА

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.

Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво,
И думает, что на нее
Родня и прежние приятели ее
Все заглядятся, как на диво;
Что Павам всем она сестра
И что пришла ее пора
Быть украшеним Юнонина двора.
Какой же вышел плод ее высокомерья?
Что Павами она ощипана кругом
И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назад к своим; но те совсем
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ее затеи тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.

Я эту басенку вам былью поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрену за Барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попреком, что она мещанкой родилась,
А старая — за то, что к знатным приплелась:
И сделалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

Конец седьмой книги

I

ЛЕВ СОСТАРЕВШИЙСЯ

Могучий Лев, гроза лесов,
Постигнут старостью, лишился силы:
Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,
Чем наводил он ужас на врагов,
И самого едва таскают ноги хилы.
А что всего больней —
Не только он теперь не страшен для зверей,
Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,
Наперерыв ему наносит оскорбленье:
То гордый конь его копытом крепким бьет,
То зубом волк рванет,
То острым рогом вол боднет.
Лев бедный в горе толь великом,
Сжав сердце, терпит все и ждет кончины злой,
Лишь изъявляя ропот свой
Глухим и томным рыком.
Как видит, что осел туда ж, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотрит место лишь, где б было побольнее,
«О боги! — возопил, стеная, Лев тогда.—
Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!
Как смерть моя ни зла —
Все легче, чем терпеть обиды от осла».

II

ЛЕВ, СЕРНА И ЛИСА

По дебрям гнался Лев за Серной;
Уже ее он настигал
И взором алчным пожирал
Обед себе в ней сытный, верный.
Спастись, казалось, ей нельзя никак:
Дорогу обоим пересекал овраг;
Но Серна легкая все силы натянула,
Подобно из лука стреле
Над пропастью она махнула —
И стала супротив на каменной скале.
Мой Лев остановился.
На эту пору друг его вблизи случился:
Друг этот был — Лиса.
«Как! — говорит она.— С твоим проворством, силой,
Ужели ты уступишь Серне хилой!
Лишь пожелай, тебе возможны чудеса:
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, верно, перескочишь.
Поверь же совести и дружбе ты моей:
Не стала бы твоих отваживать я дней,
Когда б не знала
И крепости и легкости твоей».
Тут кровь во Льве вскипела, заиграла;
Он бросился со всех четырех ног;
Однакож пропасти перескочить не мог:
Стремглав слетел и — до смерти убился.

А что ж его сердечный друг?
Он потихохоньку в овраг спустился
И, видя, что уж Льву ни лести, ни услуг
Не надо боле,
Он, на просторе и на воле,
Справлять поминки другу стал
И в месяц до костей он друга оглодал.

III

КРЕСТЬЯНИН И ЛОШАДЬ

Крестьянин засевал овес;
То видя, Лошадь молодая
Так про себя ворчала, рассуждая:
«За делом столько он овса сюда принес!
Вот, говорят, что люди нас умнее:
Что может быть безумней и смешнее,
Как поле целое изрыть,
Чтоб после рассорить
На нем овес свой попустому?
Стравил бы он его иль мне, или гнедому;
Хоть курам бы его он вздумал разбросать,
Все было б более похоже то на стать;
Хоть спрятал бы его: я видела б в том скупость;
А попусту бросать! Нет, это просто глупость».
Вот к осени меж тем овес тот убран был,
И наш Крестьянин им того ж Коня кормил.

Читатель! Верно, нет сомненья,
Что не одобришь ты конева рассужденья;
Но с самой древности, в наш даже век,
Не так ли дерзко человек
О воле судит Провиденья,
В безумной слепоте своей,
Не ведая его ни цели, ни путей?

IV

БЕЛКА

У Льва служила Белка,
Не знаю, как и чем; но дело только в том,
Что служба Белкина угодна перед Львом;
А угодить на Льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз.
Обещан — между тем всё время улетает;
А Белочка моя нередко голодает
И скалит при царе зубки свои сквозь слез.
Посмотрит: по́ лесу то там, то сям мелькают
Ее подружки в вышине;
Она лишь глазками моргает, а оне
Орешки, знай себе, щелкают да щелкают.
Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит — нельзя никак:
На службу царскую то кличут, то толкают.
Вот Белка наконец уж стала и стара,
Царю наскучила: в отставку ей пора.
Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;
Все на отбор: орех к ореху — чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубов у Белки нет.

V

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однакож имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шел,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни,
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила.—
Повесить мало: я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно —
Так утопить ее в реке».— «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

VI

КУКУШКА И ОРЕЛ

Орел пожаловал Кукушку в Соловьи.
Кукушка, в новом чине,
Усевшись важно на осине,
Таланты в музыке свои
Выказывать пустилась;
Глядит — все прочь летят,
Одни смеются ей, а те ее бранят.
Моя Кукушка огорчилась,
И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.
«Помилуй! — говорит.— По твоему веленью
Я Соловьем в лесу здесь названа;
А моему смеяться смеют пенью!» —
«Мой друг! — Орел в ответ.— Я царь, но я не бог.
Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.
Кукушку Соловьем честить я мог заставить;
Но сделать Соловьем Кукушки я не мог».

VII

БРИТВЫ

С знакомцем съехавшись однажды я в дороге,
С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
Поутру, чуть лишь я глаза продрал,
И что же узнаю? — Приятель мой в тревоге:
Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
Теперь я слушаю — приятель стал не тот:
То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
«Что сделалось с тобой? мой милый! .. Я надеюсь,
Не болен ты».— «Ох! ничего: я бреюсь».—
«Как! только?» Тут я встал — гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
Как будто бы с него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконец вину беды такой,
«Что дива? — я сказал.— Ты сам себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Ведь у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только с ними станешь».—
«Ох, братец, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
Да острыми-то я порезаться боюсь».—
«А я, мой друг, тебя уверить смею,
Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
А острою обреешься верней:
Умей владеть лишь ею».

Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей — боятся,
И терпят при себе охотней дураков?

VIII

СОКОЛ И ЧЕРВЯК

В вершине дерева за ветку уцепясь,
            Червяк на ней качался.
Над Червяком Сокол, по воздуху носясь,
        Так с высоты шутил и издевался:
«Каких ты, бедненький, трудов не перенес!
Что ж прибыли, что ты высоко так заполз?
Какая у тебя и воля и свобода?
И с веткой гнешься ты куда велит погода».—
        «Тебе шутить легко,—
Червяк ответствует,— летая высоко,
Затем, что крыльями и силен ты и крепок;
Но мне судьба дала достоинства не те:
        Я здесь на высоте
Тем только и держусь, что я, по счастью, цепок!»

IX

БЕДНЫЙ БОГАЧ

«Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрем — ведь всё оставим.
Мы только лишь себя и мучим и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля — я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далеко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим.
А богачей скупых на муку жизнь похожа».
Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лежа;
Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез,
Кто говорит — колдун, кто говорит — что бес;
Последнее едва ли не вернее:
Из дела будет то виднее;
Предстал — и начал так: «Ты хочешь быть богат,
Я слышал, для чего; служить я другу рад.
Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
Итак, приятель мой,
Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж,— и из него без счету вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:

Истратить одного червонца ты не волён,
Пока в реку не бросишь кошелька».
Сказал — и с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелек принялся,
И что ж? — Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастие продлится!
Бедняк мой говорит.—
Червонцев я себе повытаскаю груду;
Так завтра же богат я буду —
И заживу как сибарит».
Однакож поутру он думает другое.
«То правда,— говорит,— теперь я стал богат;
Да кто ж добру не рад!
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком еще провесть хоть день!
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так удержу чудесный кошелек:
Уж так и быть, еще я поговею
Один денек,
А впрочем, ведь пожить всегда успею».
Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год —
Бедняк мой потерял давно в червонцах счет;
Меж тем он скудно ест и скудно пьет;
Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.
День кончится, и, по его расчету,
Ему всегда чего-нибудь недостает.
Лишь кошелек нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Придет к реке — воротится опять.
«Как можно,— говорит,— от кошелька отстать,
Когда мне золото рекою са́мо льется?»
И наконец Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;
Как золото его, Бедняк мой пожелтел.
Уж и о пышности он боле не смекает:
Он стал и слаб и хил; здоровье и покой —

Утратил всё: но всё дрожащею рукой
Из кошелька червонцы вон таскает.
Таскал, таскал... и чем же кончил он?
На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион.

X

БУЛАТ

Булатной сабли острый кли́нок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.
У мужика затеи невелики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, запросто, лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать,
Или обтесывать тычины к огороду,—
Ну так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и ржавчине кругом,
И дети ездят уж на нем
Верхом.
Вот еж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клинок брошен был,
Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булат
Так много громкого не ложно говорят,—
Не стыдно ли тебе щепать лучину,
Или обтесывать тычину,
И, наконец, игрушкой быть ребят?» —
«В руках бы воина врагам я был ужасен,—
Булат ответствует,— а здесь мой дар напрасен;

Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому;
Но разве я свободен?
Нет, стыдно то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».

XI

КУПЕЦ

«Поди-ка, брат Андрей!
Куда ты там запал? Поди сюда скорей
Да подивуйся дяде!
Торгуй по-моему, так будешь не в накладе,—
Так в лавке говорил племяннику Купец.—
Ты знаешь, польского сукна конец,
Который у меня так долго залежался,
Затем, что он и стар, и подмочен, и гнил:
Ведь это я сукно за английское сбыл!
Вот, видишь, сей лишь час взял за него сотняжку:
Бог бл́ушка послал».—
«Все это, дядя, так,— племянник отвечал,—
Да в олухи-то, я не знаю, кто попал:
Вглядись-ко: ты ведь взял фальшивую бумажку».

—·—

Обманут! Обманул Купец: в том дива нет;
Но если кто на свет
Повыше лавок взглянет —
Увидит, что и там на ту же стать идет;
Почти у всех во всем один расчет:
Кого кто лучше проведет,
И кто кого хитрей обманет.

XII

ПУШКИ И ПАРУСА

На корабле у Пушек с Парусами
Восстала страшная вражда.
Вот Пушки, выставясь из портов вон носами,
Роптали так пред небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться в пользах нам имело дерзновенье?
Что делают они во весь наш трудный путь?
Лишь только ветер станет дуть,
Они, надув спесиво грудь,
Как будто важного какого сану,
Несутся гоголем по Океану,
И только чванятся; а мы — громим в боях!
Не нами ль царствует корабль наш на морях?
Не мы ль несем с собой повсюду смерть и страх?
Нет, не хотим жить боле с Парусами;
Со всеми мы без них управимся и сами;
Лети же, помоги, могущий нам Борей,
И изорви в клочки их поскорей!»
Борей послушался — летит, дохнул, и вскоре
Насупилось и почернело море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, как горы;
Гром оглушает слух; слепит блеск молний взоры;
Борей ревет и рвет в лоскутья Паруса.
Не стало их, утихла непогода;

Но что ж? Корабль без Парусов
Игрушкой стал и ветров и валов,
И носится он в море, как колода;
А в первой встрече со врагом,
Который вдоль его всем бортом страшно грянул,
Корабль мой недвижим: стал скоро решетом,
И с Пушками, как ключ, он ко дну канул.

———

Держава всякая сильна,
Когда устроены в ней все премудро части:
Оружием — врагам она грозна,
А паруса — гражданские в ней власти.

XIII

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел,
И так себя, казалось, смирно вел,
Что мужику нельзя им было нахвалиться;
А чтобы он в лесу пропасть не мог —
На шею прицепил мужик ему звонок;
Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, он слыхал),
И думает, теперь большой он барин стал;
Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, соком
(То может не одним Ослам служить уроком).
Сказать вам должно наперед:
В Осле не много чести было;
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород —
Наестся досыта и выйдет тихомолком.
Теперь пошло иным все толком:
Куда ни сунется мой знатный господин,
Без умолку звенит на шее новый чин.
Глядят: хозяин, взяв дубину,
Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
Ослу колом ворочает бока.
Ну так, что бедный наш вельможа
До осени зачах,
И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей в чинах
С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
То плут не так еще приметен;
Но важный чин на плуте как звонок:
Звук от него и громок и далек.

XIV

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих
наполнить;
Нет, этаких людей не худо имя помнить.
На богача кричат со всех сторон
Соседи; а едва ль соседи и не правы,
Что будто у него в шкатулке миллион —
А бедным никогда не даст копейки он.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтоб толкам о себе другой дать оборот,
Мирон мой распустил в народ,
Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
И подлинно, кто ни придет к воротам,
Они не заперты никак.
«Ахти! — подумают,— бедняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
В субботу с цепи он спускает злых собак;
И нищему не то чтоб пить иль наедаться —
Дай бог здоровому с двора убраться.
Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собак таких он держит злых
И трудно до него добиться:
А то он рад последним поделиться».

Видать случалось часто мне,
Как доступ нелегок в высокие палаты;
Да только всё собаки виноваты —
Мироны ж сами в стороне.

XV

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

Лиса Крестьянину однажды говорила:
«Скажи, кум милый мой,
Чем лошадь от тебя так дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда с тобой?
В довольстве держишь ты ее и в холе;
В дорогу ль — с нею ты, и часто с нею в поле;
А ведь из всех зверей
Едва ль она не всех глупей».—
«Эх, кумушка, не в разуме тут сила! —
Крестьянин отвечал.— Все это суета.
Цель у меня совсем не та:
Мне нужно, чтоб она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута».

XVI

СОБАКА И ЛОШАДЬ

У одного крестьянина служа,
Собака с Лошадью считаться как-то стали.
«Вот,— говорит Барбос,— большая госпожа!
По мне хоть бы тебя совсем с двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Об удальстве твоем другого не слыхать;
И можно ли тебе равняться в чем со мною?
Ни днем, ни ночью я не ведаю покою:
Днем стадо под моим надзором на лугу,
А ночью дом я стерегу».—
«Конечно,— Лошадь отвечала,—
Твоя правдива речь;
Однакоже, когда б я не пахала,
То нечего б тебе здесь было и стеречь».

XVII

ФИЛИН И ОСЕЛ

Слепой Осел в лесу с дороги сбился
(Он в дальний путь было пустился).
Но к ночи в чащу так забрел мой сумасброд,
Что двинуться не мог ни взад он, ни вперед.
И зрячему бы тут не выйти из хлопот;
Но Филин вблизости, по счастию, случился,
И взялся быть Ослу проводником.
Все знают, Филины как ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки —
Все это различал мой Филин будто днем
И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.
Ну как с проводником таким расстаться?
Вот просит Филина Осел, чтоб с ним остаться,
И вздумал изойти он с Филином весь свет.
Мой Филин господином
Уселся на хребте ослином,
И стали путь держать; счастливо ль только? Нет:
Лишь солнце на небе поутру заиграло,
У Филина в глазах темнее ночи стало.
Однакож Филин мой упрям;
Ослу советует и вкось и впрям.
«Остерегись! — кричит,— направо будем в луже».
Но лужи не было, а влево вышло хуже.
«Еще левей возьми, еще левее шаг!»
И — бух Осел, и с Филином, в овраг.

XVIII

ЗМЕЯ

Змея Юпитера просила,
Чтоб голос дать ей соловья.
«А то уж,— говорит,— мне жизнь моя постыла.
Куда ни покажуся я,
То все меня дичатся,
Кто послабей;
А кто меня сильней,
Дай бог от тех живой убраться.
Нет, жизни этакой я боле не снесу;
А если б соловьем запела я в лесу,
То, возбудя бы удивленье,
Снискала бы любовь и, может быть, почтенье,
И стала бы душой веселых я бесед».
Исполнил Юпитер Змеи прошенье;
Шипенья гнусного пропал у ней и след.
На дерево всползя, Змея на нем засела,
Прекрасным соловьем Змея моя запела,
И стая было птиц отвсюду к ней подсела;
Но, воззряся в певца, все с дерева дождем.
Кому понравится такой прием?
«Ужли вам голос мой противен?» —
В досаде говорит Змея.
«Нет,— отвечал скворец,— он звучен, дивен,
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, в нас сердце задрожало,
Когда увидели твое мы жало:

Нам страшно вместе быть с тобой.
Итак, скажу тебе не для досады:
Твоих мы песен слушать рады —
Да только ты от нас подале пой».

XIX

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Все это ведь за мной».— «Проси скорей Степана:
Мужик предобрый он»,— Кот Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана».—
«Ну, попытайся ж у Демьяна».—
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унес козленка».—
«Беги ж, вон там живет Трофим».—
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозится за ягненка!» —
«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» —
«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!» —
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил,—
Сказал тут Васька Волку.—

Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы,— сам себя вини:
Что ты посеял — то и жни».

XX

ЛЕЩИ

В саду у барина в пруде,
В прекрасной ключевой воде
Лещи водились.
Станицами они у берегу резвились,
И золотые дни, казалось, им катились.
Как вдруг
К ним барин напустить велел с полсотни щук.
«Помилуй! — говорит его, то слыша, друг.—
Помилуй, что ты затеваешь?
Какого ждать от щук добра:
Ведь не останется Лещей здесь ни пера.
Иль жадности ты щук не знаешь?» —
«Не трать своих речей,—
Боярин отвечал с улыбкою,— все знаю;
Да только ведать я желаю,
С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

XXI

ВОДОПАД И РУЧЕЙ

Кипящий Водопад, свергаяся со скал,
Целебному ключу с надменностью сказал
(Который под горой едва лишь был приметен,
Но силой славился лечебною своей):
«Не странно ль это? Ты так мал, водой так беден,
А у тебя всегда премножество гостей?
Немудрено, коль мне приходит кто дивиться;
        К тебе зачем идут?» — «Лечиться»,—
        Смиренно прожурчал Ручей.

XXII

ЛЕВ

Когда уж Лев стал хил и стар,
То жесткая ему постеля надоела:
В ней больно и костям; она ж его не грела.
И вот сзывает он к себе своих бояр,
Медведей и волков пушистых и косматых,
И говорит: «Друзья! для старика
Постель моя уж чересчур жестка:
Так ка́к бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
Мне шерсти пособрать,
Чтоб не на голых камнях спать».—
«Светлейший Лев! — ответствуют вельможи,—
Кто станет для тебя жалеть своей,
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у нас мохнатых здесь зверей:
Олени, серны, козы, лани,
Они почти не платят дани;
Набрать с них шерсти поскорей:
От этого их не убудет;
Напротив, им же легче будет».
И тотчас выполнен совет премудрый сей.
Лев не нахвалится усердием друзей;
Но в чем же то они усердие явили?
Тем, что бедняжек захватили
И дочиста обрили,

А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
Не поступилися своим ни волоском;
Напротив, всяк из них, кто близко тут случился,
      Из той же дани поживился —
И на зиму себе запасся тюфяком.

XXIII

ТРИ МУЖИКА

Три Мужика зашли в деревню ночевать.
Здесь, в Питере, они извозом промышляли;
Поработáли, погуляли
И путь теперь домой на родину держали.
А так как Мужичок не любит тощий спать,
То ужинать себе спросили гости наши.
В деревне что за разносол:
Поставили пустых им чашку щей на стол,
Да хлеба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы в Питере,— да не о том уж речь;
Все лучше, чем голодным лечь.
Вот Мужички перекрестились
И к чаше приютились.
Как тут один, посметливей из них,
Увидя, что всего немного для троих,
Смекнул, как делом тем поправить
(Где силой взять нельзя, там надо полукавить).
«Ребята,— говорит,— вы знаете Фому,
Ведь в нынешний набор забреют лоб ему».—
«Какой нáбор?» — «Да так. Есть слух — война с Китаем:
Наш Батюшка велел взять дань с Китайцев чаем».
Тут двое принялись судить и рассуждать
(Они же грамоте, к несчастью, знали:
Газеты и, подчас, реляции читали),
Как быть войне, кому повелевать.

Пустилися мои ребята в разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А наш того, лукавец, и хотел:
Пока они судили да рядили,
Да во́йска разводили,
Он ни гугу — и щи и кашу, всё приел.

Иному, до чего нет дела,
О том толкует он охотнее всего:
Что будет с Индией, когда и отчего,
Так ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глаз сгорела.

Конец восьмой книги

КНИГА ДЕВЯТАЯ

I

ПАСТУХ

У Саввы, Пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Всем плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерет.
«И не диковина,— твердит народ,—
Какая от волков овцам пощада!»
Вот волка стали стеречи.
Но отчего ж у Саввушки в печи
То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
(Из поваренков, за грехи,
В деревню он был сослан в пастухи:
Так кухня у него немножко схожа с нашей.)
За волком поиски; клянет его весь свет;
Обшарили весь лес — а волка следу нет.
Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,
А ест овец-то — Савва.

II

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая,— спросил тут дрозд,— нельзя ли
Сказать, что делаешь ты здесь?» —
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевесть».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да,— улетая, дрозд сказал,— то ясно мне,
Что ты бежишь — а все на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все;
Он, кажется, из кожи рвется,
Да только все вперед не подается,
Как Белка в колесе.

III

МЫШИ

«Сестрица! знаешь ли, беда! —
На корабле Мышь Мыши говорила.—
Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
Чуть не хватила
До самого мне рыла»
(А правда — так она лишь лапки замочила).
«И что диковинки — наш капитан
Или с похмелья, или пьян.
Матросы все — один ленивее другого;
Ну, словом, нет порядку никакого.
Сейчас кричала я во весь народ,
Что кó дну наш корабль идет.
Куда! — Никто и ухом не ведет,
Как будто б ложные я распускала вести;
А ясно — только в трюм лишь стоит заглянуть,
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица! неужли нам гибнуть с ними вместе!
Пойдем же, кинемся скорее с корабля;
Авось недалеко земля!»
Тут в Океан мои затейницы спрыгну́ли
И — утонули;
А наш корабль, рукой искусною водим,
Достигнул пристани и цел и невредим.

Теперь пойдут вопросы:
А что же капитан, и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
В минуту унята;
А остальное — клевета

IV

ЛИСА

Зимой, ранехонько, близ жи́ла,
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем, оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но — кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примерз.
Беда невелика, легко б ее поправить:
Рвануться только посильней
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ;
А между тем, авось, и оттепель придет,
Так хвост от проруби оттает.
Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
Глядит — и день светает,
Народ шевелится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит: «Друг милый! кум! отец!—
Кричит Лиса.— Спаси! Пришел совсем конец!»
Вот кум остановился —
И в спа́сенье Лисы вступился.
Прием его был очень прост;

Он начисто отгрыз ей хвост.
Тут, без хвоста, домой моя пустилась дура.
Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

Мне кажется, что смысл не темен басни сей:
Щепотки волосков Лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

V

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что наконец
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спáсенье Овец,—
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и многократ —
Примеры эти не забыты,—
Которые ходили близко стад
Смирнехонько — когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе·ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И наконец придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит
И обижать он Овцу станет,
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот, и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.

Да только я видал: до этих пор —
Хоть говорят: Волкам и не спускают —
Что будь Овца ответчик иль истец,—
А только Волки все-таки Овец
В леса таскают.

VI

КРЕСТЬЯНИН И СОБАКА

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточного дома,
Собака нанялась и двор стеречь,
И хлебы печь,
И, сверх того, полоть и поливать рассаду.
Какой же выдумал он вздор,—
Читатель говорит,— тут нет ни складу,
Ни ладу.
Пускай бы стеречи уж двор;
Да видано ль, чтоб где собаки хлеб пекали
Или рассаду поливали?
Читатель! я бы был неправ кругом,
Когда сказал бы: «да»,— да дело здесь не в том,
А в том, что наш Барбос за все за это взялся,
И вымолвил себе он плату за троих;
Барбосу хорошо: что нужды до других.
Хозяин между тем на ярмарку собрался,
Поехал, погулял — приехал и назад,
Посмотрит — жизни стал не рад.
И рвет и мечет он с досады:
Ни хлеба дома, ни рассады,
А сверх того, к нему на двор
Залез и клеть его обкрал начисто вор.
Вот на Барбоса тут посыпалось руганье;
Но у него на все готово оправданье:
Он за рассадою печь хлеб никак не мог;

Рассадник оттого лишь только не удался,
Что, сторожа́ вокруг двора, он стал без ног;
А вора он затем не устерег,
Что хлебы печь тогда сбирался.

VII

ДВА МАЛЬЧИКА

«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
Опять нас не погнали в класс,
Пойдем-ка, да нарвем в саду себе каштанов!» —
«Нет, Федя, те каштаны не про нас!
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Тебе, ни мне туда не взлезть,
И нам каштанов тех не есть!» —
«И, милой, да на что ж догадка!
Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
Я все придумал: погоди!
На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудримся,
И досыта каштанов наедимся».
Вот к дереву друзья со всех несутся ног.
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтел, весь пóтом обливался,
И Феде наконец вскарабкаться помог.
Взобрался Федя на приволье:
Как мышке в зáкроме, вверху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съесть —
Не перечесть!
Найдется чем и поживиться
И с другом поделиться.
Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:

Он, бедный, на низу облизывал лишь губки;
Федюша сам вверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.

Видал Федюш на свете я,
Которым их друзья
Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них — скорлупки не видали!

VIII

РАЗБОЙНИК И ИЗВОЗЧИК

В кустарнике залегши у дороги,
Разбойник под вечер добычи нажидал,
И, как медведь голодный из берлоги,
Угрюмо даль он озирал.
Посмотрит, грузный воз катит, как вал.
«Ого! — Разбойник мой тут шепчет.— Знать, с товаром
На ярмарку: чай, всё сукно, камки, парчи.
Кручина, не зевай — тут будет на харчи:
Не пропадет сегодня день мой даром».
Меж тем подъехал воз—кричит Разбойник: «Стой!»
И на Извозчика бросается с дубиной;
Да лих схватился он не с олухом-детиной:
Извозчик — малый удалой;
Злодея встретил мостовиной,
Стал за добро свое горой,
И моему герою
Пришлося брать поживу с бою —
И долог и жесток был бой на этот раз.
Разбойник с дюжины зубов не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбит глаз;
Но победителем, однакож, он остался,
Убил Извозчика злодей.
Убил — и к добыче скорей.
Что ж он завоевал? — Воз целый пузырей!

———

Как много из пустого
На свете делают преступного и злого.

IX

ЛЕВ И МЫШЬ

У Льва просила Мышь смиренно позволенья
Поблизости его в дупле завесть селенье,
И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,
Ты и могуч и славен;
Хоть в силе Льву никто не равен
И рев один его на всех наводит страх;
Но будущее кто угадывать возьмется?
Как знать, кому в ком нужда доведется?
И как я ни мала кажусь,
А, может быть, подчас тебе и пригожусь».—
«Ты! — вскрикнул Лев.— Ты, жалкое созданье!
За эти дерзкие слова
Ты стоишь смерти в наказанье,
Прочь, прочь отсель, пока жива —
Иль твоего не будет праху».
Тут Мышка бедная, не вспомняся от страху,
Со всех пустилась ног — простыл ее и след.
Льву даром не прошла, однакож, гордость эта:
Отправяся искать добычи на обед,
Попался он в тенета.
Без пользы сила в нем, напрасен рев и стон.
Как он ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался,
И в клетке на показ народу увезен.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от ее зубов не уцелела
И что его своя кичливость съела.

Читатель, истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя —
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодезь, пригодится
Воды напиться.

X

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!» —
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певицы нет!» —
«Тебя, мой куманек, век слушать я готова». —
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь,
Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берется голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни — что твой соловей!» —
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички.
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

XI

ВЕЛЬМОЖА

Какой-то, в древности, Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее — умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?» —
«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».—
«Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал,
Да все подписывал, что он ни подавал».—
«Скорей же в рай его!» — «Как! где же
справедливость?» —
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
«Эх, братец! — отвечал Эак.—
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник — был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью:
Ну так и кажется, что быть ему в раю!

Конец

БАСНИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ДЕВЯТЬ КНИГ

I

СТЫДЛИВЫЙ ИГРОК

Случилось некогда мне быть в шумливом мире;
Сказать ясней — мне быть случилося в трактире;
Хотя не много там увидеть льзя добра,
Однакож тут велась изрядная игра.
Из всех других поудалее
Один был рослый молодец,
Беспутства был он образец,
И карты ставил он и гнул смелее;
И вдруг
Спустил все деньги с рук.
Спустил, а на кредит никто ему не верит,
Хоть, кажется, в божбе Герой не лицемерит.
Озлился мой болван
И карту с транспортом поставил на кафтан.
Гляжу чрез час, Герой остался мой в камзоле,
Как пень на чистом поле;
Тогда к нему пришел
От батюшки посол
И говорит: «Отец совсем твой умирает,
С тобой проститься он желает
И приказал к себе просить».—
«Скажи ему,— сказал мой фаля,—
Что здесь бубновая сразила меня краля;
Так он ко мне сам может быть.

Ему сюда прийти нимало не обидно;
А мне по улице идти без сапогов,
Без платья, шляпы и чулков
Ужасно стыдно».

<1788>

II

СУДЬБА ИГРОКОВ

Вчерась приятеля в карете видел я;
Бедняк приятель мой, я очень удивился,
Чем столько он разжился?
А он поведал мне всю правду, не тая,
Что картами себе именье он доставил,
И выше всех наук игру картежну ставил.
Сегодни же пешком попался мне мой друг.
«Конечно,— я сказал,— спустил уж все ты с рук?»
А он, как философ, гласил в своем ответе:
«Ты знаешь, колесом вертится все на свете».

<1788>

III

ПАВЛИН И СОЛОВЕЙ

Невежда в физике, а в музыке знаток
Услышал соловья, поющего на ветке,
И хочется ему иметь такого в клетке.
Приехав в городок,
Он говорит: «Хотя я птицы той не знаю
И не видал,
Которой пением я мысли восхищал,
Которую иметь я столь желаю,
Но в птичьем здесь ряду,
Конечно, много птиц найду».
Наполнясь мыслию такою,
Чтоб выбрать птиц на взгляд,
Пришел боярин мой во птичий ряд
С набитым кошельком, с пустою головою.
Павлина видит он и видит соловья,
И говорит купцу: «Не ошибаюсь я,
Вот мной желанная прелестная певица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо петь;
Купец, мой друг! Скажи, что стоит эта птица».
Купец ему в ответ:
«От птицы сей, сударь, хороших песней нет;
Возьмите соловья, седяща близ павлина,
Когда вам надобно хорошего певца».
Немало то дивит невежду Господина,
И, быть боясь он обманут от купца,
Прекрасна соловья негодной птицей числит,

И мыслит:
Та птица перьями и телом так мала,
Не можно, чтоб она певицею была.
Купив павлина, он покупкой веселится
И мыслит пением павлина насладиться.
Летит домой,
И гостье сей отвел решетчатый покой;
А гостейка ему за выборы в награду
Пропела кошкою разов десяток сряду,
Мяуканьем своим невежде давши знать,
Что глупо голоса по перьям выбирать.
Подобно, как и сей Боярин, заключая,
Различность разумов пристрастно различая,
Нередко жалуем того мы в дураки,
Кто платьем не богат, не пышен волосами;
Кто не обнизан вкруг перстнями и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

<1788>

IV

НЕ ВО-ВРЕМЯ ГОСТИ

У Рифмократа
Случилася гостей полна палата;
Но он, имея много дум,
На прозе и стихах помешанный свой ум,
И быв душой немного болен,
Гостьми не очень был доволен,
И спрашивал меня, как горю пособить,
Чтоб их скорее проводить:
Сбеситься надобно, коль дома их оставить,
А честно их нельзя отправить
Из дому вон.
Но только стал свою читать он оду,
Не стало вдруг народу,
И при втором стихе один остался он.

<1788>

V

ЛЕВ И ЧЕЛОВЕК

Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое.
Кто веры этому неймет,
Тот ясный здесь пример найдет,
Что сила без ума — сокровище плохое.
Раскинувши тенета меж дерев,
Ловец добычи дожидался;
Но как-то, оплошав, сам в лапы льву попался.
«Умри, презренна тварь! — взревел свирепый лев,
Разинув на него свой зев.
Посмотрим, где твои права, где сила, твердость,
По коим ты в тщеславии своем
Всей твари, даже льва быть хвалишься царем!
И у меня в когтях мы разберем,
Сразмерна ль с крепостью твоей такая гордость!» —
«Не сила — разум нам над вами верх дает,—
Был человека льву ответ,—
И я хвалиться смею,
Что я с уменьем то препятство одолею,
От коего и с силой, может быть,
Ты должен будешь отступить».—
«О вашем хвастовстве устал я сказки слушать».—
«Не в сказках — доказать я делом то могу;
А впрочем, ежели солгу,
То ты еще меня и после можешь скушать.
Вот посмотри: между деревьев сих
Трудов моих
Раскинуту ты видишь паутину.

Кто лучше сквозь нее из нас туда пройдет?
Коль хочешь, я пролезу наперед;
А там посмотрим, как и с силой в свой черед
Проскочишь ты ко мне на половину.
Ты видишь: эта сеть не каменна стена;
Малейшим ветерком колеблется она;
Однако с силою одною
Ты прямо сквозь нее едва ль пройдешь за мною».
С презрением тенета обозрев,
«Ступай туда,— сказал надменно лев,—
Вмиг буду я к тебе дорогою прямою».
Тут мой ловец, не тратя лишних слов,
Нырнул под сеть и льва принять готов.
Как из лука стрела лев вслед за ним пустился;
Но лев подныривать под сети не учился:
Он в сеть ударился, но сети не прошиб —
Запутался (ловец тут кончил спор и дело),—
Искусство силу одолело,
И бедный лев погиб.

<1809>

VI

ПИР

В голодный год, чтобы утешить мир,
Затеял лев богатый пир.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовут гостей:
Зверей
И малой и большой породы.
На зов со всех сторон стекаются ко льву.
Как отказать такому зву?
Пир — дело доброе и не в голодны годы.
Вот приплелись туда ж сурок, лиса и крот,
Да только часом опоздали
И за столом гостей застали.
У кумушки-лисы хлопот
На ту беду случился полон рот;
Сурок прохолился, промылся;
А крот с дороги сбился.
Однакож натощак никто домой нейдет,
И, место подле льва увидевши пустое,
Все на него хотят продраться трое.
«Послушайте, друзья! — сказал им барс.—
То место широко, да только не про вас;
Тут придет слон и вас сойти заставит,
Иль хуже: вас он передавит.
Итак,
Когда не хочется домой вам натощак,
Так оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете — и это слава богу,—

Места не ваши впереди:
Их берегут зверям лишь крупного покроя;
А кто из мелочи не хочет кушать стоя,
Тот дома у себя сиди».

Около 1811

ШУТОЧНЫЕ БАСНИ

I

ПАУК И ГРОМ

Перед окном
  Был дом.
Ударил гром
И со стены паук
  Вдруг стук,
Упал, лежит,
Разинул рот, оскалил зубы
И шепотом сквозь губы
    Вот что кричит:
    «Когда б ослом
Я создан был Зевесом,
Ходил бы лесом,
  Меня бы гром,
  Тряся окном,
    И дом
С стены не мог стряхнуть».

Нас чаще с высоты стараются спихнуть.

II

ОСЕЛ И ЗАЯЦ

Осел не птица,
Он не горазд летать;
Однакож для него не в первый раз хвастать,
Мычать
И род зверей всех уверять,
Что молодец и он летать,
Что он под облака взовьется, как синица
Или царица
Орлица.—
А заяц тут: «Ну, нутка, полети!» —
«Ах ты, косой трусиха,—
Осел рычит,— летаю как орлиха!
Но не хочу!» — «Пожалуй, захоти»,—
Так мудро заяц отвечает.
Осел бежит — скакает
И в яму — хлоп!
Не суйся в ризы, коль не поп!

III

КОМАР И ВОЛК

Комар
Жил у Татар
Иль у Казар;
Вдруг волк
К ним в двери — толк.
Давай кричать
И комара кусать.
Комар испугался,
На печку забрался.
Тут волк ему:
«С печи тебя стяну!»
А тот: «Нет, не достанешь,
Устанешь,
Отстанешь».
А волк
Вдруг скок
К нему тут на палати
Да вот его и проглотил,
А сам таков и был.
И мне пришло сказать тут кстати,
Что сильный слабого недавно погубил.

1812—1825(?)

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ БАСЕН

I

<ПОДСВЕЧНИК И ОГАРОК>

Не знаю я, в каком суде,
При ком, когда и где —
Но столько дел судьи скопили,
Что наконец решилися окончить те дела.
Судьи, засевши вкруг стола,
Гораздо ночи захватили,
Однако наконец разъехались они,
Остались на столе подсвечники одни.
И что <ж?> Подсвечник тут один развеличался
И так огарку говорит,
Который в нем еще горит:
«Ну что ты здесь, вонючка, растрещался?
Смотри, как ты навоевал,—
Вить потолку весь лак ты ободрал.
Уплелся б ты да догорал в передней».—
«Не знаю я, как ты сюда попал,
Однако я в суде здесь не последний,—
Огарок отвечал.—
Ведь судьям нужен ты всего для украшенья,
Но пользы от того в делах, как ото пня.
<А> я свечу и без меня —
Сегодня не было <б> ни одного решенья».

1820-е годы(?)

~~[illegible]~~

~~[illegible]~~

[illegible]

[illegible]

~~[illegible]~~

[illegible] 25 [illegible]

~~[illegible]~~

[illegible]

[illegible]

[illegible]

~~[illegible]~~

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

~~[illegible]~~

~~[illegible]~~

[illegible]

[illegible]

[illegible]

II

ДВА ИЗВОЗЧИКА

«Ну, други, осовели,
Ну, одреи, живей, чтоб волки вас заели!» —
Так, идя у возов, бранил <и> погонял
Извозчик лошадей,— обоз, однакож, стал.
Глядит — Пахом его тут с возом обогнал.
«Давно ль с Москвы?» — «Вчерась».— «А я так близ недели.
Что, брат Пахомушка, ума не приложу:
С десяток одреев держу,
Совсем меня пострелы съели,
А на воза, кажись, гружу
Не так чтобы помногу.
Ну, истинно, совсем погиб!
Как идет у тебя?» — «Да ладно, слава богу!
Сотняжку нынешним путем себе зашиб.
Поклажа у меня пудов с полсотни тянет,
Да пара у меня дюжа — десятка сто́ит <и> не станет.
Зато уж их кормлю и берегу».—
«Вот как тут не возьмет кручина?
Скажи ж, соседушка, со мной что за причина?
Ведь я, брат, тоже не дремлю —
А их лишь попусту кормлю».—
«И, кум, какой тебе ждать от коней поживы?
Их у тебя табун — да с голоду чуть живы!
Попробуй-ка, с меня пример возьми:
Держи их менее — да лучше их корми».

1834

III

<САМОНАДЕЯННЫЙ ОСЕЛ>

Не суйся сильным быть по образцу чужому —
Природа всякому свои дары дает.
    Что к одному идет —
Частехонько нейдет совсем к другому.
С ослом случился грех такой,
Что, взявшись за проект не свой,
Он некогда своей башкой
Был должен вытерпеть большое поученье.
И вот — столь именитое ослово приключенье.

1812(?)

IV

ОРЕЛ И ОХОТНИК

Пернатых царь орел
На каменной скале нахмурившись сидел,
И на поля вокруг он быстро озирался.
Орлу на сердце нелегко:
Уж солнце было высоко,
А в добычу ему никто не попадался
И сильно он проголодался.
При неудаче (мне известно по себе)
Кому пенять, коль не судьбе?
И он к ней со слезой за то, что он не кушал.
Охотник — прилучась — в беде его подслушал
И сделать вызвался ему добро.

1819—1823(?)

V

Вить время<-то> не птица —
Небось, не улетит,—
Ленивец часто говорит.
Но время сокола быстрее,
И так как дни бегут ночей его скорее —
Иль после на себя пеняй.
    Не забывай,
Что час потерянный назад не возвратится!

1819—1824(?)

VI

<ФЕДЮШИН КАФТАНЧИК>

Федюше мачеха к святой кафтанчик сшила.
Кафтанчик бы хорош, да только в том порок,
Что узок он и короток —
Из платья старого она его скроила.
Ну, говорит, носи, мой миленький дружок!

1828(?)

VII

<ЖИВОТНЫЕ-СТРОИТЕЛИ>

Юпитер некогда построить вздумал дом.
Известно, как живали пышно боги,
В Гомере образцы остались их хором.
Так Зевсу надобны чертоги.
    Тотчас
Животным всем указ —
Сносить припасы для строенья.
И поднялись возить, тащить со всех сторон
Как стало у кого и силы и уменья.
Дуб целый волочет тяжелым шагом слон,
Как мальчик мячики катает барс каменья,
Сурок несет щепоточку песку,
А ласточка из ближнего оврага
    Кусочек глины на носку.

1832—1833

БАСНИ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОТОРЫХ КРЫЛОВУ НЕ ДОКАЗАНА

I

ОЛЕНЬ И ЗАЯЦ

Людские завсегда нам видимы пороки.
Своих не примечать,
Других ценить и на других ворчать
Мы ужасть как жестоки!
Олень со зайцем дружбу свел,
И с зайцем разговор придворный он имел.
Друг друга взапуски они превозносили,
Своих знакомых поносили
И так гласили:
«Ты,— заяц говорил оленю,— всем красив:
И станом, и рогами,
Глазами, выступкой, проворностью, ногами;
Одно лишь только есть: я слышал — ты пужлив».—
«Какой ужасный вздор! —
Сказал ему олень,—
О мне и лев, и даже весь известен двор;
Тебе соврал какой-то пень.
То правда, что всегда,
Когда
Услышу я собак, хоть их и не терплю,
Привык давать скачки с размаху;
Но это не от страху,
А с ними взапуски я бегаться люблю;

И впрочем, ежели моей угодно воле,
Я часто здесь, на этом поле,
Лишь только захочу,
Ужасно как собак щечу.
Ты знаешь, я с тобой не стану лицемерить;
А мне, равно, велишь ли верить?
Сказали точно мне: когда собачий лай
Раздастся в здешний край,
Тогда возьмет тебя труслива суета».—
«Какая,— заяц рек,— несносна клевета!
Кто? .. Я! .. Чтоб я собак боялся!
Клеветнику б тому в глаза ты насмеялся;
Скажи ему, что он дурак.
Не только я никак
Не бегаю собак,
Но с ними часто здесь играю на лугу.
Приятель твой судил меня немножко строго:
Знакомых и родни собак мне ужасть много,
А в нужде я и сам с собакою смогу».—
«Но чу! — сказал олень,— их голос раздается,
А мне из них в родне никто не доведется,
Так, верно, то родня твоя,
А не моя.
Мое почтенье им, останься ты с друзьями;
Мне быть неловко с вами,
Так я отсель к своим знакомым побегу».
Лай близок, храбрецы мои чуть-чуть умчались;
Однакож храбростью и после величались.

<1788>

II

РОДИ́НЫ

Вчерась приятеля в кручине я застал,
По комнате, вспотев, он бегал и страдал.
Мял руки, пальцы грыз, таращил кверху взоры.
Я мыслил, что его покрали воры.
Спросил: в каких он хлопотах?
А он с досадою сказал, что он в родах.
Немало удивлен таким ответом,
Я о приятеле тужил
И заключил,
Что час уже пришел ему расстаться с светом.
И в простодушии там поднял я содом,
Собрался вкруг его весь дом.
Со страхом на его страданье все смотрели,
Помочь ему хотели,
Да не умели.
И наконец настал родов опасный час
Ко удивленью наших глаз;
Мы думали, что он родит сынка иль дочку;
Но мой шалун родил негодной прозы строчку.

<1788>

III

СОНЛИВЫЙ

В полночь по всем церквам ударили в набат.
Сват свату говорит: «Вставай скорее, сват!
    Пожар! — кричит.— Пожар! и, чаю, очень
                                        близко».—
А тот в ответ ему: «Ну к черту! не толкай;
    Коль хочешь, утекай;
А мне дай выспаться, у нас окно ведь низко».

<1789>

IV

НОВОПОЖАЛОВАННЫЙ ОСЕЛ

Когда чины невежа ловит,
Не счастье он себе — погибель тем готовит.
Осел добился в знатный чин.
В то время во зверином роде
Чин царска спальника был <и> в знати́ и в моде:
И стал осел великий господин.
Осел мой всех пренебрегает,
Вертит хвостом,
Копытами и лбом
Придворных всех толкает.
Достоинством его ослиный полон ум,
Осел о должности не тратит много дум,
Не мыслит, сколь она опасна.
Ослу достоинства даны:
На знатность мой осел с той смотрит стороны,
С какой она прекрасна;
Он знает: ежели в чинах хотя дурак,
Ему почтеньем должен всяк.
Знать должно: ночью Лев любил ужасно сказки,
И спальник у него точил побаски.
Настала ночь, осла ведут ко Льву в берлог;
Осел мой чует,
Что он со Львом ночует,
И сказок сказывать хотя осел не мог,
Однако в слабости ослу признаться стыдно.

Ложится Лев, осел
В берлоге сел:
Ослу и то уж кажется обидно,
Однакож терпит он.
«Скажи-тко,— Лев сказал ослу,— ты мне побаску».
Тут начал проповедь, не сказку,
Мой новый Аполлон.
«Скажи,— сказал он Льву,— за что царями вы?
За то ли только, что вы Львы?
Мне кажется, ослы ничем других не хуже,
Кричать я мастер дюже;
Что ж до рождения, ослы не хуже Львов:
Ослов
Гораздо род не нов;
Отец мой там-то был; мой дед был там и тамо»,—
И родословную свою осел вел прямо.
Мой Лев не спал
И родословную и брань осла внимал,
Осла прилежно слушал,
Потом,
Наскуча дураком,
Он встал — и спальника сиятельного скушал.

<1789>

V

КАРТИНА

Невеже пастуху, безмозглому детине,
Попался на картине
Изображенный мир.
Тут славный виден был природы щедрой пир:
Зеленые луга, текущи чисты воды,
При них гуляющи зверей различных роды,
Которы, позабыв вражды свои,
Играли, прыгали, гуляли, пили, ели
И без коварности друг на друга глядели;
Как будто б были все они одной семьи.
Меж прочим тут пастух увидел близко речки,
Вкруг волка ластились две смирные овечки;
А он в знак дружества овечек сих лизал.
Собаки вдалеке от них спокойно спали.
Пастух, приметя то, сказал:
«Конечно, на волков всклепали,
Что будто бы они
Охотники кратить овечьи дни
И будто бы еще про них вещает слава:
Овец в леса таскать
И тамо их глодать —
В том волчья вся забава.
А мне так кажется, противно то уму,
Чтоб слуху веровать сему;
Вот волк и вот овца; они, резвясь, играют,
Здесь их не в ссоре вижу я,

Они, как будто бы друзья,
Друг к другу ластятся, друг друга обнимают.
Нет! слухам верить я не буду никогда;
Что волки бешены, пустые то лишь враки;
Коль ссорятся они с овцами иногда,
Так, верно, их мутят коварные собаки.
Сошлю собак из стада вон».
Как соврал мой пастух, так сделал после он.
Собак оставил,
И стадо без собак в леса гулять отправил;
За ними вслед
Сам издали идет
И видит волка с три, бегущих к стаду прямо;
Но мой пастух не оробел
И подозрения нимало не имел.
Он мыслит: волки те резвиться будут тамо
И что они идут к овечкам для игры;
Но волки те овец изрядно потазали
И доказали,
Что на картинах лишь к овцам они добры.
А мой совет: к словам пустым не прилепляйся,
Ни описаниям пристрастным не вверяйся,
Старайся боле сам людей ты примечать
И истинну хвалу от ложной различать.

<1789>

VI

ОБЕД У МЕДВЕДЯ

Медведь обед давал
И созвал не одну родню свою, медведей,
Но и других зверей-соседей,
Кто только на глаза и в мысль ему попал.
Поминки ль были то, рожденье ль, именины,
Но только праздник тот принес медведю честь,
И было у него попить что и поесть.
Какое кушанье! Какой десерт и вины!
Медведь приметил сам,
Что гости веселы, пирушкою довольны;
А чтобы угодить и более друзьям,
Он тосты затевал и песни пел застольны;
Потом, как со стола уж начали сбирать,
Пустился танцевать.
Лиса в ладоши хлоп: «Ай, Миша, как приятен!
Как ловок в танцах он! как легок, мил и статен!»
Но волк, сидевши рядом с ней,
Ворчал ей на ухо: «Ты врешь, кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну что тут ловкого? как ступа он толчется».—
«Вздор сам ты мелешь, кум! — Лиса на то в ответ.—
Не видишь, что хвалю танцора за обед?
А если похвала в нем гордости прибавит,
То, может быть, он нас и ужинать оставит».

<1816>

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ Г<ОСПО>Ж<Е> К....

НА ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Приятности весны прохладной вобразя
И сколь она сердца к любви склонять способна,
Не вспомнить мне тебя, прекрасная, нельзя;
А вспомня, не сказать, что ты весне подобна.

Влекущий нас под тень несносный летний зной
Нередко в тяжкое томление приводит,
Но взор пленяющий Темиры дорогой
И лето самое в сей силе превосходит.

Плодами богатя, подобя нивы раю,
Нам осень подает веселые часы;
Мне ж мнится, что тогда я нежный плод сбираю,
Коль взором числю я когда твои красы.

Когда же зимние воображу морозы,
Тогда, чтоб мысли толь холодные согреть
И видеть в феврале цветущи нежны розы,
Мне стоит на тебя лишь только посмотреть.

<1786>

ЭПИГРАММА

Желаешь ты того, чтоб быть тебе богатым
И ищешь способов? .. Будь только тароватым
И превзойди своим коварством сатану —
Возьми ты за себя прекрасную жену.

<1786>

СТИХИ Г<ОСПО>Ж<Е> К....

Позволь плененному тобою,
Любовь! мне кисть на время взять,
И наполняй меня собою,
Хочу Темиру я писать.

Позволь и дай мне вспоможенье,
Мое ты сердце успокой;
Мой дух, оставь свое волненье;
Любовь, води моей рукой.

Представь ее мне без убору,
И без него мила она;
Представь, когда встречать Аврору
Она встает от нежна сна.

Тогда, как день, гоня мрак ночи,
Природу оживляет вновь;
Когда ее драгие очи
Вперяют нежность и любовь.

В лице играя, жар прелестный
Ее пленяет и томит,
И ей желанья неизвестны
Во сердце нежное селит;

Волнует кровь, и сердце бьется,
Видна в очах нежнейша страсть;

Вздыханьем томна грудь мятется
И познает любови власть.

Она свои красы зреть тщится,
Восторг приятный полюбя;
Потом сама себя стыдится
И их скрывает от себя.

Она любови гласу внемлет,
В лицо ее вступает стыд;
Но тщетно дух мой предприемлет
Списать толико нежный вид.

Дабы представить вам подробно
Ее всех прелестей собор,
То не перо к тому удобно,
К тому удобен нежный взор.

<1786>

ЭПИГРАММА

Напрасно человек
В науках тратит век:
Сколь в них премудрости сыскати ни желает,
Родится глупым он и глупым умирает.

<1786>

ПИСЬМО К ДЯДЮШКИНУ ПЛЕМЯННИКУ

О ты, которого разумным закрестили
И титлом знатока публичного почтили;
О ты, который нам явил пример собой,
Что может человек доволен быть судьбой
И ездить четверней по правилу в карете,
Приметным быть глупцом во всем ученом свете
И чести знак таскать у левого ребра,
Когда имеет он довольно серебра;
Скажи, великий муж! поведай нам без лести:
Какою выслугой дошел к такой ты чести,
Что, к удивлению знакомых всех людей,
Ты можешь мучить вдруг четверку лошадей?
Когда б ты был женат, то я бы почитал,
Что ты достоинство рогами поймал;
Но ты, хотя с тех пор сбираешься жениться,
Как мог в десяток вдруг порядочно влюбиться;
Однако все еще поныне не женат,
То, следственно, еще поныне не рогат.
Я слышал, красотой найти путь к счастью можно,
Но ты судьбой скроен не так-то осторожно.
То правда, иногда с умом выходят в честь;
Но ты доныне трех не можешь перечесть:
За что же столько ты счастлив, чиновен, знатен?
Неужели за то, что твой тупей приятен?
Никак путей твоих понять я не могу.—
Постой, авось либо скажу и не солгу.
Подумаю, в родню твою высоку глядя,—
Конечно, этому причиною твой дядя.

<1786>

ЭПИГРАММА 1
К N....

Ты здравым хвалишься умом везде бесстыдно,
Но здравого ума в делах твоих не видно.
Или беспутно ты являешься надмен,
Или некстати подл и слишком унижен;
На свете редкие ты вещи презираешь,
Тогда как к мелочным почтителен бываешь;
Ты любишь вредное, от здравого бежишь,
В надежде ты пустой лета свои влачишь;
Или уныние томит тебя напрасно;
Или на свете сем все кажется опасно;
Не ужасаешься зловредных лишь вещей.
Послушай ты меня, последуй мысли сей,
Что настоящее с прошедшим съединится
И будущее впредь, как бывшее, явится.
Ты блага твердого нетвердо лучшим чтишь,
Не вещию себя — ничтожеством манишь.

<1786>

ЭПИГРАММА 2
ЧАСТО ВОПРОШАЮЩЕМУ

Когда один вопрос в беседе сей наскучит,
Разбор других по сем тебя подобно мучит.
Желаешь ли себе спокойствие снискать?
Так больше делать тщись ты, нежель вопрошать.

<*1786*>

ОДА УТРО

Заря торжественной десницей
Снимает с неба темный кров
И сыплет бисер с багряницей
Пред осветителем миров.
Врата, хаосом вознесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереях своих скрыпят;
И разъяренны кони Феба
Чрез верх сапфирных сводов неба,
Рыгая пламенем, летят.

Любимец грома горделивый
Свой дерзкий, быстр полет стремит
В поля, где Феб неутомимый
Дни кругом пламенным чертит.
Невинной горлицы стенанье
И Филомелы восклицанье,
Соединясь в единый глас,
Любви желаньи повторяют
И громкой песнью прославляют
Природу воскресивший час.

От света риз зари багряных
Пастух, проснувшись в шалаше,
Младой пастушки с уст румяных
Сбирает жизнь своей душе.
Он в поле — и за ним Темира,
Вручая резвости зефира
Волнисто злато мягких влас;

Любовь ее устами дышет,
В очах ее природа пишет
Желаний робких нежный глас.

Пастух в кустах ее встречает
И розу — красоту полей —
На грудь прелестную сажает,
На грудь — белейшую лилей.
Любовь, веселости и смехи
В кустах им ставят трон утехи.
Зефир, резвясь, влечет покров
С красот сей грации стыдливой;
Пастух, победой горделивый,
Стал всех счастливей пастухов.

К водам, где вьет зефир кудрями
Верхи сребриста ручейка,
Путем, усыпанным цветами,
Ведет надежда рыбака.
Друг нежный роз, любовник Флоры,
Чиня с ручьем безмолвны споры,
Против стремленья быстрых вод
В жилище рыбы уду мещет;
Она дрожит, рыбак трепещет
И добычь к берегу ведет.

Весь круг, который Феб обходит,
Есть круг веселия для вас:
Забавы, пастыри, выводит
Вам каждый день и каждый час.
Любовь Тирсисовой рукою
От лиры льет восторг рекою
Прелестных граций в хоровод.
Пастушек резвых легки пляски,
Сердца томящие их ласки
Неделей делают вам год.

Но ах! в кичливых сих темницах,
Где страсть, владычица умов,
Природу заключа в гробницах,
Нам роет бед ужасных ров,

Не глас Аврору птиц прекрасных
Встречает— вопль и стон несчастных;
Она пред сонмом страшных бед,
В слезах кровавых окропляясь,
Пороков наших ужасаясь,
Бледнея в ужасе идет.

При виде пасмурной Авроры,
Скупой, от страха чуть дыша,
Срывает трепеща запоры
С мешков, где спит его душа;
Он зрит богатства, осклабляясь...
С лучами злата съединяясь,
Едва рождающийся день
Льет желчь на бледный вид скупого
И кажет в нем страдальца злого
Во аде мучимую тень.

Уже раб счастия согбенный
Курит злодействам фимиам,
В стенах, где бог его надменный
Колеблет взглядом — гордый храм,
Он гибели всяк час трепещет;
Но взор притворно тихий мещет:
Его ладью зефир ведет...
Но бурный ветр едва застонет —
С ладьей во ужасе он тонет
В волнах глубоких черных вод.

Зари восходом огорченна,
Смутясь, роскошная жена
Досадует, что отвлеченна
От сладостных забав она;
Власы рассеянны сбирает,
Обман ей краски выбирает,
Чтоб ими прелесть заменять.
Она своим горящим взором
И сладострастным разговором
Еще старается пленять.

Во храме, где, копая гробы,
Невинным заградя уста,

Кривя весы по воле злобы,
Дает законы клевета;
И ризой правды покровенна,
Честей на троне вознесенна,
Ласкает своего жреца;
Он суд свой златом оценяет,
Невинность робку утесняет
И мучит злобою сердца.

Се путь, изрытый пропастями,
Усыпан множеством цветов,
Куда, влекомые страстями,
Под мнимой прелестью оков,
Идут несчастны человеки
Вкусить отрав приятных реки
И, чувства в оных погубя,
В ужасны пропасти ввергаться
И жалом совести терзаться,
Низринув в гибели себя.

<1789>

ОДА

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА РОССИИ СО ШВЕЦИЕЮ

Доколь, сын гордыя Юноны,
Враг свойства мудрых — тишины,
Ничтожа естества законы,
Ты станешь возжигать войны?
Подобно громам съединенны,
Доколе, Марс, трубы военны
Убийства будут возглашать?
Когда воздремлешь ты от злобы?
Престанешь города во гробы,
Селеньи в степи превращать?

Дни кротки мира пролетели,
Местам вид подал ты иной:
Где голос звонкой пел свирели,
Там слышен фурий адских вой.
Нимф нежных скрылись хороводы,
Бросаются наяды в воды,
Сонм резвых сатир убежал.
Твой меч, как молния, сверкает;
Народы так он посекает,
Как прежде серп там класы жал.

Какой еще я ужас внемлю!
Куда мой дух меня влечет!

Кровавый понт я зрю, не землю,
В дыму тускнеет солнца свет.
Я слышу стоны смертных рода...
Не расторгается ль природа?..
Не воскресает ли хаос?..
Не рушится ль вселенна вскоре?..
Не в аде ль я?.. Нет, в Финском море,
Где поражает готфа росс.

Где образ естества кончины
Передо мной изображен,
Кипят кровавые пучины,
И воздух молнией разжен.
Там плавают горящи грады,
Не в жизни, в смерти там отрады.
Повсюду слышно: гибнем мы!
Разят слух громы разъяренны.
Там тьма подобна тьме геенны;
Там свет ужасней самой тьмы.

Но что внезапу укрощает
Отважны россиян сердца?
Умолк мятеж и не смущает
Вод Финских светлого лица.
Рассеян мрак, утихли стоны,
И нереиды и тритоны
Вкруг мирных флагов собрались,
Победы россиян воспели:
В полях их песни возгремели
И по вселенной разнеслись.

Арей, спокойство ненавидя,
Питая во груди раздор,
Вздохнул, оливны ветви видя,
И рек, от них отвлекши взор:
«К тому ль, россияне суровы,
Растут для вас леса лавровы,
Чтобы любить вам тишину?
Дивя весь свет своим геройством,
Почто столь пленны вы спокойством
И прекращаете войну?

Среди огня, мечей и дыма
Я славу римлян созидал,
Я богом был первейшим Рима,
Мной Рим вселенной богом стал.
Мои одни признав законы,
Он грады жег и рушил троны,
Забаву в злобе находил;
Он свету был страшней геенны,
И на развалинах вселенны
Свою он славу утвердил.

А вы, перунами владея,
Страшней быв Рима самого,
Не смерти ищете злодея,
Хотите дружества его.
О росс, оставь толь мирны мысли:
Победами свой век исчисли,
Вселенну громом встревожь.
Не милостьми пленяй народы —
Рассей в них страх, лишай свободы,
Число невольников умножь».

Он рек и, чая новой дани,
Стирая хладну кровь с броней,
Ко пламенной готовил брани
Своих крутящихся коней...
Но вдруг во пропасти подземны
Бегут, смыкая взоры темны,
Мятеж, коварство и раздор:
Как гонит день ночны призраки,
Так гонит их в кромешны мраки
Один Минервы кроткий взор.

Подобно как луна бледнеет,
Увидя светла дней царя,
Так Марс мятется и темнеет,
В Минерве бога мира зря.
Уносится, как ветром прахи:
Пред ним летят смятенны страхи,
Ему сопутствует весь ад;
За ним ленивыми стопами

Влекутся, скрежеща зубами,
Болезни, рабство, бедность, глад.

И се на севере природа
Веселый образ приняла.
Минерва росского народа
Сердцам спокойство подала.
Рекла. . . и громов росс не мещет,
Рекла, и фин уж не трепещет;
Спокойны на морях суда.
Дивясь, дела ее велики
Нимф нежных воспевают лики;
Ликуют села и града.

Таков есть бог: велик во брани,
Ужасен в гневе он своем,
Но, коль простреет в знак мира длани,
Творца блаженства видим в нем.
Как воск пред ним, так тает камень;
Рука его, как вихрь и пламень,
Колеблет securityоснованье гор;
Но в милостях Эдем рождает,
Сердца и души услаждает
Его единый тихий взор.

Ликуй, росс, видя на престоле
Владычицу подобных свойств;
Святой ее усердствуй воле;
Не бойся бед и неустройств.
Вотще когтями гидры злоба
Тебе копает двери гроба;
Вотще готовит чашу слез;
Один глагол твоей Паллады
Коварству становит преграды
И мир низводит к нам с небес.

О, сколь блаженны те державы,
Где, к подданным храня любовь,
Монархи в том лишь ищут славы,
Чтоб, как свою, щадить их кровь!
Народ в царе отца там видит,
Где царь раздоры ненавидит;

Законы дав, хранит их сам.
Там златом ябеда не блещет,
Там слабый сильных не трепещет,
Там трон подобен небесам.

Рассудком люди не боятся
Себя возвысить от зверей,
Но им они единым льстятся
Вниманье заслужить царей.
Невежество на чисты музы
Не смеет налагать там узы,
Не смеет гнать оно наук;
Приняв за правило неложно,
Что истребить их там не можно,
Где венценосец музам друг.

Там тщетно клевета у трона
Приемлет правды кроткий вид:
Непомраченна злом корона
Для льстивых уст ее эгид.
Не лица там, дела их зримы:
Законом все одним судимы —
Простый и знатный человек;
И во блаженной той державе,
Царя ее к бессмертной славе,
Цветет златой Астреи век.

Но кто в чертах сих не узнает
Россиян счастливый предел?
Кто, видя их, не вспоминает
Екатерины громких дел:
Она наукам храмы ставит,
Порок разит, невинность славит,
Дает художествам покой;
Под сень ее текут народы
Вкушать Астреи кроткой годы,
Астрею видя в ней самой.

Она неправедной войною
Не унижает царский сан
И крови подданных ценою
Себе не ищет новых стран.

Врагов жалея поражает.
Когда суд правый обнажает
Разящий злобу меч ее,
Во гневе молниями блещет,
Ее десница громы мещет,
Но в сердце милость у нее.

О ты, что свыше круга звездна
Седишь, царей суды внемля,
Трон коего есть твердь небесна,
А ног подножие — земля,
Молитву чад России верных,
Блаженству общества усердных,
Внемли во слабой песни сей:
Чтоб россов продолжить блаженство
И зреть их счастья совершенство,
Давай подобных им царей!

Но что в восторге дух дерзает?
Куда стремлюся я в сей час?
Кто свод лазурный отверзает,
И чей я слышу с неба глас?
Вещает бог *Екатерине:*
«Владей, как ты владеешь ныне;
Народам правый суд твори,
В лице твоем ко мне языки
Воздвигнут песни хвал велики,
В пример тебя возьмут цари.

Предел россиян громка слава:
К тому тебе я дал их трон;
Угодна мне твоя держава,
Угоден правый твой закон.
Тобой взнесется росс высоко;
Над ним мое не дремлет око;
Я российский сам храню престол».
Он рек... и воздух всколебался,
Он рек... и в громах повторялся
Его божественный глагол.

Август 1790

<А. И. КЛУШИНУ>

Залогом дружества прими Фонтена ты,
И пусть оно в сердцах тогда у нас увянет,
Когда бог ясных дней светить наш мир престанет
Или Фонтеновы затмит кто красоты.

Июль 1792

УТЕШЕНИЕ
К АНЮТЕ, ПО СЛУЧАЮ ЗАПРЕЩЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ТОВАРОВ

Ты грустна, мой друг Анюта;
Взор твой томен, вид уныл,
Белый свет тебе постыл,
Веком кажется минута.
Грудь твоя, как легка тень
При рассвете, исчезает,
Иль, как в знойный летний день
Белый воск от жару, тает.
Ты вздыхаешь,— и с тобой
Пошутить никто не смеет.
Чуть зефир косынку взвеет,
Иль стан легкий, стройный твой
Он украдкой поцелует,
От него ты прочь бежишь.
Без улыбки уж глядишь,
Как любезную милует
Резвый, громкий соловей;
Не по мысли все твоей;
Все иль скучно, иль досадно,
Все не так, и все не ладно.
Если тонкий ветерок
Розовый один листок
На твою грудь белу бросит,
Иль твой друг, Фидель твоя,
Увиваясь вкруг тебя,
Поцелуя лишь попросит —
Ты досадуешь на них.

Как ручей, иссохший в поле,
Не журчит в кусточках боле,
Так твой резвый нрав утих.
    Что ж, мой друг, тому виною?
Ты прекрасна, молода;
Раз лишь встретиться с тобою —
И без сердца навсегда;
Раз услышать вздох твой страстный,
Раз тебя поцеловать,
Только раз — и труд напрасный
Будет вольности желать.
Взглянешь ты — в нас сердце тает;
Улыбнешься — кровь кипит;
И душа уж там летает,
Где любовь нам рай сулит.
Я не льщу — спроси — и то же
Всякий скажет за себя:
Пять минут с тобой дороже,
Нежель годы без тебя.
    Отчего ж сей взгляд унылый?
Льзя ль скучать, столь бывши милой?
Ты молчишь — твой томный взгляд
Устремился на наряд.
Как в нечаянны морозы
Нежна Клоя, Флоры друг,
Вышед на поблекший луг,
Воздыхая и сквозь слезы
Видит побледневши розы,—
Так тебе, Анюта, жаль,
Что французски легки флёры,
Щегольские их уборы
И персидска мягка шаль,
Как цветы от стужи, вянут —
Скоро уж они не станут
Веять вкруг твоих красот:
Время счастья их пройдет.
Скоро я пенять не стану,
Что французский тонкий флёр,
Равный легкому туману,
Мой заманивая взор,
Все утехи обещает

И, рассеявши его,
Не открывши ничего,
Только сердце обольщает.
И в цветы парижских флор,
В сей любимый твой убор,
Тихое твое дыханье
Перестанет жизнь вливать;
Их волшебных роз сиянье
Ты не станешь затмевать;
Перед их лином гордиться
Ты не будешь белизной;
Украшая пояс твой,
Во сапфир не претворится
Васильковая эмаль;
Чиста лондонская сталь
В нем зарями не заблещет,
На прелестный твой наряд
Сладких чувствам аромат
Флора сенска не восплещет.
Шаль не будет развевать,
Около тебя взвиваясь;
И зефир, под ней скрываясь,
Перестанет уж трепать
Белу грудь твою высоку.
Чем снабжал парижский свет
Щегольской твой туалет,
Терпит ссылку то жестоку,
И всего того уж нет.
Вот вина всей грусти, скуки:
Этой горькой снесть разлуки
Сил в тебе недостает.
Так малиновка тосклива,
Слыша хлады зимних дней,
Так грустна, летя с полей,
Где была дружком счастлива.
Так печален соловей,
Зря, что хлад долины косит,
Видя, что борей разносит
Нежный лист с младых древес,
Под которым он зарею
Громкой песнию своею
Оживлял тенистый лес.

Но тебе ль, мой друг, опасна
Трата всех пустых прикрас?
Ими ль ты была прекрасна?
Ими ль ты пленяла нас?
Ими ль пламенные взоры
Сладкий лили в сердце яд?
И твои ль виной уборы,
Что волнует кровь твой взгляд?
Ах, Анюта! как же мало
Знаешь ты ценить себя!
Или зеркало скрывало,
Иль то тайна для тебя,
Что ты столь, мой друг, любезна?
Не убором ты прелестна,
Не нарядом хороша:
Всем уборам ты — душа.
Нужны ль розанам румяны,
Чтоб иметь им цвет багряный;
Иль белилы для лилей,
Чтоб казаться им белей?
Труд не будет ли напрасный
Свечку засветить в день ясный,
Чтобы солнышку помочь
Прогонять угрюму ночь?
Так уборы, роскошь, мода
Слабы все перед тобой:
Быв прекрасна, как природа,
Ты мила сама собой.

1793

МОЕ ОПРАВДАНИЕ
К АНЮТЕ

Защищая пол прелестный,
Аннушка, мой друг любезный!
Часто ты пеняла мне,
Что лишь слабости одне
В женщинах ценю я строго
И что нежных тех зараз,
Чем они пленяют нас,
Нахожу я в них немного.
Удивляло то тебя,
Что писать про них я смею;
Ты пеняла, что умею
В них пороки видеть я.
Ты пеняла — я смеялся.
Ты грозила — я шутил.
И тебя я не боялся!
И тебе самой не льстил!
Для меня казалось стыдно,
И досадно, и обидно
Девочке в пятнадцать лет,
Как судье, давать ответ.
Но судьба здесь всем играет,
Вид всему дает иной:
Часто роза там блистает,
Иней где мертвел седой.
Где лежал бел снег пушистый,
Облака крутил борей,

Флора утренней зарей
Стелет там ковры душисты
Для любовных алтарей.
Все природе уступают.
    Превратяся воды в лед,
Пусть бореев презирают.
Придет час — они растают,
Вся их твердость пропадет,
Их теперь и вихри люты
Не возмогут всколебать;
Но настанут те минуты,
Как резвясь их будут гнать
Слабы ветерки восточны.
Сердце наше таково:
Твердо, холодно, как камень;
Но наступит час его —
Вспыхнет вдруг, как лютый пламень.
Все в нем страсти закипят,
И тогда один уж взгляд
Волновать его удобен
И, вливая в душу яд,
Душу связывать способен.
    Но когда здесь всё не впрок,
Может быть, закон природы
И моей уже свободы
Назначает близкий срок.
Скоро, скоро, может статься,
Заплачу большой ценой
За вину, что вооружаться
Смел на пол я нежный твой;
Но теперь лишь оправдаться
Я желаю пред тобой.
Зла тоскою не избудешь,
Грустью тучи не принудишь
Грозу мимо пронести.
Я еще вздохнуть успею,
Как совсем уж ослабею
От беды себя спасти
И погибну невозвратно.
    Так тебе то неприятно,
Что на женщин я пишу,
Их причуды поношу,

Открываю их пороки,
Страсти пылки и жестоки,
Кои вредны иногда,
Странны и смешны всегда.
Но тебя ль я огорчаю,
Коль порочных обличаю?
Нет — тебя тем величаю.
Твой лишь тихий, кроткий нрав,
Не любя переговоров,
Колких шуток, ссор и споров,
То твердит, что я неправ.
И когда пером шутливым,
Не бранчивым, не брюзгливым,
Глупость я колю одну,
Ты в поступке видишь этом,
Будто с целым женским светом
Злую я веду войну.
Так пастух в лесу тенистом,
Голосом пленяясь чистым
Милой пеночки своей,
Чтоб дать боле места ей,
Прочь от дерева гоняет
Глупых каркливых ворон,
Но тем пеночку пугает —
Робка пеночка слетает,
И ее теряет он,
Как приятный, сладкий сон.

Но тебе ль, мой друг любезный,
Страх пристал сей бесполезный?

Пусть Венера во сто лет,
Колотя в поддельны зубы
И надув увядши губы,
Мне проклятие дает
За вину, что слишком строго
Заглянул к ней в туалет
И ценил его я много;
Но тебе в том нужды нет.
Ты красот не покупаешь
В баночках большой ценой,

И природе лишь одной
Тем должна, чем ты пленяешь.
Пусть пеняет на меня
Скромна, хитра щеголиха,
Пусть ворчит мне исподтиха,
Мниму злость мою кляня.
Перед ней, сказать неложно,
Не совсем я чист и прав,
И не слишком осторожно
Я открыл лукавый нрав,
Хитры замыслы, уловки,
Кои чаще у нее,
Нежель у мужа ее
Модны головны обновки.
Не совсем я прав и тем,
Что открыл за тайну всем,
Как она над ним играет;
Знает кстати похвалить;
Знает кстати слезы лить,
Кстати часто обмирает;
И, воскреснув без него,
Мужа скромного сего
Лоб счастливый убирает.
Пусть она меня бранит;
Перед ней я очень грешен;
Но я тем, мой друг, утешен,
Что я прав перед тобой:
С описаньем сим несходен
Нрав невинный, скромный твой:
Он приятен, благороден,
Как тиха заря весной.
Ты притворство ненавидишь
Нужды в нем себе не видишь,
И к чему тебе оно?
Все судьбой тебе дано,
Чтоб тобою восхищаться!
Для чего же притворяться?
Разве только для того,
Чтоб любезной не казаться?
Пусть как хочет, так бранит
Резвая меня Ветрана;
Пусть везде она твердит,

Что я схож на грубияна,
Что во мне искусства нет
Забавлять их модный свет.
Гнев ее ничуть не дивен:
Кто портрет ее писал
И, писав его, не лгал,
Тот, конечно, ей противен.
Если б я не рассказал,
Как сердца она меняет;
Как нередко в сутки раз
Верностью своей линяет,
Не храня своих зараз;
И как бабочка летает
С василька на василек
И с цветочка на цветок;
Если б я был скромен боле,
Если б я смолчать умел,
Может быть, с другими в доле
Сердцем бы ее владел;
Но в блаженстве без препятства
Мало есть, мой друг, приятства —
Мил сокол нам в высоке,
Скучит скоро на руке.
Пусть она кричит как хочет;
Пусть язык, как бритву, точит;
Мне не страшен гнев ея.
Но, писав портрет Ветраны,
Хитрость, плутовство, обманы,
Чем тебе досаден я?
Ты ловить сердец не ищешь:
За победами не рыщешь
На гуляньи, в маскарад,
В сосьете, в спектакли, в сад.
И хотя ты всех пленяешь
И умом и красотой,
Но, сколь нрав опасен твой,
Всех ты мене это знаешь.
Перед зеркалом, друг мой,
Ты не учишь притворяться,
Ни вздыхать, ни ужиматься,
Кстати бросить томный взгляд,
Иль лукавы сделать глазки;

Щеголих притворны маски,
Весь ученый их снаряд,
Расставлять сердцам тенета,
Быть влюбленной не любя —
Вся наука хитра эта
Непонятна для тебя.
    У тебя, мой друг, не в моде
С сердцем быть глазам в разводе.
Ты открыта — твой язык
К хитрой лести не привык.
Плачешь ты или хохочешь
Не тогда, когда захочешь,
Но как сердце то велит.
С ним одним во всем согласны
Голос твой, глаза и вид:
Оттого они прекрасны.
    Ах! когда бы весь твой пол
Сходен был во всем с тобою,
Кто б, мой друг, был столько зол
И с душою столь слепою,
Чтобы не пленяться им?
    Слабым я пером моим
Лишь ему платил бы дани
И оставил бы все брани
Злым порокам и смешным.
    С лирой томной и согласной
Пел бы пол я твой прекрасной,
И учился б лишь тому,
Чтоб уметь его прославить,
Кстати — в шутках позабавить
И полезным быть ему.

<1793>

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ МОЕМУ

Скажи, любезный друг ты мой,
Что сделалось со мной такое?
Не сердце ль мне дано другое?
Не разум ли мне дан иной? —
Как будто сладко сновиденье,
Моя исчезла тишина;
Как море в лютое волненье,
Душа моя возмущена.
Едва одно желанье вспыхнет,
Спешит за ним другое вслед;
Едва одна мечта утихнет,
Уже другая сердце рвет.
Не столько ветры в поле чистом
Колеблют гибкий, белый лен,
Когда, бунтуя, с ревом, свистом
Деревья рвут из корня вон;
Не столько воды рек суровы,
Когда к погибели лугов
Весной алмазны рвут оковы
И ищут новых берегов;
Не столько и они ужасны,
Как страсти люты и опасны,
Которые в груди моей
Мое спокойство отравляют
И, раздирая сердце в ней,
Смущенный разум подавляют.
Так вот, мой друг любезный, плод,
Который нам сулят науки!

Теперь ученый весь народ
Мои лишь множит только скуки.
Платон, Сенека, Эпиктет,
Все их ученые соборы,
Все их угрюмы заговоры,
Чтоб в школы превратить весь свет,
Прекрасных девушек в Катонов
И в Гераклитов всех Ветронов,—
Все это только шум пустой.
Пусть верит им народ простой,
А я, мой друг, держусь той веры,
Что это лишь одни химеры.
Не так легко поправить мир!
Скорей, воскреснув, новый Кир
Иль Александр, без меры смелый,
Чтоб расширить свои пределы,
Объявят всем звездам войну
И приступом возьмут луну;
Скорей Вралин переродится,
Стихи картавить устыдится
И будет всеми так любим,
Как ныне мил одним глухим;
Скорей все это здесь случится;
Но свет — останется, поверь,
Таким, каков он есть теперь,
А книги будут всё плодиться.
    К чему ж прочел я столько книг,
Из них ограду сердцу строя,
Когда один лишь только миг —
И я навек лишен покоя?
Когда лишь пара хитрых глаз,
Улыбка скромная, лукава —
И философии отрава
Дана в один короткий час.
Премудрым воружась Платоном,
Угрюмым Юнгом, Фенелоном,
Задумал целый век я свой
Против страстей стоять горой.
Кто ж мог мне быть тогда опасен?
Ужли дитя в пятнадцать лет?
Так точно — вот каков здесь свет! —

И труд мой стал совсем напрасен,
Лишь встретился с Анютой я.
Угрюмость умерла моя —
Нагрелось сердце, закипело —
С умом спокойство отлетело.
Из всех наук тогда одна
Казалась только мне важна —
Наука, коя вечно в моде
И честь приносит всей природе,
Которую в пятнадцать лет
Едва ль не всякий узнает,
С приятностью лет тридцать учит,
И коею никто не скучит,
Доколе сам не скучен он;
Где мил, хотя тяжел закон;
В которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умок силен слегка;
Где трудность всякая сладка;
В которой даже слезы милы —
Те слезы, с смехом пополам,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмелясь стать счастливой,
Она дает блаженство нам.
Наука нужная, приятна,
Без коей трудно век пробыть;
Наука всем равно понятна —
Уметь любить и милым быть.
Вот чем тогда я занимался,
Когда с Анютой повстречался;
Из сердца мудрецов прогнал,
В нем место ей одной лишь дал
И от ученья отказался.
Любовь дурачеству сродни:
Деля весь свет между собою,
Они, мой друг, вдвоем одни
Владеть согласно стали мною.
Вселяся в сердце глубоко,
В нем тысячу затей родили,
Все пылки страсти разбудили,
Прогнав рассудок далеко.
Едва прошла одна неделя,
Как я себя не узнавал:

Дичиться женщин перестал,
И стал великий пустомеля.
Все в них казалось мне умно:
Ужимки, к щегольству охота,
Кокетство, даже и зевота —
Все нежно, все оживлено;
Все прелестью и жаром блещет,
Все мило, даже то лино,
Под коим бела грудь трепещет.
    Собольи брови колесом
Меня к утехам призывали,
Хотя нередко угольком
Они написаны бывали;
Румянец сердце щекотал,
Подобен розе свежей, алой,
Хоть на щеке сухой и вялой
Природу худо он играл;
Поддельна грудь из тонких флёров,
Приманка взорам — сердцу яд,
Была милей всех их уборов,
Мой развлекая жадный взгляд.
Увижу ли где в модном свете
Стан тощий, скрученный, сухой,
Мне кажется, что пред собой
Я вижу грацию в корсете.
    Но если, друг любезный мой,
Мне ложны прелести столь милы
И столь имеют много силы
Мою кровь пылку волновать,—
Представь же Аннушку прелестну,
Одной природою любезну —
Как нежный полевой цветок,
Которого лелеет Флора,
Румянит розова Аврора,
Которого еще не мог
Помять нахальный ветерок;
Представь — дай волю воображенью —
И рассуди ты это сам,
Какому должно быть движенью,
Каким быть должно чудесам
В горящем сердце, в сердце новом,
Когда ее увидел я? —

Обворожилась грудь моя
Ее улыбкой, взором — словом;
С тех пор, мой друг, я сам не свой,
Любовь мой ум и сердце вяжет,
И, не заботясь, кто что скажет,
Хочу быть милым ей одной.
Все дни мне стали недосужны,
Твержу науку я любить; —
Чтоб женщине любезным быть,
Ты знаешь, нам не книги нужны.
Пусть Аннушка моя умна,
Но все ведь женщина она.
Для них магниты, талисманы —
Жилеты, пряжки и кафтаны,
Нередко пуговка одна.
Я, правда, денег не имею;
Так что же? — Я занять умею.
Проснувшись с раннею зарею,
Умножить векселя лечу;
Увижу ль на глазах сомненье,
Чтоб все рассеять подозренье,
Проценты клятвами плачу.
Нередко, милым быть желая,
Я перед зеркалом верчусь
И, женский вкус к ужимкам зная,
Ужимкам ловким их учусь;
Лицом различны строю маски,
Кривляю носик, губки, глазки,
И, испужавшись сам себя,
Ворчу, что вялая природа
Недоработала меня
И так пустила, как урода.
Досада сильная берет,
Почто я выпущен на свет
С такою грубой головою.
Забывшись, счастье поношу
И головы другой прошу,—
Не зная, чем и той я стою,
Которую теперь ношу.
Вот как любовь играет нами!
Как честью — скромный лицемер;

Как службой — модный офицер;
Как жены хитрые — мужьями.
Не день, как ты меня узнал;
Не год, как мы с тобой знакомы;
Как ты, мой друг, передо мною
Малейшей мысли не скрывал
И сам в душе моей читал;
Скажи ж: таков ли я бывал? —
Сует бывало ненавидя,
В тулупе летом дома сидя,
Чинов я знатных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб пышностью блистать в народе,—
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь важен был,
Который я ношу в природе,—
Чин человека; — в нем лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной нелестной славой.
Теперь, мой друг, исчез тот мрак,
И мыслю я совсем не так.
Отставка начала мне скучить,
Хочу опять надеть мундир.
«Как счастлив тот, кто бригадир;
Кто может вдруг шестерку мучить!» —
Кричу нередко сгоряча,
И шлем и латы надеваю,
В сраженьях мысленно летаю,
Как рюмки, башни разбиваю
И армии рублю сплеча;
Потом, в торжественной минуте,
Я возвращаюся к Анюте,
Покрытый лавровым венком;
Изрублен, крив, без рук и хром;
Из-под медвежьей теплой шубы
Замерзло сердце ей дарю;
И сквозь расколотые зубы
Про стару нежность говорю,
Тем конча все свое искусство,
Чтоб раздразнить в ней пылко чувство.

Бывало мне и нужды нет,
Где мир и где война сурова,
Не слышу я — и сам ни слова,—
Иди как хочет здешний свет.—
Теперь, мой друг, во всё вплетаюсь
И нужным быть везде хочу;
То к Западу с войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миром подарить,
Иль свет по-новому делить,—
И, быв нигде ни в чем не нужен,
Везде проворен и досужен;
А все лишь только для того,
Чтоб луч величья моего
Склонил ко мне Анюту милу;
Чтоб, зная цену в нем и силу,—
Сдалась бы всею мне душой
И стала б барыней большой.
Бывало мне покой мой сладок,
Честь выше злата я считал;
С богатством совесть не равнял
И к деньгам был ничуть не падок.
Теперь хотел бы Крезом быть,
Чтоб Аннушки любовь купить;
Индейски берега жемчужны
Теперь мне надобны и нужны.
Нередко мысленно беру
Я в сундуки свои Перу,
И, никакой не сделав службы,
Хочу, чтобы судьбой из дружбы
За мной лишь было скреплено
Сибири золотое дно:
Чтобы иметь большую славу
Анюту в золоте водить,
Анюту с золота кормить,
Ее на золоте поить
И деньги сыпать ей в забаву.
Вот жизнь весть начал я какую!
Жалей о мне, мой друг, жалей —
Одна мечта родит другую,
И все — одна другой глупей;
Но что с природой делать станешь?

Къ щастью.

Богиня резвая, слепая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предмѣтъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
премудрая
Подъ часъ не кстати ~~[illegible]~~
щедро ~~[illegible]~~
Подъ часъ ~~розно[illegible]~~ не въ попадъ —
Скажи фортуна дорогая;
За что у насъ съ тобой не ладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова;
Ни въ путь со мной не молвишь слова;
Ни улыбнешся на меня?
[illegible]
~~И между [illegible]~~ изъ части
[illegible]
~~Тебя [illegible] глазами~~
Ты важность гордую храня,
Едва меня привѣтить хочешь,
и [illegible]
Иль въ добрый часъ ~~[illegible]~~ слегка
Блеснувши мнѣ издалека.
Меня надеждою волочишь?
Какъ мракъ свѣтитъ передъ зарей;
Какъ лань гонима смертью злою
Передъ свистящею стрѣлою,

Ее, мой друг, не перетянешь.
Быть может, что когда-нибудь
Мой дух опять остепенится,
Моя простынет жарка грудь —
И сердце будет тише биться,
И страсти мне дадут покой.
Зло так, как благо,— здесь не вечно;
Я успокоюся, конечно;
Но где? — под гробовой доской.

<1793>

ОДА

НА СЛУЧАЙ ФЕЙЕРВЕРКА, СОЖЖЕННОГО 15 ЧИСЛА СЕНТЯБРЯ 1793 ГОДА НА ЦАРИЦЫНСКОМ ЛУГУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА С ТУРЕЦКОЮ ПОРТОЮ

Что чин природы пременяет?
Куда ночная скрылась тень?
Кто мрак холодный прогоняет,
В полунощи рождая день?
Лазурны своды неба рдятся —
Там солнцев тысячи родятся
И изумленны взоры тмят;
Там в вихрях молнии блистают
И небеса от жару тают;
Там громы страшные гремят!

Не так ли в смертных громы мещет
В свирепом гневе божество?
Но там природа вся трепещет,
А здесь сияет торжество.
Там вихрь народы разметает
И все спастися убегает
В дубравы темны, в сердце гор;
А здесь под пламенные своды
Текут в веселии народы
Насытить любопытный взор.

И се под небесами слышно
Согласье стройно громких лир,

Россия торжествует пышно
Екатериной данный мир.
Восток чудится изумленной
И вопиет: — Ужель вселенной
Избранны россы обладать? —
Но кто ж восстать на росса смеет,
Когда бесстрашный росс умеет
Ужасной молнией играть!

1793

К СЧАСТЬЮ

Богиня резвая, слепая,
Худых и добрых дел предмет,
В которую влюблен весь свет,
Подчас некстати прескупая,
Подчас щедра, но невпопад,
Скажи, Фортуна дорогая,
За что у нас с тобой нелад?
За что ко мне ты так сурова?
Ни в путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?
И между тем, как за тобой
Я волочуся всей душой,
Ты, важность гордую храня,
Едва меня приметить хочешь,
Иль в добрый час, и то слегка
Блеснувши мне издалека,
Меня надеждою волочишь.
Как мрак бежит перед зарей,
Как лань, гонима смертью злою,
Перед свистящею стрелою,
Так ты бежишь передо мной,
Бежишь далеко вон из виду,
Когда другим, все мне в обиду,
Ты льешься золотой рекой,
И ставишь в том свою забаву,
Чтоб множить почесть их и славу.
Венок плети им золотой,—
Но расскажи хоть как умеешь,

За что любимцев нежа сих,
Как Митрофанушек своих,
Всегда ты им во всем радеешь,
Назло завидливым умам
Под облака их взносишь домы,
Как чародейные хоромы,
Какие в сказках слышны нам;
В их темны погреба холодны
Сбираешь вина превосходны,
Из-за морей и дальних стран
Червонцы лучшие несчетны,
Жемчуг, каменья самоцветны
В широкий сыплешь их карман.
Когда, мой друг, у нас в заводе
Ни огурцов соленых нет
Приправить скромный наш обед,
Тогда ты, вперекор природе,
Их прихотливым вкусам льстишь
И в зимних месяцах жестоких
На пышных их столах, широких,
Им сладки персики растишь;
Румянишь сливы полны, белы,
Горой арбузы громоздишь,
И виноград, и дыни спелы.
Когда весна везде мертва,
Тогда у них она жива.
В крещенски лютые морозы
На их столах алеют розы.
Они лишь только пожелают —
Сердца красавиц к ним пылают.
Пускай вздыхает Адонис,
Он встретит святость у Лаис;
А им к весталкам вход свободен.
С тобой, будь гадок как Азор,
При счастье гадость не укор:
Без роду будешь благороден,
Без красоты пригож и мил.
Пусть, изо всех надувшись сил,
Герой о громкой славе грезит,
На стены мечется и лезет,
Бок о бок трется с смертью злой
И с ног полки валит долой;

Пусть он все страхи презирает
И меж рядами там летает,
Где ядры сыплются как град,—
Все это будет невпопад,
И подвиг весь его напрасен,
Коль он с тобою несогласен.
Как слабый след весла в волнах,
Едва родится, умирает;
Как лунный свет в густых парах
Едва мелькнет и исчезает,—
Так дел его геройских плод
И мал, и беден, и беспрочен:
Ему как будто изурочен
Во храм болтливой славы вход.
Никто об нем нигде не знает;
Он города берет в полон —
Об нем никто не вспоминает,
Как будто б в свете не был он;
И вся его награда в том,
Что, дравшись двадцать лет иль боле,
Герой домой придет пешком,
Все зубы растерявши в поле.
    Но если ты кого в герои
Захочешь, друг мой, посвятить,
Ни брать тому не надо Трои,
Ни флотов жечь, ни турков бить.
Пускай сидит он вечно дома,
Не лезет вон из колпака:
Военного не зная грома,
Он будет брать издалека
Без лат, меча и шишака
Приступом крепости и грады;
В Мадрите сидя, он осады
На пышный поведет Пекин,
Возьмет спросонья Византин
И, век не обнажая шпаги,
Помпеев, Кесарев затмит,
Вселенну славой удивит,
Примером прослывет отваги;
Его причислят к чудесам,
И в те часы, когда он сам
Не будет знать, чем он так славен,

Полубогам сочтется равен
И возвеличен к небесам.
Пусть горделивый суетится,
Чтобы честей, чинов добиться;
Пусть ищет случая блистать
Законов строгим наблюденьем,
Рассудком, истиной, ученьем
И на чреду вельможи стать.
Как хочешь, будь ты так исправен,
Бесчисленны труды терпи,
Работай день и ночь не спи;
Но если для тебя не нравен,
Останешься последним равен:
За правду знатью нелюбим,
За истину от всех гоним,
Умрешь и беден и бесславен.
А ты, схвативши дурака,
Назло уму, рассудку, чести,
Сквозь подлости, пронырства, лести
Возносишь в знать под облака.
Какие же его заслуги?
Что он у знатных по утрам,
Едва проснутся только слуги,
Паркеты трет — по господам
Развозит вести, по домам
Исправный счет ведет рогам,
Из пользы такает и спорит,
Умеет кстати подшутить
Или, чтоб время проводить,
Честных людей бесчестно ссорит.
И ты за то горой ему
Богатствы сыплешь в воздаянье!
Иль глупости и злодеянья
У счастья служат все в найму?
Когда взгляну в твои палаты,
В них редко виден мне мудрец,
Но иль порочный, иль глупец.
Один дурачится из платы,
Другой для выгоды своей,
Родни не помня, ни друзей;
Чтобы ладнее быть с тобою,
Готов из мира сделать Трою;

А ты, уму наперекор,
Кидаешь ласковый к ним взор,
По шорстке чешешь их и гладишь,
К честям ведешь и в славу рядишь.
Пускай трудится домовод
Честным трудом нажить именье
И истощает все уменье
С приходом согласить расход;
Уметь ко времени засеять
И в добрый час с полей убрать;
Уметь минуты не терять
И деньги так, как сор, не веять;
Как будто бы из-под обуха
За труд ты платишь потовой,
Некстати у него засуха,
Некстати дождик проливной.
Прогнав град сильной полосою,
Нередко ты, как бы косою,
Ссекаешь недозрелый плод;
Трудов награду истребляешь
И в час надежду погубляешь,
Которой он ласкался год.
А в городе твоим стараньем
Шестеркин с небольшим познаньем
Науки легкой банк метать
Рублей не может сосчитать.
Успеют карту лишь подать,
Шестеркин ей как по лбу хлопнет.
Ищи руте ты день и ночь —
Сия надежды мила дочь
Пред ним загнется лишь и лопнет.
Ни с чем начавши торг такой,
Шестеркин мой почти в два года
Разбогател, как воевода,
И скачет хватской четверней.
Ему что день, то новы сроки
С понтеров собирать оброки.
С тех пор, как он в ладу с тобой
Своим уменьем и проворством,
А более твоим потворством,
Не сотню в мир пустил с сумой.

Пускай другой в трудах хлопочет,
Шестеркин мой тому хохочет,
Ученье это в грязь он мнет,
Трудами жить ничуть не хочет,
Не сеет он, а только жнет,
И веселенько век живет.
Вот как ты, Счастье, куролесишь;
Вот как награды криво весишь,
Ласкаешь тем, в ком чести нет;
Уму и правде досаждая,
Бесстыдство, глупость награждая,
Ты развращаешь только свет.
Но что болтать тебе пустое?
Останусь лучше я в покое.
Напой тебе хоть боле вдвое —
Исправишься ль ты? верно — нет.

<1793>

МОЙ ОТЪЕЗД

Песня

Уже близка минута
Разлуки моея;
Прости, прости, Анюта,
Уж скоро еду я.
Расставшися с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.
Пусть за меня в разлуке
Она напомнит муки,—
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.
С кем встречусь, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Лесок, деревня, поле,
Все вспомнит предо мной
Места, где в тихой доле
Был счастлив я с тобой.
Все мне тебя представит;
Все слезы лить заставит;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Вот лес, скажу, унылой,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.
Там я с тобой встречался;
Здесь я тобой прельщался;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят;
Сулят утехи новы,
Быть верными сулят.
Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Хоть вспомни, как тобою
Томится грудь моя,
И что, лишась покою,
Не льщусь надеждой я.
Ах, вспомни все мученье
И это разлученье,
Мой друг! — Мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

<1793>

ВЕЧЕР

Не спеши так, солнце красно,
Скрыть за горы светлый взор!
Не тускней ты, небо ясно!
Не черней, высокий бор!
Дайте мне налюбоваться
На весенние цветы.
Ах! не больно ль с тем расстаться,
В чем Анюты красоты,
В чем ее душа блистает!
Здесь ее со мною нет;
И мое так сердце тает,
Как в водах весенний лед.
Нет ее, и здесь туманом
Расстилается тоска.
Блекнут кудри василька,
И на розане румяном
Виден туск издалека.
Тень одна ее зараз
В сих цветах мне здесь отрадна.
Ночь! не будь ты так досадна,
Не скрывай ее от глаз.
Здесь со мною милой нет,
Но взгляни, как расцветает
В розах сих ее портрет!
Тот же в них огонь алеет,
Та ж румяность в них видна:
Так, вполнехотя она
Давши поцелуй, краснеет.

Ах! но розы ли одни
С нею сходством поражают?
Все цветы — здесь все они
Мне ее изображают.
На который ни взгляну —
Погляжу ли на лилеи:
Нежной Аннушкиной шеи
Вижу в них я белизну.
Погляжу ли, как гордится
Ровным стебельком тюльпан,—
И тотчас вообразится
Мне Анютин стройный стан.
Погляжу ль... Но солнце скрылось,
И свернулись все цветы;
Их сияние затмилось,
Ночь их скрыла красоты.
Аннушка, мой друг любезный!
Тускнет, тускнет свод небесный,
Тускнет,— но в груди моей,
Ангел мой! твой вид прелестный
Разгорается сильней.
Сердце вдвое крепче бьется,
И по жилам холод льется;
Грудь стесненную мою
В ней замерший вздох подъемлет,
Хладный пот с чела я лью.—
Пламень вкруг меня объемлет,—
Аннушка! душа моя!
Умираю — гасну я!

1793—1794(?)

ОДА ПЕРВАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 17-го

Возлюблю тя, господи, крепосте моя.

К тебе, мой бог великий, вечный,
Желанья все мои парят,
Сквозь тьму и бездну бесконечны,
Где миллионы звезд горят
И где, крутясь, миры в пучинах
Твое величество гласят:
Велик господь, велик и свят
Вещей в началах и кончинах!
Велик величества творец,
В бедах мне щит, в суде — отец.

Болезни взор мой помрачали;
Земля разверзлась подо мной;
Как сонм стесненных туч, печали
Носились над моей главой.
Переставало сердце биться,
Потек по жилам смерти хлад,
Уже ногой ступил я в ад,—
Но вспомнил к богу обратиться.
Сквозь небеса проник мой вздох —
И мой меня услышал бог.

И двигнулась и встрепетала
Земля, поверженная в страх.
От гнева бога тьма восстала,
Содрогнулись сердца в горах.

Взглянул он — море возмутилось,
И вихри пламенны взвились,
И страшны громы раздались;
Ступил — и небо преклонилось.
Сошел — и крепкою пятой
Сгустил он тучи под собой.

И се, воссед на вихри скоры,
Несется облеченный в тьму.
Пред ним кремнисты тают горы;
Курятся бездны вслед ему.
Как молния, его блистанье.
Он рек — и, грозный глас внемля,
Расселась в трепете земля,
Вселенной вскрылись основанья;
И воды, в страхе, без препон,
Смутясь, из бездны рвутся вон.

Подвигнувшись толь страшной бранью,
Врагов моих карая злом,
Мой бог своею сильной дланью,
Как крепким медяным щитом,
Покрыл меня — и мне их стрелы
Как ломкий и гнилой тростник;
Сколь бог мой страшен и велик,
Столь тесны вражьих сил пределы!
Едва я возопил стеня,
Он двигнул громы за меня.

Пари, мой дух, за круги звездны,
Любовью к богу вознесен;
Храни пути его небесны —
И будешь в гибелях спасен.
Беги мужей коварных, льстивых:
Беседа их для сердца яд;
С святым ты будешь купно свят;
Познаешь правду средь нелживых;
С правдивым будешь ты правдив
И с нечестивым нечестив.

Смиренных щит! Смиритель гордых!
Блесни зарями в грудь мою;

И на столпах надежды твердых
Твою я славу воспою;
Чрез горы препинаний ада
Переступлю, как исполин;
Перелечу, как сын орлин,
Чрез бездны, страшные для взгляда, —
И, верой воспален к царю,
Как солнце юно возгорю.

С тобой кого мне устрашиться,
Кого бы я не превозмог?
Кто славою с тобой сравнится?
И где тебя сильнейший бог?
Где небо, где есть круги звездны
Для сил и для богов иных?
И где для молний есть твоих
Недосягаемые бездны?
Твоим лишь духом все живет,
Ты все — иного бога нет.

Не ты ль, вдохнув мне силы многи,
Дал крепость льва моим рукам,
Еленью скорость дал мне в ноги
И орлю быстроту глазам?
Не ты ль на брань меня наставил,
Дал мышцы мне, как медян лук?
Не ты ль различны силы вдруг,
Чем в тысящах себя прославил,
В одном во мне соединя,
Венчал царем земли меня?

Не силою ль твоей взлетает
Мой быстрый дух на небеса,
Где солнцев тысяча блистает,
Твои вещая чудеса?
Не силою ль твоей великой
Причину мира мерит он
И постигает тот закон,
Чем обуздал хаос ты дикой,
Пространства раздслил мирам,
Дал стройный вид и бег телам?

Андрей

За письменным столом

„Любезной батюшка, по вашему совету —

[illegible]

Но где есть слово человека
Тебя обильно превознесть?
В ком долгота найдется века
Твои все чудеса исчесть?
Пади, мой дух, в смиреньи многом
И свой не устремляй полет
В пучины, коим меры нет.
Чтоб бога знать, быть должно богом;
Но чтоб любить и чтить его,
Довольно сердца одного.

1795

ОДА ВТОРАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 71-го

Боже, суд твой цареви даждь
и правду твою сыну цареву.

Подай царю твой, боже, суд,
И правду дай цареву сыну;
Да к пользе царства примет труд,
Да истину хранит едину —
И кротко, как зарей зефир,
Ко всем странам прольется мир.

Он не предаст сирот и вдов;
На трон в лице восседши бога,
Сомкнет уста клеветников,
Спасет и нища и убога.
Как солнце вешнее с высот,
Прольет на всех он луч щедрот.

Как напояет землю дождь
И проникает мягку волну,
Так сей ко счастью кроткий вождь
Прольет в сердца отраду полну,—
И не затмит его лучей
Вся толща туч, весь мрак ночей.

К нему народы потекут,
Как в океан пространны реки;
Цари различны дань дадут;
Он возродит златые веки,—

И где конец земле, морям,
Предел его державе там.

Как неисчерплем океан,
Его сокровища узрятся;
Среди его цветущих стран
Довольство с миром водворятся,—
И дом его, ко славе скор,
Превысит верх Ливанских гор.

Его благословит народ;
Рабы, как чада, будут верны.
Предупредят зарей восход
От всех ему хвалы усердны,—
И, мудрости его внемля,
Ему восплещет вся земля.

1794—1795(?)

ОДА ТРЕТЬЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА <14-го>

Господи, кто обитает в жилище твоем?

Кто, боже, в высотах эфирных
Святый твой населяет двор?
Кто слышит, как, при звуках лирных,
Поет тебя пресветлый хор?
И кто в святилищах небесного чертога
Вкушает сладость зреть величье, славу бога?

Кто сердцем чистым, нелукавым
Стремится твой закон блюсти;
Кто не скользит вослед неправым;
Чей ввек язык не знает льсти,
И чья душа, в словах и взорах беспорочных,
Как полная луна, видна в водах полночных;

Кто на друга сетей не ставит,
Не соплетает злых клевет;
Боящихся кто бога славит,
За благо злом не воздает,
Кто в гнусных рубищах невинность чтить умеет,
Злодеев презирать на самых тронах смеет;

Кто клятву сохраняет свято,
Страшится слабых поражать
И лихвою презренной злато
Свое не тщится умножать;

Кто на суде своем едину правду любит
И за принос даров убогого не губит;

Кто с сих путей не совратится
И сердце право соблюдет,—
Тот, боже, в твой чертог вселится,
Твоей увидит славы свет
И там, земных сует оставя скоротечность,
В чистейших радостях он вкусит сладку вечность.

1794—1795(?)

ОДА ЧЕТВЕРТАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 96-го

Господь воцарися, да радуется
земля.

Взыграй, вся дышущая плоть!
Днесь воцарился твой господь.
Промчите слух сей, ветры скоры,
В дальнейшие земли концы,
Да скачут холмы, как тельцы,
Как овны, да взыграют горы
Средь кликов празднующих стран,
И да восплещет океан!

Предыдет огнь и вихрь пред ним
И гром, ревущий в кару злым;
Окрест несется мрак стесненный,
Вьют вихри, дождь и снег, и град,
И молнии его блестят
От края до края вселенной;
Немеет гром; ему внемля,
Как море, зыблется земля.

На истинах его престол;
Судьба миров — его глагол;
Врагов палящий пламень — взоры;
Речет — и огнь их жрет вокруг;
Воззрит — и тьмы падут их вдруг.
Как воск пред ним, так тают горы;
Земля — певец его чудес;
Вещатель славы — твердь небес.

О вы, певцы богов иных,
Сравните с мертвой силой их
Живаго бога силу живу —
И усрамитесь падать ниц
Пред изваяньем хрупким лиц,
Кладя на них надежду лживу!
Они, как вы, лишь персть и прах;
Ограда их — обман и страх.

Но ты, мой бог, творец миров,
Един превыше всех богов
И вышний надо всей землею!
Воспой его, правдивых лик;
Единый царь судеб велик:
Он силой все хранит своею;
В нем правым жизнь, в нем чистым свет —
И вне его спасенья нет.

1794—1795

ОДА ПЯТАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 37-го

Господи, да не яростию твоею...

Смягчи, о боже! гнев твой ярый,
Вины души моей забудь;
И молний уклони удары,
В мою направленные грудь!
Престани в тучах, во блистаньях
И в бурных пламенных дыханьях
Являть, колико суд твой строг;
Пролей надежду в грудь унылу,
Яви свою во благе силу
И буди в милостях мне бог!

Стрелами острыми твоими
Мне сердце все изъязвлено,
И, раздираемое ими,
Горит, как в пламени, оно;
Свои счисляя преступленьи,
В стыде, в болезни, в изумленьи,
Смыкаю я смущенный взор.
Нет предо мною света дневна —
На мне твоя десница гневна,
Хладнее льдов, тяжчае гор.

Все скорби на меня зияют
И плоть мою себе делят.
Как воск, во мне так кости тают,
И кровь моя как острый яд;

Как трость ломка во время зною,
Как ломок лед в реках весною,
Так ломки ноги подо мной.
Всё множит мне печалей бремя;
Остановилось само время,
Чтобы продлить мой жребий злой.

В сем зле, как в треволненном море,
Собрав остаток слабый сил,—
В отчаяньи, в надежде, в горе,
К творцу миров я возопил,
Воззвал — и сердцем встрепетался;
То луч надежды мне являлся,
То, вспомянув мои вины,
Терял я из очей свет красный:
Меч видел мщения ужасный
И видел ада глубины.

Вкруг моего собравшись ложа,
С унылой жалостью друзья,
Моей кончины ужас множа,
Казалось, взорами меня
Во гроб холодный провождали:
Притворным плачем мне стужали
Враги сокрыты дней моих;
А я, как мертв, среди смятенья
Лежал без слуха, без движенья
И уст не отверзал своих.

Но в страшную сию минуту,
В сей час, ужасный бытию,
Зря под ногами бездну люту,
А пред очами смерть мою,—
Надеждой на тебя отрадной,
Как в жар поля росой прохладной,
Мой слабый дух себя питал.
Хоть телом упадал я в бездны,
Но духом за пространства звездны
К тебе с молитвой возлетал.

Нет! — рек я в глубине сердечной, —
Нет, не погибну я, стеня;

Исторгнет бог мой сильный, вечный
Из смертных челюстей меня
И дух мой не отдаст он аду
Неправедным врагам в отраду;
Их не свершится торжество;
Не посмеется мне их злоба,
Что у дверей ужасных гроба
Помочь бессильно божество.

Творец! Внемли мое моленье
И гласу сердца ты внемли:
Хотя, ничтожное творенье,
Я прах, не видный на земли;
Но что есть мало, что презренно,
Тобою, боже, сотворенно?
Прекрасен звездный твой чертог;
Ты в солнцах, ты во громах чуден,—
Но где ты чудесами скуден? —
Ты и в пылинке тот же бог!

И я к тебе, надежды полный,
Свой простираю томный глас:
Смири страстей свирепых волны,
В которых духом я погряз!
Мои велики преступленьи:
Их сердцу страшно исчисленье.
Но в судие я зрю отца.
Мой страшен грех, но он конечен,—
А ты, мой бог, ты силен, вечен;
Твоим щедротам нет конца.

1794—1795(?)

ОДА ШЕСТАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 93-го

Бог, отмщений господь.

Снесись на вихрях, мщений царь!
Воссядь на громах — тучах черных,
Судить строптивых и упорных;
Ступи на выи непокорных
И в гордых молнией ударь.

Доколь вздымать им грудь надменну
И подпирать пороков трон,
Правдивых гнать из света вон?
Доколь твой презирать закон
И осквернять собой вселенну?

Куда ни обращусь, внемля,
Везде их меч, везде угрозы.
Там на невинности железы,
Там льются сирых кровь и слезы;
Злодейством их грузна земля.

Так, проливая крови реки,
Заграбя мир себе в удел,
Твердят они на грудах тел:
Господь не видит наших дел
И не познает их вовеки.

Безумец! где твой ум и слух?
Стряхни невежество глубоко;

Скажи, хоть раз взнесясь высоко:
Ужели слеп создавший око
И сотворивший ухо — глух?

Скажи, оставя мудрость лживу,
Без света ли — творец светил?
Бессилен ли — создатель сил?
Безумен ли — кто ум в нас влил?
И мертв ли — давший душу живу?

Блажен, о боже, в ком твой свет:
Он соблюдется цел тобою,
Тогда как, окруженный мглою,
В изрытый ров своей рукою
Злодей со скрежетом падет.

Кто? Кто с мечом? Со мною рядом
Кто мне поборник на убийц?
Кто на гонителей вдовиц?
Никто — всех взоры пали ниц,
И всех сердца страх облил хладом.

Никто — но бог, сам бог со мной;
Сам бог приемлет грозны стрелы,
Вселенной двигнет он пределы,
Разрушит замыслы их смелы
И с тверди их сопхнет земной.

1794—1795(?)

ОДА СЕДЬМАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 51-го

Что хвалишися во злобе, сильне?

Чем хвалишься во злобе, сильный,
Что мочен наносить ты вред?
Глагол твой, лестию обильный,—
Как ядом растворенный мед;
Язык твой — бритва изощренна;
В груди кипит всех злоб геенна.

Ты лживость паче правды любишь
И злобу — паче доброты;
Скорбя — щадишь, ликуя — губишь;
Блаженством ближних мучим ты;
И правды обличенья смелы
Тебе суть громоносны стрелы.

Но се господь судом, как громом,
Твое величие сотрет;
С твоим тебя расторгнет домом,
От сердца кровных оторвет;
Твоих богатств иссушит реки
И род погасит твой навеки.

В посмешище ты будешь правым;
Рекут, твою погибель зря:
Се муж, что сердцем столь лукавым
Мнил превозмочь судеб царя;
Богатством лишь своим гордился
И только зло сплетать стремился.

А я, как маслина богата,
Средь дому божия цвету;
И блеск честей и горы злата
Считая за одну мечту,
Лишь в боге все блаженство ставлю,
И славен тем, что бога славлю.

1794—1795(?)

ОДА ВОСЬМАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 87-го

Господи боже спасения моего.

О боже! царь щедрот, спасений,
Внемли! — К тебе моих молений
Свидетель — нощи все и дни.
Я в нощь свой одр мочу слезами,
И в день иссякшими глазами
Встречаю мраки лишь одни.
Да пройдет вопль мой пред тобою
Шумящей, пламенной рекою:
Воззри — и слух ко мне склони.

В груди моей все скорби люты;
Нет дня отрадна; нет минуты;
Теснится в сердце мук собор.
Уже, к веселью неспособен,
Я бледен, мертвецам подобен;
Уже ко гробу шаг мой скор;
Уже в моих я равен силах
С забвенными давно в могилах,
От коих отвратил ты взор.

Все гнева твоего удары,
Как моря гневна волны яры,
Навел ты на мою главу.
Тесним от ближних, обесславлен,
Друзьями презрен и оставлен,
Средь кровных чуждым я живу.

В одре, как в гробе, истлеваю;
Но руки к небу воздеваю:
К тебе и день и ночь зову.

Увы! иль стон живых беспрочен?
Или для мертвых столь ты мочен?
Они ль певцы твоих чудес?
Но кто воспел тебя во гробе?
Кто возгласил в земной утробе
Твой суд иль блеск твоих небес?
Кто имя божье славословил?
И кто в стране забвенья пролил
Хоть каплю благодарных слез?

А я, едва заря настанет,
Едва светило дня проглянет,
Огнем живым к тебе дышу —
И вместе с хором оперенным
Под сводом неба озаренным
Твое величие глашу.
Куда ни двигнуся ногою,
Как сердце я свое, с собою
Хвалу чудес твоих ношу.

Почто же, бог мой, презираешь,
Не внемлешь ты и отреваешь
Вопль страждущей души моей?
Средь нужды, нищеты и горя,
Как средь бунтующего моря,
Я взрос от самых юных дней —
И днесь от бедства не избавлен,
Как лист иссохший, я оставлен
Среди ярящихся огней.

1794—1795

ИЗБРАНИЕ ИЗ «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ» СОЛОМОНА

Подруги милые! нарвите
Душистых, мягких трав скорей —
И мне из роз и из лилей
Постель вы свежу настелите.
Подруги милы, я томлюся,
В любви я таю, как в огне,
Скорей цветов насыпьте мне:
На них стрелой я протянуся.

Скажите мне, любезные пастушки:
Гуляючи по рощам, по лугам,
Любезный мой не встретился ли вам?
Где он? не скройте от подружки.

Хор пастушек

Скажи, прелестная девица, нам:
Кто сердцу твоему так драгоценен?
Как нам узнать, кто милый твой?
Скажи ты нам, каков собой
И чем он от других отменен?

Мой милый здесь меж пастухов
Блестит, как между васильков
Блистает лилия душиста,
Или как между репейков
Цветов царица — роза мшиста.
Кудрями волосы его
Волнуются вкруг шеи белой;

Румянец как багрец его;
Стан стройный, вид приятный, смелый;
Огонь любви в его глазах;
Улыбка нежна на устах.
Он в поступи царю подобен,
Но кроток, нежен и незлобен,
Величествен, когда идет;
Но речь его сладка, как мед;
Его роскошное ласканье
Волнует, воспаляя кровь;
Дух отнимает целованье;
В его объятиях — любовь.

Весь день его искала я везде,
Его, кем дух, кем мысль и сердце страстно,
И целый день искала я напрасно —
Любезного не встретила нигде.
Отдайте мне его, леса густые,
Поля, луга и берега крутые!
Металась я по рощам, по лугам,
Взбегала я на превысоки горы —
Лишь странников мои встречали взоры;
Тоске моей они смеялись там
И томное мне сердце разрывали.
Напрасно ты в исканьи тратишь дни,
Неверен он,— вещали мне они.—
Любезный твой твой жар пренебрегает;
За кем бежишь, тебя тот убегает;
Напрасно здесь его твой ищет взор:
Любезный твой, как лань младая, скор —
Уже деля́т вас пропасти глубоки,
Поля, леса и горы превысоки.

Но кто с высоких сходит гор?
Как солнце, вид его прекрасен;
Как майский день, и тих и ясен:
Таков его прелестен взор.

Из глаз его катятся слезы;
Так утром, чистою росой
Унизанные, свежи розы
Блестят небесною красой.

Амуры милые, летите
Навстречу вы к нему скорей,—
Вы холодок от речки сей
К нему, зефиры, понесите,
И с луга чистого сего,
Гоняя репейки косматы,
Душисты легки ароматы
Повейте кротко на него.

Приди, утешь меня в моей тоске ты слезной;
Приди, хоть час со мной побудь
И припади на белу грудь,
На пламенную грудь твоей любезной!
Я, нежною своей рукой
До розовых ланит твоих касаясь,
Твоим дыханьем упиваясь,
Свой пламень разделю с тобой;
Печаль твою рассею,
Своими вздохами твою тоску развею;
Смущенье утишу
Я ими,
И поцелуями своими
Твои я слезы осушу.
Жестокий! ты меня пренебрегаешь!
Или за смуглость толь меня ты презираешь?
Ах, если я смугла лицом,
Лучи виновны солнца в том;
А грудь моя, тобою страстна,
Нежна, полна, прекрасна
И высока,
Бела, как тонкие в день ясный облака;
Она на холмы тех высоких гор походит,
С которых вечно снег не сходит.
Что с круглостью равно моих ланит?
И что пылчей любви огня,
Который в сердце у меня
И во глазах моих горит?
Как стройны пальмы юны,
Как прямы в арфе струны,—
Таков природой дан
Мне тонок, прям и строен стан.

Я в легкости зефирам равномерна.
Лишь чуть коли
Ты мне покажешься вдали,
Тогда я по лугам, как молодая серна,
Резвлюся, прыгаю, скачу —
И сердцем, как стрела, к тебе лечу.
Но что зефир так тихо веет
Между ракитовых кустов?
Кого он здесь будить не смеет?
Какое легкое цветов
Я чувствую благоуханье?
Ах! не любезного ль дыханье
Зефир в места сии несет?
Ах, не оно ль, как сладкий мед,
В мою грудь страстну, томну льется?
Не тщетно крепко сердце бьется —
Что вижу? — Так; — я зрю его!
О радость! я нашла того,
Кем столько дни мои мне милы!
Завистников я вижу лесть.
О небо! дай мне столько силы,
Чтоб эту радость перенесть!
Там спит он под кустами в поле;
Как ночь, печаль моя прошла.
Так! я любезного нашла
И с ним не разлучусь уж боле.

Подружки, не шумите!
Подружки, не смутите
Его вы сладкий сон!
Там, скрывшися от зною
Под тенью древ густою,
Спит крепко, сладко он.
Подружки, не шумите!
Подружки, не смутите
Его вы сладкий сон!

О милое для сердца восхищенье!
Любезный мой
Со мной.
Но что за сладкое я слышу пенье?

Ах, это пеночка поет свою любовь —
В движенье томное она приводит кровь.
О пеночка, мой друг, как ты, я так же вяну;
Как ты, я так же и люблю,—
Пой, милый друг, тебе я пособлю
И милого будить тихонько стану.

Пробудись, мой друг любезный,
И в объятиях моих
Ты почувствуй жар небесный,
Упоен любовью в них.
Встань; пойдем в густые рощи:
Мил там свет, приятна тень.
Кажется, стоит там день
Рядом возле тихой нощи.
Встань; пойдем с тобой в сады,
Где в кустах цветы пестреют
И зефиры тихо веют,
Где румянит зной плоды.
Там, мой друг, в тени глубокой
Сядем мы под дуб высокой
На ковры шелковых трав;
Там, на грудь ко мне припав,
Разделишь ты пламень с нею;
Там, мой друг, с душой твоею
Душу страстную свою
В поцелуях я солью.

1794—1795(?)

НА НОВЫЙ ГОД

К НАДЕЖДЕ

Подруга нежная зефиру
В восточных небесах видна;
Уж по небесному сапфиру
Румянит солнцу путь она;
Коням его ковры сплетает
Из розовых своих лучей —
И звезды, красоту ночей,
В румяны ризы увивает.
Уже из недр восточных вод
Выводит солнце новый год.
Он жребий смертных неизвестный
В покрытой урне к ним несет;
Полна приветливости лестной,
Надежда перед ним летит;
Суля улыбкой утешенье,
Вливая взором услажденье,
Поверхность урны золотит.

Польсти и мне, надежда мила;
Крушиться сердцу не вели;
Польсти и счастье посули.
Ты мне напрасно много льстила;
Но я не помню долго зла.
Как прежде я тобой прельщался,
Твоей улыбкой восхищался —
Ты так же мне теперь мила.

Хоть сердце верить уж устало
Усмешке ласковой твоей,
Но без тебя еще грустней,
Еще ему тошнее стало.
Польсти ты сердцу моему;
Скажи, мой друг, скажи ему,
Что с новым годом счастье ново
В мои объятия идет
И что несчастие сурово
С протекшим годом пропадет.
Своею мантией зеленой
Закрой печалей бледных вид,
Которые в груди стесненной
Мне сердце томное сулит.
На что предвидеть так их рано?
Ах, если б, утро зря румяно,
В полях предчувствовал цветок,
Что тонкий, легкий ветерок
Не день ему сулит прекрасный,
Но перед бурею ужасной
Проститься с розами спешит;
Что ветры вслед текут упорны
И что, завившись в тучи черны,
Паляща молния бежит
Потрясть природы основанье;
Когда б всё зрел издалека —
Не оживляло бы цветка
Авроры тихое сиянье;
Когда б он это предузнал,
Не чувствуя отрад ни малых,
Не распускал бы кудрей алых,
С тоски б заранее увял;
Но он спокойно расцветает.
Почто в нас сердце не цветок?
Почто, послыша лютый рок,
Оно заране обмирает?
Польсти, мой друг, польсти ему;
Скажи ты сердцу моему,
Что не совсем оно напрасно
По Аннушке так бьется страстно.
Скажи, что некогда вздох мой
Горящей пламенной стрелой

До груди белой донесется
И что слеза с моих очей,
Как искра тонкая, взовьется
И упадет на сердце к ней.

Сули другим богатства реки;
Сули им славы громкой веки;
Сули им знатность и чины.
В ком чувства спят, пусть утешают
Того блистательные сны.
Они лишь чувства заглушают
И для меня не созданы.
Сули, коль хочешь, им короны;
Не светом всем повелевать,
Хотел бы сам я принимать
От милой Аннушки законы;
Или б в глазах ее прекрасных,
Во вздохах нежных, томных, страстных
Хотел бы их я узнавать.

Польсти же мне, надежда мила,—
И если наступивший год
С собою смерть мою несет,
Мой дух о том не воздохнет:
Хочу, чтоб только наперед
Ты косу смерти позлатила
И мне ее бы посулила
У сердца Аннушки моей.
Сули мне тысячу смертей:
Судьбы приму я повеленье —
Лишь только б, сердцу в утешенье,
Вкусить их на устах у ней.

Не укорять я небо стану,
Но свой прославлю лестный рок,
Когда, подобно как цветок,
Я на груди ее завяну.

1793—1795(?)

НОЧЬ

Уже на западе остылом
Зари румяный след угас,
И звоном колокол унылым
Давно пробил полночный час.
Природу сладкий сон объемлет;
Зефир на свежих розах дремлет —
Не вьет он кудрей ручейка;
Вода, как зеркало, гладка;
Листок от ветра не трясется,
И Филомела не поет;
Нигде, ни в чем движенья нет,—
Мое лишь сердце крепко бьется
И мне покою не дает,
От глаз моих сон сладкий гонит;
Уснули страсти у людей —
А тот, кто убегал страстей,
Из глаз слезу горячу ронит,
Их чувствуя в груди своей.
Мои лишь вздохи нарушают
Угрюмой ночи тишину
И другу злополучных — сну
Закрыть глаза мои мешают.
Дыханьем хладным грудь тесня,
Последние отъемля силы,
Иссохши, бледны и унылы
Стоят печали вкруг меня.

Приди, приди, о сон любезный,
И легкою твоей рукой
Их вид страдающий и слезный
Хотя на час от глаз закрой.
Но ты словам моим не внемлешь:
Иль от несчастных ты бежишь,
Счастливцев маками даришь
И с ними на диванах дремлешь?

Мой друг! для них ли создан ты!
Кто здесь блаженством обладает,
Чье сердце горестей не знает,
На что тому твои мечты?
Они его не утешают,—
Но, только память в нем затмив,
Ему лишь чувствовать мешают,
Сколь много в свете он счастлив.
Когда тебе он подать платит,
Тогда он час веселья тратит.
Ах, если б, Аннушку любя,
Я награжден был равной страстью,
Ненужен бы ты был мне к счастью,
Не призывал бы я тебя;
Не сном хотел бы подкрепляться,
Но чувством лестным наслаждаться,
Что милой Аннушкой любим;
Хотел бы чувством нежным сим
И умирать и возрождаться;
Хотел бы силы им терять
И в новых силах обновляться.

Но если сердце мне дано
Вкушать одно лишь огорченье,
Когда мне всякий миг мученье,
В который чувствует оно,—
К чему тогда мне служит время?
К чему тогда им дорожить?
Чтоб умножать печали бремя,
Чтоб долее в мученьи жить?
Тогда часы лишь те мне святы,
Которые у жизни взяты
И сну безмолвному даны.

Я в них лишь только не страдаю
И слез не чувствую своих;
Я в них на время умираю.

Приди ж, природы обновленье,
Приди, приятный, крепкий сон.
Прерви на время мой ты стон
И сладкое пролей забвенье
На чувства пылкие мои;
Рассыпь вокруг цветы свои;
Приди — и лестными мечтами
Мое ты сердце обнови;
Приди — Анюты красотами
Мою грудь томну оживи,
Мне в лестных видах представляйся:
Представь мне, что она моя,
Что с ней в восторгах таю я,
Представь — и ввек не прерывайся.

1793—1795(?)

НА СЛУЧАЙ ГРОЗЫ В ДЕРЕВНЕ

Начто над рощей сей тенистой
Ты завываешь, бурный ветр,
И над зелеными лугами
Теснитесь, грозны тучи, вы?
Кого во мраках, вихри люты,
Вы устрашить хотите здесь?
Чью грудь, громовые удары,
Стремитесь здесь вы разразить?
Ах, на кого ты вооружаешь
Природу, гневно божество?
Не соловей ли кроткий, нежный
Причина гнева твоего?
Не пеночка ль невинной песнью
Тебя умела раздражить?
Или невинная овечка
Могла нарушить твой закон
И вооружить тебя перуном
На сердце робкое свое,
На грудь, покрытую волною,
Подобну снегу белизной,
А мягкостью подобну пуху?
Или смиренный селянин,
В избыток чуждый работая
И оживляя грудь свою
Нехитростною сельской песнью,
Мог возбудить твой страшный гнев?
Открой мне, царь миров несчетных:
Ужли для них навел ты тьму

И повелел ударить громам,
И воздух раздирать перунам,
И вихрям дубы вырывать?
Для них ли здесь природа стонет?
А там, за полем вдалеке,
А там, за белыми стенами,
Изнеженная роскошь дремлет:
Не громы слух ее мятут,
Пред нею мусикийски хоры,
Согласьем сердце щекотя,
Поют порокам песни хвальны
И сладострастье в душу льют.
А там гордец, надувшись грудью,
Тебе мечтает равен быть
И по земле едва ступает,
Чтя недостойным ног своих
Ходить по той, кем он питаем
И от кого исшел на свет.
А тамо, львиными когтями
Корыстолюбье воружась,
Рыкая пламенем геенским,
Кричит: все собственность моя!
Моя земля, мои все воды,
Огонь и самый воздух мой!
Кричит! — и с алчностью объемлет
Дальнейшие края земли.
Здесь гром — а там спокойно люди
Порокам воздвигают трон;
Здесь гром — а там они спокойно
Курят пред ними фимиам,—
И солнце ясно светит там,
И не смущается природа,
Нарушен видя свой закон!
На них, на них, о боже вечный,
Горами тучи ты надвинь,
Рассыпь на них свои перуны
И под ногами дерзких сих
Разверзи пропасти земные
И дно им ада покажи,—
Чтоб там они узрели муки,
По смерти ждущие проклятых,
Чтобы оттоль сразились стоном

Предместников своих во зле,
И чтобы, кровью заливаясь,
Им сердце в трепете рекло,
Что жив злодейства страшный мститель.

1793—1795(?)

ОТЪЕЗД ИЗ ДЕРЕВНИ

Прости, любезное село,
Столица мира дорогого;
Прости, ключ чистый, как стекло,
И ты, тенистая дуброва,
В которой часто день бывал
Мне так короток, как минута,
Где часто соловей певал
Так чисто, нежно, как Анюта.
Простите вы, мои друзья,—
Из недр спокойства и свободы
Я еду в мрачный гроб природы —
Простите, в город еду я.

Не воздух легкий, ароматный
Мне будет грудь там оживлять:
Я еду в мир пустой, развратный
Седую, знойну пыль глотать.

Когда зарей здесь развернутся
Цветы на бархатных лугах
И хоры птичек раздадутся
В тенистых и густых лесах;
Как соловьи начнут согласно
Будить и кликать солнце красно,—
Тогда меня разбудит стук
Карет, по мостовой гремящих,
Иль с грузами телег скрыпящих,
Иль колокольный скучный звук.

Как солнце здесь взойдет высоко
И разгорится ясный день,
Вы, птички, скроетесь далеко
Густых дерев в прохладну тень,
Где жар и ветр вас не гоняют,
Где вам утехи сохраняют
Любови нежной алтари
И где листочка два иль три
Чертоги царски заменяют.
А я, когда наступит день,
Как мне ни больно и ни лень
И как ни бесполезно свету,
Тащусь на завтрак иль обед,
Играть в бостон или в пикет;
Иль, если карт, к несчастью, нет,
Тащусь зевать по этикету
И ползать в суетах мирских
Промежду глупостей людских,
Где языки одни речисты,
Где все добро на языке,
Где дружба — почерк на песке,
Где клятва — сокол в высоке,
Где нрав и сердце так же чисты
(Не в гнев то буди городских),
Как чист и легок воздух их.
Когда у вас на небосклоне
Потухнет алая заря
И, сон приятный вам даря,
Ночь сядет на сапфирном троне;
Уныло зашумят леса
И в хороводах звезд прекрасных,
В одеждах бледножелтых, ясных,
Взойдет луна на небеса;
Проступит бледность на вершинах
И, серебром светясь, туман
Расстелется у вас в долинах,
Как утром тихий океан,—
Тогда, не зная, что́ заботы,
Не возмущенные тоской,
В роскошных пеленах дремоты
Вы сладкий вкусите покой.

А я, когда за нашим градом,
Застыв, потускнет небосклон
И с темной ночью придут рядом
Печальна мысль, мятежный сон,
Свет закатится с ясным Фебом,
Но не замолкнет стон людской,
И под угасшим черным небом
Раздастся глухо шум градской,
А я — там, где все так нестройно
В цепях шумливой суеты,
Средь роскоши и нищеты,
А я — засну ли там спокойно?
Ах, нет! не сон, друзья, не сон —
Тогда мои мне милы слезы,
И мысль одна приятна мне,
Чтоб вас увидеть, хоть во сне,
Мои любезны дики розы,
И чтоб у вас в густой тени,
Кудрявы, юные березы,
Воспеть златые сельски дни.

1793—1795(?)

ОДА
БЛАЖЕНСТВО

Зефир с ракитников пушистых
Аврорин бисер осыпал;
На озере в зыбях струистых
Всходящий солнца луч играл.
То с резвой ветерков станицей
Он по водам мелькал зарницей;
То молнией вился в травах;
То на пестреющих цветах
Он в ярких искрах рассыпался —
И луг, казалось, загорался.

Проснувшись, ручеек играет
В янтарных гладких берегах:
То пену в жемчуг рассыпает
На золотых своих кудрях
И гордо по кремешкам льется,
Иль между роз украдкой вьется,
Им на ушко любовь журчит;
То, закатясь в лесок, молчит
И под столетним дубом дремлет,
Иль соловьиным песням внемлет.

За перлов облак закатился,
Взвиваясь, жавронок стрелой —
И громкий, звонкий свист разлился
Под твердью светлоголубой.
Граждане чистых вод безмолвны,
Играя, рассекают волны,

В веселье встретя новый день;
Приятный свет, густая тень,
Давая вольный путь отраде,
Манят иль к пользе, иль к прохладе.

Везде природы совершенство
Луч осветил всходяща дня;
Все чувствует свое блаженство,
Все веселится вкруг меня,
Все видит счастье под ногами,
Не гонится за ним морями:
Никто от счастья не далек.
Один лишь только человек,
Гордясь свободой без свободы,
Блаженства ищет вне природы.

Ему лишь свод небесный низок,
Тесна обширность дальних стран;
Ему от юга север близок
И мелок грозный океан.
Среди богатства — нищ и беден,
Средь пользы — ядовит и вреден.
Он тем не сыт в алчбе своей,
Чего довольно твари всей.
Природа рай ему готовит —
Он в нем ужасный ад становит.

Ему весна целебны травы
Со ароматом в дань несет
И гряды с овощем кудрявы
Горяще лето в дар дает.
Там осень нивы позлащает
И в дар ему их посвящает;
Сбирая виноград в полях,
Шампанско пенит в хрусталях;
Очистя воздух, смешан с ядом,
Зима ему полезна хладом.

Но он дары их презирает
И мочною своей рукой
Земли утробу раздирает,
Во ад спускается живой,

Геенну дерзостью смущает
И нагло тамо похищает
У фурий корень страшных бед —
Пороки в золоте несет,
В селитре лютые пожары,
В меди громовые удары.

И се он в громах гибель мещет,
Куда его достигнет взор;
Природа там его трепещет,
Сердца трясутся крепких гор.
Напрасно лев в леса дремучи,
Напрасно ястреб в темны тучи
Скрывают в робости свой след;
Для сил его пределов нет.
Он в небесах орлу опасен,
Он киту в безднах вод ужасен.

Ужасен — и в развратной воле,
Себе чтя тесным царством свет,
Чтоб расширить свою власть боле,
Полки бессмертных создает,
Превыше звезд их ставит троны —
И пишет им свои законы;
Хвалясь, что сонм его богов,
Держа в руках судьбу миров,
Ему в угодность светом блещет,
Низводит дождь и громы мещет.

Но в мыслях гордых возносяся,
Среди богов свой ставя трон
И с ними молнией деляся,
Ужели стал счастливей он?
Ужель их рай, мечтой рожденный,
Блаженством, счастьем насажденный,
Приближить к сердцу он возмог?
Или его всемощный бог,
Который мир из благ составил,
В его лишь сердце зло оставил?

Так, он один страдать назначен
Из чувствующих тварей всех;

В лучах блестящей славы мрачен,
Уныл в объятиях утех,
Среди забав тосклив и скучен,
На троне с рабством неразлучен.
На что ни кинет мрачный взгляд,
Изо всего сосет лишь яд;
Одних мечтаний ложных жаждет —
И между благ в несчастье страждет.

Ему покой и радость чужды:
Рожден желаньями кипеть.
Его отрада — множить нужды,
Его мученье — их терпеть.
Средь брани ищет он покою;
Среди покоя — алчет бою;
В неволе —враг земных богов;
На воле — ищет злых оков;
Он в будущем лишь счастье видит
И в настоящем ненавидит.

Так странник, ночью, в час погоды,
Когда вихрь корни рвет древес,
И в бездны с гор бьют шумны воды,
Под черной тучей воет лес,
Почтя селенья близка знаком
Огонь, рожден истлевшим злаком,
К нему стремится, все презрев —
И колкий терн и тигров рев;
А свет, сей свет ему любезный,
Манит на край бездонной бездны.

Но где ж блаженство обитает,
Когда его в природе нет?
Где царство, кое он мечтает?
Где сей манящий чувства свет? —
Вещают нам — вне протяженья,
Где чувство есть, а нет движенья.
Очисти смертный разум твой,
Взгляни — твой рай перед тобой,
Тебя одна лишь гордость мучит;
Природа быть счастливым учит.

Имея разум ослепленный
И цену слаб вещей познать,
Напрасно хочешь вне вселенной
Свое ты счастье основать.
Вотще свой рай ты удаляешь
И новы благи вымышляешь.
Умей ценить природы дар
И, не взлетая, как Икар,
Познай вещей ты совершенство —
И ты в себе найдешь блаженство.

1793—1795(?)

ОДА
УЕДИНЕНИЕ

Среди лесов, стремнин и гор,
Где зверь один пустынный бродит,
Где гордость нищих не находит
И роскоши неведом взор,
Ужели я вдали от мира?
Иль скрежет злобы, бедных стон
И здесь прервут мой сладкий сон?
Вещай, моя любезна лира!

Вдали — и шумный мир исчез,
Исчезло с миром преступленье;
Вдали — и здесь, в уединенье,
Не вижу я кровавых слез.
На трупах бледных вознесенна
Здесь слава мира не сидит,
Вражда геенны не родит,
Земля в крови не обагренна.

Там храмы как в огне горят,
Сребром и златом отягченны;
Верхи их, к облакам взнесенны,
Венчанны молнией, блестят;
У их подножья бедность стонет,
Едва на камнях смея сесть;
У хладных ног их кротость, честь
В своих слезах горючих тонет.

Там роскошь, золотом блестя,
Зовет гостей в свои палаты
И ставит им столы богаты,
Изнеженным их вкусам льстя;
Но в хрусталях своих бесценных
Она не вина раздает:
В них пенится кровавый пот
Народов, ею разоренных.

Там, вид приманчивых забав
Приемля, мрачные пороки
Влекут во пропасти глубоки,
Сердца и души обуяв;
Природа дремлет там без действа,
Злосчастие рождает смех;
Болезни там — плоды утех;
Величие — плоды злодейства.

Оставим людям их разврат;
Пускай фортуну в храмах просят
И пусть гордятся тем, что носят
В очах блаженство, в сердце — ад.
Где, где их счастья совершенство?
За пышной их утехой вслед,
Как гарпия, тоска ползет,—
Завидно ль сердцу их блаженство?

Гордясь златою чешуей,
Когда змея при солнце вьется,
От ней как луч приятный льется
И разных тысяча огней:
Там синева блестит небесна,
Багряность там зари видна,—
И, кажется, горит она,
Как в тучах радуга прелестна;

Горит; но сей огонь — призра́к!
Пылающа единым взглядом,
Она обвита вечным хладом,
В ней яд, ее одежда — мрак.
Подобно и величье мира
Единой внешностью манит:

В нем угрызений желчь кипит,
На нем блестит одна порфира.

Но здесь на лоне тишины,
Где все течет в природе стройно,
Где сердце кротко и спокойно
И со страстями нет войны;
Здесь мягкий луг и чисты воды
Замена злату и сребру;
Здесь сам веселья я беру
Из рук роскошныя природы.

Быв близки к сердцу моему,
Они мое блаженство множат;
Ни в ком спокойства не тревожат
И слез не стоят никому.
Здесь по следам, едва приметным,
Природы чин я познаю,
Иль бога моего пою
Под дубом, миру равнолетным.

Пою — и с именем творца
Я зрю восторг в растенье диком;
При имени его великом
Я в хладных камнях зрю сердца;
По всей природе льется радость:
Ключ резвится, играет лес,
Верхи возносят до небес
Одеты сосны в вечну младость.

Недвижны ветры здесь стоят
И ждут пронесть в концы вселенной,
Что дух поет мой восхищенный,
Велик мой бог, велик — он свят! —
На лире перст мой ударяет.
Он свят! — поют со мной леса,
Он свят! — вещают небеса,
Он свят! — гром в тучах повторяет.

Гордитесь, храмы, вышиной
И пышной роскошью, народы;

Я здесь в объятиях природы
Горжусь любезной тишиной,
Которую в развратном мире
Прочь гоните от сердца вы
И кою на брегах Невы
Наш Росский Пиндар пел на лире.

Вдали от ваших гордых стен,
Среди дубрав густых, тенистых,
Среди ключей кристальных, чистых,
В пустыне тихой я блажен.
Не суетами развлекаться
В беседах я шумливых тщусь,
Не ползать в низости учусь —
Учусь природе удивляться.

Здесь твердый и седой гранит,
Не чувствуя ни стуж, ни лета,
Являя страшну древность света,
Бесчисленность столетий спит.
Там ключ стремнины иссекает
Иль роет córованья гор
И, удивляя смертных взор,
Труд тысячи веков являет.

Там дуб, от листьев обнажен,
По камням корни простирает —
На холм облегшись, умирает,
Косою времени сражен.
Там горы в высотах эфира
Скрывают верх от глаз моих —
И, кажется, я вижу в них
Свидетелей рожденья мира.

Но что за громы вдалеке?
Не ад ли страшный там дымится?
Не пламя ль тартара крутится,
Подобно воющей реке?
Война! — война течет кровава! —
Закон лежит повержен, мертв,
Корысть алкает новых жертв,
И новой крови жаждет слава!

Сомкнитесь, горы, вкруг меня!
Сплетитеся, леса дремучи!
Завесой станьте, черны тучи,
Чтоб злости их не видел я.
Удары молнии опасны,
В дубравах страшен мрак нощной,
Ужасен зверя хищна вой —
Но люди боле мне ужасны.

1793—1795(?)

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ ЖЕЛАНИЙ

Наскуча век желаньями терзаться,
Препятством чтя их к благу моему,
Сжал сердце я и волю дал уму,
Чтобы от них навеки отвязаться.

Все суета — так пишет Соломон;
Хоть ныне мы ученей древних стали,
Но и они не все же вздор болтали,—
Так, думал я, едва не прав ли он.
Все суета, все вещи точно равны —
Желанье лишь им цену наддает,
Иль их в число дурных вещей кладет,
Хотя одни других не боле славны.
Чем худ кремень? чем дорог так алмаз?
Коль скажут мне, что он блестит для глаз,—
Блестит и лед не менее подчас.
Так скажут мне: поскольку вещи редки,
Постольку им и цены будут едки.
Опять не то — здесь римска грязь редка;
Она лишь к нам на их медалях входит;
Но ей никто торговли не заводит,
И римска грязь, как наша грязь, гадка.
Редка их грязь, но римские антики
Не по грязи ценою так велики;
Так, стало, есть оценщик тут другой;—
Желанье? Да, оно — никто иной,
И, верьте мне, оценщик предурной.
Ему-то мы привыкнув слепо верить,
Привыкли всё его аршином мерить;

Оно-то свет на свой рисует лад;
Оно-то есть томящий сердце яд.

На эту мысль попав, как на булавку,
Желаньям всем я тотчас дал отставку.
Казалося, во мне остыла кровь:
Прощай чины, и слава, и любовь.
Пленясь моих высоких дум покроем,
Все вещи я своим поставил строем
И мыслил так: все счастьи вдалеке
Пленяют нас; вблизи все скоро скучит;
Так все равно (не ясно ль это учит?),
Что быть в венце, что просто в колпаке;
Что быть творцом прекрасной Энеиды,
От нежных муз почтенье заслужить,
Князей, царей и царства пережить;
Что быть писцом прежалкой героиды,
Иль, сократя высоких дум расход,
Писать слегка про свой лишь обиход;
Что на полях трофеи славы ставить,
С Румянцевым, с Каменским там греметь,
Отнять язык у зависти уметь,
И ненависть хвалить себя заставить;
Что, обуздав военный, пылкий дух,
Щадя людей, бить, дома сидя, мух.

Пускай же свет вертится так, как хочет;
Пускай один из славы век хлопочет,
Другой, копя с червонцами мешки,
На ордены, на знать не пяля глаза,
Одним куском быть хочет сыт два раза
И прячет рай за крепкие замки:
Все это — вздор, мечтанье, пустяки!

Не лучше ли своих нам нужд не множить,
Спокойно жить и света не тревожить?
Чем мене нужд, тем мене зла придет;
Чем мене нужд, тем будет счастья боле;
А нужды все желанье нам дает:
Так, стало, зла умалить в нашей воле.
Так точно! ключ от раю я сыскал,
Сказал — и вдруг желать я перестал.

Противник чувств, лишь разуму послушен,
Ко всем вещам стал хладен, равнодушен;
Не стало нужд; утихли страсти вдруг;
Надежда, мой старинный, верный друг,
В груди моей себе не видя дела,
Другим сулить утехи полетела;
Обнявшись с ней, ушли улыбки вслед —
И кровь моя преобратилась в лед.
Все скучно мне и все постыло стало;
Ничто во мне желанья не рождало.
Без горести, без скуки я терял;
Без радости я вновь приобретал;
Равно встречал потери и успехи;
Оставили меня и грусть и смехи;
Из глаз вещей пропали дурноты,
Но с ними их пропали красоты —
И, тени снять желая прочь с картины,
Оставил я бездушный вид холстины.
Или, ясней,— принявши за закон,
Что́ в старину говаривал Зенон,
Не к счастию в палаты я ворвался,
Не рай вкусил, но заживо скончался —
И с трех зарей не чувствовать устал.
Нет, нет! — вскричат,— он точно рай сыскал,
И, что чудней, на небо не взлетая.
А я скажу, что это мысль пустая.
Коль это рай, так смело я стою,
Что мы в аду, а камни все в раю.

Нет, нет, не то нам надобно блаженство;
С желанием на свет мы рождены.
На что же ум и чувства нам даны?
Уметь желать — вот счастья совершенство!
К тому ль дан слух, чтобы глухими быть?
На то ль язык, чтоб вечно быть немыми?
На то ль глаза, чтобы не видеть ими?
На то ль сердца, чтоб ими не любить?

Умей желать и доставай прилежно:
С трудом всегда приятней приобресть;
Умей труды не даром ты понесть —
Дурачество желать лишь безнадежно.

Препятство злом напрасно мы зовем;
Цена вещей для нас лишь только в нем:
Препятством в нас желанье возрастает;
Препятством вещь сильней для нас блистает.
Нет счастья нам, коль нет к нему помех;
Не будет скук, не будет и утех.
Не тот счастлив, кто счастьем обладает:
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает.

Послушайте, я этот рай узнал;
Я камнем стал и три дни не желал;
Но целый век подобного покою
Я не сравню с минутою одною,
Когда мне, сквозь несчастья мрачных туч,
Блистал в глаза надежды лестной луч,
Когда, любя прекрасную Анюту,
Меж страхами и меж надежды жил.
Ах, если б льзя, я б веком заплатил
Надежды сей не год, не час — минуту!

Прочь, школами прославленный покой,
Природы враг и смерти брат родной!
Из сердца вон — и жди меня во гробе.

Проснитесь вновь, желанья, вы во мне!
Явись при них скорей, надежда мила!
Так — только в вас и важность вся и сила:
Блаженство дать вы можете одне.

Пусть мудрецы системы счастья пишут:
Все мысли их лишь гордостию дышут.
На что сердцам пустой давать закон,
Коль темен им и бесполезен он?
Системы их не выучишь в три века;
Они ведут к бесплодным лишь трудам.
А я, друзья, скажу короче вам:
Желать и ждать — вот счастье человека.

1794—1795(?)

К СПЯЩЕМУ ДИТЯТИ

Спи, любезное дитя,
В недрах мира и покою;
Спи, мой друг, поколь стрелою
Время быстрое, летя
В бездну вечности ужасной,
Не промчит зари твоей
Тихих и прекрасных дней;
Спи, доколе взор твой ясный
Не встречал тоски и бед
И доколь путей к веселью
Ты не ставишь трудной целью:
Сердце с жадностью не ждет
Славы, почестей, побед.
Спи, доколе весь твой свет
Ограничен колыбелью.

Спи, дитя,— твой сладкий сон
Вспоминает человека,
Как сыпал спокойно он
В недрах золотого века.
Как твои приятны дни!
Как завидны мне они!
Там мечи раздоров блещут,
Растравляя бунтов яд;
Там пожары, язвы, глад —
Смерть в поля и грады мещут;
А тебе, меж грозных туч,
Светит тихий солнца луч.

Все вокруг тебя спокойно,
Все приятно, тихо, стройно.
Ты откроешь кроткий взор —
И пробудятся утехи,
Игры, радости и смехи.
Ты заснул — и весь твой двор
Прикорнул вкруг колыбели:
У голов сны милы сели,
Задремал желаний рой,
Резвым утомясь порханьем,
Сам зефир заснул с тобой,
И едва своим дыханьем
Он колеблет полог твой.
Все с тобою утихает,
Все как будто в пеленах;
Лишь улыбка на устах
У тебя не засыпает
И вещает ясно мне,
Что ты счастлив и во сне.

Спи, дитя, друг милый мой!
Спи, доколь твой век так нежен;
Придет время, что сон твой
Так не будет безмятежен.
Золотой твой век пройдет:
Век тебя железный ждет;
Ждут тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждут развраты и пороки,
Чтоб тебе погибель сплесть.
Век наступит тот унылый;
Ты в пространный свет войдешь —
Тьмы в нем горестей найдешь;
И тогда уж, друг мой милый,
Так спокойно не заснешь.

1794—1795(?)

К СОЛОВЬЮ

Отчего сей свист унылый,
Житель рощей, друг полей?
Не из города ль, мой милый,
Прилетел ты, соловей?
Не из клетки ль на свободу
Выпорхнул в счастливый час
И, еще силка страшась,
Робко так поешь природу?
Ах! не бойся — и по воле
Веселись, скачи и пой;
Здесь не в городе мы — в поле;
За прекрасный голос свой
В клетке здесь не насидишься
И с подружкой дорогой
За него не разлучишься.
Позабудь людей, друг мой:
Все приманки их — отравы;
Все их умыслы — лукавы.
Здесь питье и корм простой,
Но вкуснее он на ветке,
При свободе чувств своих,
Нежель корм богатый их
В золотой и пышной клетке.

1794—1795(?)

СОНЕТ
К НИНЕ

Нет мира для меня, хотя и брани нет;
В надежде, в страхе я; в груди то хлад, то пламень;
То вьюсь я в небесах, то вниз лечу, как камень;
То в сердце пустота, то весь в нем замкнут свет.

Та, кем познал мой дух мучения суровы,
Ни быть рабом, ни быть свободным не велит;
Ни послабляет мне, ни тяготит оковы,
Ни смертью не грозит, ни жизни не сулит.

Гляжу не видя я — и молча призываю;
Ищу погибели — и помощи желаю;
Зову, гоню, кляну, объемлю тень драгой.

Сквозь слезы я смеюсь; в печалях трачу силы;
И жизнь и смерть равно душе моей постылы —
Вот, Нина, до чего я доведен тобой!

1794—1795(?)

ПОСЛАНИЕ О ПОЛЬЗЕ СТРАСТЕЙ

Почто, мой друг, кричишь ты так на страсти
И ставишь их виной всех наших зол?
Поверь, что нам не сделают напасти
Любовь, вино, гульба и вкусный стол.
Пусть мудрецы, нахмуря смуры брови,
Журят весь мир, кладут посты на всех,
Бранят вино, улыбку ставят в грех
И бунт хотят поднять против любови.
Они страстей не знают всей цены;
Они вещам дать силы не умеют;
Хотя твердят, что вещи все равны,
Но воду пьют, а пива пить не смеют.
По их словам, полезен ум один;
Против него все вещи в мире низки;
Он должен быть наш полный властелин,
Ему лишь в честь венцы и обелиски.
Он кажет нам премудрые пути:
Спать нажестке, не морщась пить из лужи,
Не преть в жары, не мерзнуть век от стужи,
И словом: быть бесплотным во плоти,
Чтоб, навсегда расставшись с заблужденьем,
Презря сей мир, питаться — рассужденьем.

Но что в уме на свете без страстей? —
Природа здесь для нас, ее гостей,
В садах своих стол пышный, вкусный ставит,
Для нас в земле сребро и злато плавит,
А мудрость нам, нахмуря бровь, поет,

Что здесь во всем для наших душ отрава,
Что наши все лишь в том здесь только права,
Чтоб нам на все смотреть разинув рот.
На что ж так мир богат и разновиден?
И для того ль везде природа льет
Обилие, чтоб только делать вред? —
Величеству ее сей суд обиден.
Поверь, мой друг, весь этот мудрый шум
Между людей с досады сделал ум.
И если б мы ему дались на волю,
Терпели бы с зверями равну долю;
Не смели бы возвесть на небо взор,
Питались бы кореньями сырыми,
Ходили бы нагими и босыми
И жили бы внутри глубоких нор.

Какие мы ни видим перемены
В художествах, в науках, в ремеслах,
Всему виной корысть, любовь иль страх,
А не запачканны, бесстрастны Диогены.

На что б вино и ткани дальних стран?
На что бы нам огромные палаты,
Коль были бы, мой друг, мы все Сократы?
На что бы плыть за грозный океан,
Торговлею соединять народы?
А если бы не плыть нам через воды,
С Уранией на что б знакомство нам?
К чему бы нам служили все науки?
Ужли на то, чтоб жить поджавши руки,
Как встарь живал наш праотец Адам?

Под деревом в шалашике убогом
С праматерью не пекся он о многом.
Виньол ему не строивал палат,
Он под ноги не стлал ковров персидских,
Ни жемчугов не нашивал бурмитских,
Не иссекал он яшму иль агат
На пышные кубки для вин превкусных;
Не знал он резьб, альфресков, позолот
И по стенам не выставлял работ
Рафаэлов и Рубенсов искусных.

Восточных он не нашивал парчей;
Когда к нему ночь темна приходила,
Свечами он не заменял светила,
Не превращал в дни ясные ночей.
Обедывал он просто, без приборов,
И не едал с фаянсов и фарфоров.
Когда из туч осенний дождь ливал,
Под кожами зуб об зуб он стучал
И, щуряся на пасмурность природы,
Пережидал конца дурной погоды
Иль в ближний лес за легким тростником
Ходил нагой и, верно, босиком;
Потом, расклав хворостнику беремя,
Он сиживал с женой у огонька
И проводил свое на свете время
В шалашике не лучше калмыка.
Все для него равно на свете было,
Ничто его на свете не манило;
Так что ж его на свете веселило?

А все-таки золотят этот век,
Когда труды природы даром брали,
Когда ее вещам цены не знали,
Когда, как скот, так пасся человек.
Поверь же мне, поверь, мой друг любезный,
Что наш златой, а тот был век железный,
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить.
Тогда пути небесны нам открылись,
Художества, науки водворились;
Тогда корысть пустилась за моря,
И в ней весь мир избрал себе царя.
Тщеславие родило Александров,
Гальенов — страх, насмешливость — Менандров;
Среди морей явились корабли;
Среди полей — богатыри-полканы;
Там башни вдруг, как будто великаны,
Встряхнулися и встали из земли,
Чтоб вдаль блистать верхами золотыми.
Расстались с зверями люди злыми,
И нужды, в них роями разродясь,
Со прихотьми умножили их связь;

Солдату стал во брани нужен Кесарь,
Больному — врач, скупому — добрый слесарь.
Страсть к роскоши связала крепче мир.
С востока к нам — шелк, яхонты, рубины,
С полудня шлют сыры, закуски, вины,
Сибирь дает меха, агат, порфир,
Китай — чаи, Левант нам кофе ставит;
Там сахару гора, чрез океан
В Европу мчась, валы седые давит.

Искусников со всех мы кличем стран.
Упомнишь ли их всех, моя ты Муза?
Хотим ли есть? — дай повара-француза,
Британца дай нам школить лошадей;
Женился ли, и бог дает детей —
Им в нянюшки мы ищем англичанку;
Для оперы поставь нам итальянку;
Джонсон — обуй, *Дюфо* — всчеши нам лоб;
Умрем, и тут — дай немца сделать гроб.

Различных стран изделия везутся,
Меняются, дарятся, продаются;
Край света плыть за ними нужды нет!
Я вкруг себя зрю вкратце целый свет.
Тут легка шаль персидска взор пленяет
И белу грудь от ветра охраняет;
Там англинской кареты щегольской
Чуть слышен стук, летя по мостовой.
Все движется и все живет меной,
В которой нам указчик первый — страсти.
Где ни взгляну, торговлю вижу я;
Дальнейшие знакомятся края;
Знакомщик их — причуды, роскошь, сласти.
Ты скажешь мне: — Но редкие умы? —
Постой! Возьмем людей великих мы;
Что было их душою? Алчность славы
И страсть, чтоб их делам весь ахал мир.
Там с музами божественный Омир,
Гораций там для шуток и забавы,
Там Апеллес вливает душу в холст,
Там Пракситель одушевляет камень,
Который был нескладен, груб и толст,

А он резцом зажег в нем жизни пламень.
Чтоб приобресть внимание людей,
На трех струнах поет богов Орфей,
А Диоген нагой садится в кадку.—
Не деньги им, так слава дорога,
Но попусту не делать ни шага́
Одну и ту ж имеют все повадку.

У мудрецов возьми лишь славу прочь,
Скажи, что их покроет вечна ночь,—
Умолкнут все Платоны, Аристоты,
И в школах вмиг затворятся вороты.
Но страсти им движение дают:
Держася их, в храм славы все идут,
Держася их, людей нередко мучат,
Держася их, добру их много учат.

Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях:
Они ведут науки — к совершенству,
Глупца — ко злу, философа — к блаженству.
Хорош сей мир, хорош: но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей.

1794—1795(?)

СТИХИ, НАЗНАЧЕННЫЕ ПОСЛАТЬ К ЕЛИЗАВЕТЕ ИВАНОВНЕ БЕНКЕНДОРФ ПРИ ПОРТРЕТЕ ЕКАТЕРИНЫ II, ПИСАННОМ ПЕРОМ НА ОБРАЗЕЦ ГРАВИРОВКИ

Махнув рукой, перекрестясь,
К тебе свой труд я посылаю,
И только лишь того желаю,
Чтоб это было в добрый час.
Не думай, чтоб мечтал я гордо,
Что с образцом мой схож портрет.
Я очень это знаю твердо,
Что мастера на свете нет,
Кто б мог представить на картине
Все то, чему дивится свет
В божественной Екатерине.
Поверит ли рассудок мой,
Чтоб был искусник где такой,
Кто б живо хитрою рукой
Представил солнце на холстине?

Не думай также, чтоб тебя
Я легким почитал судьею,
И, слабый вкус и глаз любя,
К тебе с работой шел моею.
Нет, нет, не столь я близорук!
Твои считая дарованья,
Браню себя я за желанье
Работу выпустить из рук.
Перед твоим умом и вкусом,
Скажи, кто может быть не трусом?

В тебе блестят дары ума,
Знакома с кистью ты сама;
Тобой, как утро солнцем красным,
Одушевлялось полотно,
И становилося оно
Природы зеркалом прекрасным;
Нередко, кажется, цветы
Брала из рук Ирисы ты:
Все это очень мне известно.
Но несмотря на все, что есть,
Тебе свой слабый труд поднесть
Приятно мыслям, сердцу лестно.
Прими его почтенья в знак
И, не ценя ни так, ни сяк,
Чего никак он не достоен,
Поставь смиренно в уголку,
И я счастливым нареку
Свой труд — и буду сам спокоен.
Пусть видят недостатки в нем;
Но, критику оставя строгу,
Пусть вспомнят то, что часто к богу
Мы с свечкой денежной идем.

1795

ЭПИГРАММА

на перевод поэмы «L'art poétique»

«Ты ль это, Буало?.. Какой смешной наряд!
Тебя узнать нельзя: совсем переменился!» —
«Молчи! Нарочно я Графовым нарядился;
Сбираюсь в маскерад».

1808(?)

Се Александр, краса царей,
Царь по рождению России, им блаженной,
По доблести ж своей
Достойный быть царем вселенной.

1814(?)

П. Н. ЛЬВОВОЙ

Счастливы басенки мои в руках твоих,
Люби и жалуй их,
И если иногда стихи мои негладки,
Читая их в кругу друзей под вечерок,
Улыбкою своей ты скрадь их недостатки;
И слабые стихи в устах красавиц сладки —
Так мил нам на груди у них простой цветок.

1817

Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ

За милую прелестну кружку,
Которой отвожу свою от жажды душку,
С которой только что не сплю
И так люблю,
Как маленький дитя игрушку.

1817

<ОТРЫВОК ИЗ «ОДИССЕИ»>

Мужа поведай мне, муза, мудрого странствия многи,
Им понесенны, когда был священный Пергам
испровергнут.
Много он видел градов и обычаев разных народов;
Много, носясь по морям, претерпел сокрушений
сердечных,
Пекшися всею душой о своем и друзей возвращенье.
Но не спас он друзей и сподвижников, сколько ни пекся.
Сами они от себя и своим безрассудством погибли
Буйные! — Тучных волов они высокого солнца
Пожрали — он навек обрек их не видеть отчизны.
Ты, богиня и Диева дщерь, нам все то поведай.
Все уж иные, кого не постигла горькая гибель,
В домы свои возвратились, войны избежавши и моря.
Он лишь один, по отчизне тоскуя и верной супруге,
Властью удержан был сильной божественной нимфы
Калипсы.
В утлых прохладных пещерах — она с ним уз брачных
желала.
Год же когда совершился и новое лето настало,
Боги тогда присудили в отчизну ему возвратиться,
В область Итаку — и тут не избегли трудов
и злосчастий
Он и дружина его; боги все к нему умилились.
Только Посейдон один гневен жестоко был к Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступил он на землю.
Но тогда был Посейдон далеко в стране эфиопов.
Два эфиопских народа земли на концах обитают.
Тамо, где солнце восходит, и там, где солнце нисходит.
Жертвами тучных волов и богатой стотельчною жертвой
Он от них услаждался,— боги же купно другие
Были тогда на Олимпе, в чертогах могущего Дия.

1818—1819(?)

⟨ЭПИГРАММА НА Д. И. ХВОСТОВА⟩

Полезен ли другим о басне сей урок —
Не знаю; а творцу-бедняжке он не впрок.

1819

ЭПИГРАММА РЕЦЕНЗЕНТУ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику читал «Руслана и Людмилы»:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка!

1820

В. П. УШАКОВОЙ

Варвара Павловна!
Обласканный не по заслугам,
И вам и вашим всем подругам
Крылов из кельи шлет поклон,
Где, мухою укушен, он
Сидит, раздут, как купидон —
Но не пафосский и не критский,
А иль татарский, иль калмыцкий.
Что ж делать?.. надобно терпеть!..
Но, чтоб у боли сбавить силы,
Нельзя ль меня вам пожалеть?..
Вы так добры, любезны, милы,—
Нельзя ль уговорить подруг,
Чтоб вспомнить бедного Крылова,
Когда дессерт пойдет вокруг?..
Поверьте, он из ваших рук
Лекарством будет для больного.

1823

ТРИ ПОЦЕЛУЯ

В осенний темный вечер,
Прижавшись на диване,
Сквозь легкий сон я слушал,
Как ветры бушевали;
Вот вдруг ко мне подкрались
Три девушки прекрасны:
Какую бы с ним шутку
Сыграть? — они шептали.
Прекрасную сыграем,—
Одна из них сказала,—
Но прежде мы посмотрим,
Довольно ль спит он крепко:
Пусть каждая тихонько
Сонливца поцелует,
И если не проснется,
Я знаю, что с ним делать.—
Тут каждая тихонько
Меня поцеловала
И что ж! — Какое чудо!
Куда осенний холод,
Куда и осень делась!
Мне точно показалось,
Что вновь весна настала,
И стал опять я молод!

4 октября 1824

Ест Федька с водкой редьку,
Ест водка с редькой Федьку.

16 августа 1825

Убогий этот дом Василий Климыч Злов
С большим раченьем
Своим построил иждивеньем.
И нищие в дому его же всё трудов.

1820-е гг.(?)

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ

при доставлении последнего издания басен

Прими, мой добрый Меценат,
Дар благодарности моей и уваженья.
Хоть в наш блестящий век, я слышал, говорят,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, может быть, иным я странен покажусь,
Но благодарным быть никак я не стыжусь
И в простоте сердечной
Готов всегда и всем сказать, что, на меня
Щедрот монарших луч склоня,
Ленивой музе и беспечной
Моей ты крылья подвязал.
И, может, без тебя б мой слабый дар завял
Безвестен, без плода, без цвета,
И я бы умер весь для света.
Но ныне, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной в том назову?
При мысли сей мое живее сердце бьется.
Прими ж мой скромный дар теперь
И верь,
Что благодарностью, не лестью он дается.

18 апреля 1826

ЭПИТАФИЯ

Как утром на цветах весенняя роса,
Едва она на сей земле блеснула,
С улыбкою на здешний мир взглянула
И вознеслась к себе на небеса.

<1828>

<ЭПИГРАММА НА Г. П. РЖЕВСКОГО>

Мой критик, ты чутьем прославиться хотел,
Но ты и тут впросак попался:
Ты говоришь, что мой герой <......>
Ан нет, брат, он <........>

1827—1828(?)

Вот вам стихи!
Не кушайте ухи,
А кушайте жаркое
Иль что-нибудь другое.
Затем покорный ваш слуга
И гнусь пред вами, как дуга.

1820—1830-е гг.(?)

<ТАЛИЯ>

Про девушку меня идет худая слава,
Что будто я весьма дурного нрава
И будто вся моя забава
Людей расценивать и насмех подымать.—
Коль правду говорить, молва такая права:
Люблю, где случай есть, пороки пощипать.
(Все лучше-таки их немножко унимать.)
Однакож здесь, я сколько ни глядела,
Придраться не к чему, а это жаль; без дела
Я, право, уж боюсь, чтоб я не потолстела.
Какое ж диво в том? —
Для добрых только ваш гостеприимен дом,
И вы одним своим небесным взором
Прочь гоните порок со всем его прибором.
Так! вижу только я здесь радость, игры, смех;
А это не порок, спросите хоть у всех.
К чему ж мне попусту на ссору накупаться
И злые выпускать стихи?
Нет, нет, пора уняться;
А то еще меня осудят женихи
И придет век мне в девушках остаться.
Брюзжала я — теперь хочу налюбоваться,
Что есть завидная семья,
Великая и славою и властью,
И в ней приют семейственному счастью.
Так, на нее любуясь, я
Живущим в хижине сказала б справедливо:
Живите как живут в семье прекрасной сей;
И даже в хижине своей
Вы рай увидите и будете счастливы.

1830

<М. Д. ДЕЛАРЮ>

Мой друг, когда бы был ты бог,
Ты б глупости такой сказать не мог.

1834

По части кравческой, о царь, мне речь позволь:
И то, чего тебе желаю,
И то, о чем я умоляю,
Не морщась выслушать изволь.
Желаю, наш отец, тебе я аппетита,
Чтоб на день раз хоть пять ты кушал бы досыта,
А там бы спал, да почивал,
Да снова кушать бы вставал,—
Вот жить здоровая манера!
С ней к году — за то я, кравчий твой, берусь —
Ты будешь уж не боб, а будешь царь-арбуз!
Отец наш! не бери ты с тех царей примера,
Которые нелакомо едят,
За подданных не спят
И только лишь того и смотрят и глядят,
Чтоб были все у них довольны и счастливы:
Но рассуди премудро сам,
Что́ за житье с такой заботой пополам;
И, бедным кравчим, нам
Какой тут ждать себе наживы?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нет, не того бы мне хотелось.
Я всякий день молюсь тепло,
Чтобы тебе, отец, пилось бы лишь да елось,
А дело бы на ум не шло.

1836

ЭПИГРАММА

Федул твердит, что Фока-плут
Его позорит и ругает;
Но я не вижу толку тут:
Кто уголь сажею марает?

1830-е гг.(?)

<ЭПИТАФИЯ Е. М. ОЛЕНИНОЙ>

Супруга нежная и друг своих детей,
Да успокоится она от жизни сей
В бессмертьи там, где нет ни слез,
ни воздыханья,
Оставя по себе тоску семье своей
И сладостные вспоминанья!

1838—1839

ПЬЕСЫ В СТИХАХ

ТРУМФ

СВЯТОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ
В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вакула, царь.

Подщипа, дочь его.

Слюняй, князь, жених Подщипы.

Трумф, немецкий государь, завоеватель Вакулова государства, влюбленный в Подщипу.

Чернавка, девка и любимица Подщипы.

Дурдуран, гофмаршал царя Вакулы.

Паж, его же.

Несколько вельмож.

Цыганка.

Действие в престольном граде царя Вакулы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Подщипа и Чернавка.

Чернавка

Престанете ль, княжна, крушиться столько вы
И молодость губить?

Подщипа

Увы! увы! увы!!!

Чернавка

Ах, сжальтесь над собой! и так уж вы как спичка,
И с горя в неглиже, одеты как чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни есть.
Склонитесь наконец, княжна, меня послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа

Чернавка милая! пититу нет совсем;
Ну что за прибыль есть, коль я без вкусу ем?
Сегодня поутру, и то совсем без смаку,
Насилу съесть могла с сигом я кулебяку.
Ах! в горести моей до пищи ль мне теперь!
Ломает грусть меня, как агнца лютый зверь.

Чернавка

Лишь меру надо знать. Увы! и я не спорю,
Что много есть для вас причин законных к горю

С тех пор, как Трумф-немчин, красой твоей пленясь,
Проклятых свах заслал и, за отказ взбесясь,
А более за то, что любишь ты Слюняя,
Вошел войною к нам, все грабя и пленяя;
Премудрый твой отец Вакула, светлый царь,
В сенате будучи, спускал тогда кубарь,
Когда о близкой толь беде ему сказали.
Все меры приняты: указом приказали,
Чтоб шить на армию фуфайки, сапоги
И чтоб пекли скорей к походу пироги.
По лавкам в тот же час за тактикой послали,
Намазали тупей, подкоски подвязали,
Из старых скатертей наделали знамен,
И целый был постав блинами завален.
Но ах! уж поздно все! Трумф под город пробрался,
Как вихрь, в полях взвился, и в город он ворвался.
Ах! сколько видела тогда я с нами бед!
У нас из-под носу сожрал он наш обед,
Повыбил окна все; из наших генералов
Наделал он себе конюших да капралов,
По бешеным домам министров рассадил,
Всем графам да князьям затылки подобрил,
И ах! — как не пришиб его святой Никола! —
Он бедного царя пинком спихнул с престола!
Что делать в крайности и гибели такой?
Вакула наконец спастись хотел тобой,
И немцу вдруг твою он руку предлагает.
Любовь и зверские сердца превозмогает!
Согласен Трумф за то корону возвратить,
И к свадьбе пиво он скорей велел варить.

Подщипа

А бедный князь Слюняй, с его жестокой страстью,
Колико поражен такою стал напастью!
Увы! из детских я к нему привыкла лет,
И с ним заветного у нас друг другу нет!
Как вспомнить я могу без слез его все ласки,
Щипки, пинки, рывки и самые потаски!
Делили все мы с ним забавы меж собой:
Катанья в масляну, качели о святой;
Друг без друга, увы! в горелки не играли
И вместе огурцы по огородам крали. . .

А ныне, ах! за весь его любовный жар
Готовится ему несносный столь удар!

Чернавка

Не спорю, что его опасно то здоровью:
Как резом в животе, он мучится любовью,
Но если спасть должна ты царство и отца,
Княжна! поступком сим ты всех пленишь сердца,
И скажут все, что ты героев всех не ниже!

Подщипа

Да, да, рассказывай: рубашка к телу ближе!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дурдуран с каплуном в руках.

Дурдуран
(кланяясь)

Княжна! родительский узнай к тебе приказ,
И будь готова ты венчаться через час.
Сейчас лишь каплуна я сам купил на рынке
И нанял на вечер гудок да две волынки.

Подщипа

Что слышу! .. Ой, умру! .. ой, тошно! .. ой, живот! ..
(Упадает в кресла.)

Чернавка

Страшусь! она себя с печали надорвет!

Дурдуран

Я знаю всей ее великой жертвы цену!
Понюхать бы дала царевне ты хоть хрену!

Чернавка

О, бедная княжна! злосчастная любовь!
Хотя б роже́чную скорей пустить ей кровь.

Дурдуран
(ощупывая княжну)

Смотри: копна-копной, не можно с места сдвинуть!
Не лучше ль на живот горшка ей два накинуть?

Подщипа

(несколько опамятовавшись)

Где я?.. Скажите мне: теперя ночь или день?

Чернавка

(щупая ее голову)

Царевна, что у вас?

Подщипа

Вапёры да мидрень.

Дурдуран

Скрепитесь, о княжна! и, давши Трумфу руку...

Подщипа

Нет, нет! не вытерплю такую злую муку!
Зарежусь, утоплюсь...

Чернавка

Опомнитесь, княжна!

(К Дурдурану)

Ну, если вподлинну утопится она?

Дурдуран

Царь все предвидел то и, страхом отчим движим,
Велел ей пузыри носить наместо фижем,
Чтоб, если кинется в реку, наверх ей всплыть;
А за столом велел лишь жеваным кормить,
Да чтоб, спустя чулки, ходила без подвязок...
Но пропадайте вы! Мне с вами не до сказок!
Мне ныне случай есть явить весь разум мой:
Кухарка, чай, давно в стряпушьей ждет за мной.
А чтоб гофмаршальский мой чин достойно справить,
На кухню каплуна я сам бегу доставить!

(Уходит.)

Подщипа

Не сон ли это все? — Не брежу ль я?..

Чернавка

Ах, нет!
Но укрепись, княжна! Се твой жених грядет!

Подщипа
(вставши)

О царский сан! ты мне противней горькой редьки!
Почто, увы! не дочь конюшего я Федьки!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Трумф.

Трумф

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой княшон!
Для плапалушна шас, кохта мой пудешь шон,
Мой ноши весь не спит и серса польна сшотся;
Прелесна тфой фикур на мой туша шифется.
Курит ли трупка мой — из трупка тфой пихтишь.
Или мой кафе пил — тфой в шашешка сидишь;
Фезте мой фидит тфой — на поля и на пушка,
И кочет auf ein Mal [1] уфидеть на патушка,
Карона, скиптра, трон и слафа растелить,
И фместе на слатей из пушешка палить.

Подщипа

Конечно, государь, мне много было б славы!
Но вспомни, что у нас совсем различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я их не терплю;
Противны сливки вам, а я их смерть люблю;
Привык ты на войне сносить и жар и холод,
И к пище всякой там тебя привадил голод;
А я лишь выборный люблю везде кусок:
Петушьи гребешки, у курочки пупок.
Ты всяку дрянь рад есть, находишь вкус в лягушках,
А я у матушки взросла лишь на ватрушках;
Ты храбр, но с нежностью и вкусом незнаком,
И за версту, о князь, воняешь табаком!
Помысли ж, каково мне быть твоей женою!
Подумай, государь, и сжалься надо мною.

Трумф

Фуй! што тут шалиться? нам путет шить утешна,
Кахта на цепки нас амур сафяшет фешна:

[1] сразу, вдруг *(нем.)*.

Из крушешка отна мы путем пифа пиль,
Из трупошка отна тапах с тапой куриль;
Не путет мала твой ни томик, ни палатка,
Ни платьиса пахат, ни санка, ни лошатка.
Фсе это путит дал! Не тушь, mein Herz [1], не тушь!
Шесна пароль тепе: мой путет топра муш.

Подщипа

Нет, нет, о государь! не льсти себя напрасно!
Боюсь, с тобою мне супружество ужасно!

Трумф

Паись, со мной? кафо? — На всех стреляй фелит!
Не пось! не там тепе, красафис мой, ф опит;
На карнафаль к тепе подсунься лишь тетинка,
Мой псарь тотшас тафай он фухтеля на спинка.
Мой стелай, штоп нихто на твой не смел клядить,
И в спальна сарска наш нихто не смей кадить:
Ни графа, ни министр, ни сама генерала,
Отна фельдфебель мой унд два иль три капрала.

Подщипа

Я музыку люблю.

Трумф

О, мусык слафна наш!
На кларинет тепе икрай я путит марш;
Тва тонка флейтошка, та тольста тва тимпана,
Симфонья на опет нам стелай с парапана!

Подщипа

До танцев страстна я.

Трумф

Мой путет бал тафал,
И станет пил тафо, кто не буль тансофал,
Мой люпит фесел шить: скакай, плясай, ресфиться,
И палькой на дворца сконяит феселиться,
Фикляра, фокуса тепе на кашта шас,
Каметья кукольна, фсё путет пиль у нас!

---

[1] мое сердце (*нем.*).

Подщипа

Я не люблю тебя, мне вид противен твой!

Трумф

Не люпишь?.. Этофа стерпель не мошна мой!
Протифна Трумф?.. Фуй, фуй! какая поруканья
Тастойна саслушить тешола накасанья.
Некотна тефка! твой протифен мой фикур,
Кохта сфетлейша ей принцеса телай кур!
Мой снает фсе: Слюняй тфои так мысли латит;
Но мерска сей рифаль я вмик на кол посатит.
Смотри, я не шути, кохта пуфай сертит.
Люпи мене, коль пиль не хошешь польна пит!
Рукаться на мене!.. Не там тепе поташка;
Коль пиль не хочешь шон, так мой ты путешь прашка!

Подщипа

Тиран! не устрашишь ты сердце тем мое:
В моем несчастьи мне сноснее мыть белье,
Когда бы только князь Слюняй носил мне воду,
Чем быть супругою столь скверному уроду.

Трумф

Der Teufel! [1]... я урот?.. Стерпел нет польше мош!
Ну фот саплат са фся люповь моя!.. Карош!
Мольши! на корот стесь не путет шиф ни тушка:
Сейшас пошел фелеть на фсех стреляй из пушка.
(Уходит.)

Подщипа

Ступай, тиран! твоих я ядер не боюсь,
О князе бедном лишь своем слезами льюсь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Подщипа, Чернавка и Слюняй.

Слюняй

(крадется тихонько из-за кулис)

Князна! усой йи он? Ну, бьят, какой сейдитой!
Он съядит хоть бы с кем, хоть с куцейем Никитой!

---

[1] Черт! *(нем.)*.

Пьеесная! как я боййся за тебя!
Уз так за двейю там езом я сзяй себя.
Ну так и думаю: убьет до смейти.
Насию побьяи его отсюда цейти!

Подщипа

Что б сделал ты, мой князь?

Слюняй

Ну, так бы и завый!
Без миенькой князны куда б я годен бый?

Подщипа

Ужели б сим мечом ты не сразил злодея?
Скажи, любезный князь, утешь меня скорея!

Слюняй

Да, да! подсунься-ка к его ты паясу:
Ведь деевянную я спагу-то носу!

Чернавка

Возможно ль, государь?

Слюняй

А как бы ты хотея?
Мне матуска носить зеезной не веея.

Чернавка

Но если, князь, на вас напасть дерзнул бы кто...

Подщипа

Скажи, чем спасся б ты?

Слюняй

А ноги-то на сто?
Небось, как дам стьецка, так поминай как звай!

Подщипа

Увы, бесценный князь! с тобою мы пропали.

Слюняй

Ой! как мне быть, как ты с дьюгим пойдесь к венцу!
Я так юбью тебя... ну пусце еденцу.

Ты знаесь, миля, моей веикость стьясти;
Подумай, как бы нам спастися от напасти,
Кой выйдесь за него — не быть со мной добью.

Подщипа

От нажимации одной лишь я умру.
Чернавка, милая! беги, беги скорее —
Сказать родителю, что жизнь мне смерти злее,
Когда с Слюняем я любезным разлучусь,
Что вечно Трумфовой я быть не соглашусь;
Скажи родителю, чтоб он со мной скоряе
Увиделся сейчас тихонько, хоть в сарае,
Чтоб нам придумать, как немчина обмануть
И голову ему, как петуху, свернуть!
Беги, лети к нему!

Чернавка

Бегу, но все напрасно!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме Чернавки.

Подщипа

Так, так! напрасно все! и я то вижу ясно.
Но есть еще одно прибежище у нас,
И смерть от хищника спасет нас сей же час.
Скажи, мой князь, в любви ты мне не лицемеришь?

Слюняй

Хоть пьисягнуть готов! Узьи ты мне не веишь?

Подщипа

Готов ли вместе ты со мною умереть?

Слюняй

Позяюй!

Подщипа

Вместе нам приятна будет смерть.
Пойдем же, бросимся сейчас стремглав в окошко
И сломим головы.

(Тащит его за руку.)

Слюняй

Постой, постой немносько!
Отсей вить высоко. Позяюй, бьёсюсь я,
Да тойко, знаесь сто: из низнего зийя.

Подщипа

Я вижу, смерти род такой тебе ужасен.
Но менее ль тебе, скажи, злодей опасен?
Вить умирать же нам, а может, нас убьют.
Пойдем же бросимся с тобою вместе в пруд,
И Трумфу нашему тем досадим, злодею.

Слюняй

Позяюй...— тойко я вить пьявать не умею!

Подщипа

Жестокий! робостью ты бед моих не множь!
Ну, хочешь ли... вот я украла в кухне нож:
Зарежемся!.. Мы тем от бед себя избавим,
И наши имена навек с тобой прославим!

Слюняй

Извой.

Подщипа

(подавая ему нож)

Начни ж.

Слюняй

Гьяди.

Подщипа

Увы! я вся дрожу!

Слюняй

(отдавая нож)

Князна! заезься ты, я пьезде погьязу.

Подщипа

О варвар! так-то ты в любви своей мне клялся?
Где нежность вся твоя, где пламень твой девался?
Прочь, прочь! я более тебя уж не люблю,
И виду твоего, Слюнявый, не терплю!

Прощай... быть нежным век ты счастия не вкусишь!
Прямой Слюняй, когда зарезаться ты трусишь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Слюняй один.

Слюняй

Да, видись, бьят! насья, небось, ты дуяка!
Заезься-ка сама, кои юка ехка;
И я не пьёмах вить, меня ты не обманесь!
Цейкнуться дойго и, а посье и не встанесь!
Нет, сто ни говои, я смейти не юбью,
Хотя от миенькой и гнев за то тейпью;
Но посье помиюсь, пьивьюся, пьияскаюсь.
И сто я зить хоцу, ей искьенно пьизнаюсь.
Ну, пьяво, как она ни спой себе со мной,
А все вить таки я — утеснее зивой!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Слюняй, Вакула, Дурдуран, паж с кубарем и вельможи.

Вакула

А, слышь ты, господа! Мы стол велим поставить,
Чтоб царский мой совет как надобно исправить.
Да, слышь, подумаем.

Дурдуран

Скорей внесите стол.
Боюсь лишь, чтоб немчин нас не всадил на кол!

Вакула

Нет, в рынок он пошел теперь за башмаками,
Чтоб, слышь ты, танцевать ужо на бале с нами;
А у меня меж тем подкуплен уж звонарь...

Паж

Велите ли себе спустить теперь кубарь?

Вакула

Тотчас, слышь, погоди! Ну, слышь, чтоб с колокольни
Звонарь, как сыч, глядел во все места окольны,
И дал бы знать, когда воротится немчин.
Молчи: мы, слышь, ему сготовим добрый блин!
Садитесь же.

(Все садятся. Вакула берет первое место.)

Ну, вот, бояре, в чем все дело:
Нас семя вражье здесь немчинско одолело;
Ведь, слышь, сказать — так стыд, а утаить — так грех:
Я, царь, и вы, вся знать,— мы курам стали в смех.
Нам, слышь, по улицам ребята все смеются;
Везде за нами гвалт — бес знает где берутся!
Частехонько — ну срам! — немчина веселя,
Под царский, слышь ты, зад дают мне киселя!
Сам Трумф, ругаться вам став заражен повадкой,
Слышь, вам велит носить кафтаны вверх подкладкой.
И уж задумал, слышь, содрать с вас парики,
Чтоб лошадям своим свалять их в потники.
Так, слышь, нельзя ль самим содрать с него нам кожу,
Иль, слышь, хоть, отманя к сторонке, треснуть в рожу,
Да вон и с челядью отсель его прогнать.
Ну, так ли, господа? Так, слышь, сберем мы рать!..

Слюняй

Надёзя-государь! вить я в совет не нузен?

Вакула

Ты зелен еще, князь! Ступай и будь на ужин.
Подщипа, слышь ты, мне теперь сказала всё...

Слюняй

Пьяпай я!

Вакула

Я с тобой уж помирил ее.
Небось, слышь, погоди, и с басурманом слажу.

Слюняй

Езон! Так я пойду на гоюбятню съязю!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, кроме Слюняя.

Вакула

(встает и подходит к одному из вельмож)

Ну что ж придумал ты, мой дорогой совет?
А, слышь, и в помощи нам недостатка нет!

(Подает бумагу.)

Прочти, какую нам сосед дает помогу.
Не без кумов-то вить и я здесь, слава богу!
Ну что ж? Прочел ли ты?

Дурдуран

(привстает)

Он слеп, о государь!

Вакула

Так, слышь ты, не прочтет?..

Паж

Прикажете ль кубарь?

Вакула

Тотчас, слышь.

(Подходит ко второму.)

Ну, так ты скажи свое, слышь, мненье.
И докажи свое и знанье и уменье:
С чего бы заговор нам лучше свой начать,
Умненько произвесть и славно окончать?
Ну, что ж ты думаешь? Скажи хотя мне слово.

Дурдуран

(привстает)

Он нем, о государь!

Вакула

Ну вот тебе, здорово!

(Подходит к третьему.)

Скажи же ты хотя, как горю пособить.
А я, ну право, слышь, не знаю, как мне быть!
Эх, слышь! Ну что ж ты стал?..

(Толкает его в бок.)

Д у р д у р а н
(привстает)
Он, государь, не слышит!

В а к у л а
(к четвертому)
Хоть ты!

Д у р д у р а н
(привстает)
За старостью, о царь, едва он дышит!

В а к у л а
Ну, брат, слышь. . .

П а ж
А кубарь готов, навит совсем!

В а к у л а
Ну, ладно же, так мы в столовую пойдем.
(К совету)
Вы, слышь-те, вздумайте, да не сходя со стула,
А я, слышь, подмахну вам тотчас: царь Вакула.
(Уходит с пажем.)

Д у р д у р а н
Молчите ж, ни гу-гу! И думать мы начнем;
А что придумаем, царю то донесем.

Один после другого начинают зевать и дремать. Все засыпают и храпят.

Занавес опускается.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вакула и Подщипа.

Вакула

Ну, ну, не видывал такой беды я сроду!

Подщипа

Что, что ты, отче мой?

Вакула

Ну, слышь ты, рад хоть в во́ду!

Подщипа

Какою новою грозит нам рок бедой?
Не новой ли злодей идет на нас войной?

Вакула

Вот вздор бы, слышь, какой! На то ведь есть солдаты!
Пускай бы и дрались они себе из платы.

Подщипа

Или против твоей особы заговор?

Вакула

Нет, нет, совсем не то! Ты, слышь, болтаешь вздор.

Подщипа

Какое новое нас горе одолело?
Не хлеба ль недород?

Вакула

А мне, слышь, что за дело?
Я разве даром царь? — Слышь, лежа на печи,
Я и в голодный год есть буду калачи.
Да дело все не в том, моя беда сильнее:
Ну, слышь ты, ничего мне не было больнее...

Подщипа

Так, верно, Трумф...

Вакула

Ох, нет!

Подщипа

Так что ж, о государь?

Вакула

Ну, слышь, проклятый паж мой изломал кубарь.
Я им с ребячества доныне забавлялся,
А, знашь, теперь хоть кинь. Ну так бы разорвался!

Подщипа

Я думала другой печали сей предмет,
И, знавши, государь, что собрал ты совет...

Вакула

То дело иншее! Чтоб им придать охотки,
Так я послал в совет салакушки да водки.
Пускай их думают: авось придет черед
И нам, Подщипушка, у немцев взять перед.
Когда б не паж, и я бы, может, что затеял,
Да он, проклятый, слышь ты, мысли все рассеял.
А вот и Дурдуран! Слышь, что-то он несет?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дурдуран.

Вакула

Ну, что же сделал, слышь, премудрый мой совет?

Дурдуран

Штоф роспил вейновой, разъел салакуш банку,
Да присудил, о царь, о всем спросить цыганку,
Котора на мосту премудростью живет,
И знает наизусть, что будет за сто лет.
Как отымалками, бесами помыкает
И часто за усы их старшего таскает.
И, словом, приговор совета был таков,
Что голова ее всех вместе их голов
Умнее во сто раз, а может быть, и боле.

Вакула

Ну что же? Ведь за ней послать-то в нашей воле.
Пошли-тка поскорей!

Подщипа

Пошли, душа моя!
Поворожиться-то, кому достанусь я.

Вакула

Да если б занял ты мне для нее полтинник...
Скажи-тка, будто я... ну, слышь ты, именинник.
Так мне подарками с рубель перепадет;
А между тем пускай она, слышь, подождет.

Дурдуран

О всем придумал я и трудность опрокинул:
На кашель, государь, я пошлину накинул;
А за цыганкою послал уж ходока.

Вакула

Да вот, слышь, и она. Эк, на помин легка!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и цыганка.

Цыганка
(вбегая)

О чем кручинен, царь, и что на сердце, знаю!
Ой, дай же рубличек, на ручке загадаю,
Все про хорошенько и добренько скажу.
Ой, дай же рубличек, царю поворожу.

Подщипа

(подает руку)

Скажи, цыганка, мне, да будь лишь справедлива...

Цыганка

Ой, все я знаю, все! То рученька счастлива...

Вакула

(выдергивает руку Подщипы и подает свою)

Постой-ка! руку-то и после можешь дать.
Тут, слышь, о царственных делах хотят гадать.
Скажи-тка — от тебя совета ожидаю...

Цыганка

Да дай же рубличек, добренько загадаю.

Подщипа

Ах, мне о женихе!

Вакула

Нет, нет, слышь! мне скажи...

Дурдуран

(дает Вакуле рубль)

Вот рубль.

Вакула

Да вот, слышь, рубль — так мне поворожи.

Цыганка

(смотрит Вакуле на руку)

Богата рученька, разумная головка!
Ой, много мозгу в ней!

Вакула

Ну, слышь, пряма колдовка.

Цыганка

Кручины много есть.

Вакула

Ну, то-то ж. Как же быть?
Не вздумаешь ли ты, как горю пособить.
Отворожи-тко нам отселе ты немчина.

Цыганка

Черноволосый он, такой большой детина,
На сердце у тебя?

Вакула

Как жернов, слышь, лежит!

Цыганка

Он худо думает.

Вакула

Чтоб взял его, слышь, жид!

Цыганка

Все загадала я; да всем болтать не стану.
А за секрет скажу лишь только Дурдурану.
Когда исполнит он совет мой точно весь,
Так вмиг и с челядью не будет немца здесь!

Вакула

(Дурдурану)

Слышь, слушайся ж ее!

Дурдуран

Хоть то мне и обидно,
Но если царь велит, так мне ничуть не стыдно.

Подщипа

Скажи, любезная, и мне ты поскорей
И худо и добро об участи моей.

Цыганка

Прекрасна рученька, таланлива, счастлива;
А есть кручинушка...

Подщипа

Ох, тише! я стыдлива.

Цыганка

Сердечушко твое, княжна, заножено,
Ну, хочет, кажется, вон выпрыгнуть оно.
Пригожий молодец! Как яблочко наливно...

Подщипа

Ох, стыдно, стыдно мне!

Цыганка

Однакож не противно?

Подщипа

Ну, нет... Да буду ли сегодня я за ним?

Вакула

Княжна! слышь, надо дать подумать время им.

Цыганка

Да дай же рубличек!

Вакула

Когда отмщу злодею,
Так, слышь, сошью тебе кумачну телогрею.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Трумф, вбегая в бешенстве.

Трумф

Фуй, фуй! проклята тфарь! сабашья скферна дел!
Как мошно тумать так, упить меня фелел?
Прекрасна та прошект! Мой ошень плакатарит!
Но преште фся ваш рот на фертель мой исшарит!

Вакула

Помилуй, государь! а слышь...

Трумф

Помилуй — нет!
Проклята фаша тух, как шерфя, пропатет.
Я снай вся умысла и фаша сакофора:
Сейшас я тфой пояр потслюшал у сапора.

Дурдуран

Пропали мы!

Вакула

Беда!

Подщипа

О ты, жестокий рок!

Трумф

Та, брат: и на моя калофка быль умок;
Мой снает плютня тфой, и са такая шашня
Мой путет фас сашай на сепи и на пашня,
Та на рапоший том фас путет посылать,
Та, кроме клеп та фот, вам кушать не тафать.

Вакула

Помилуй, государь, я, слышь, вперед не буду.
Попутал бес меня!

Трумф

Фон, стара пес, отсюду!

Вакула уходит.

Подщипа

Ужели нет и мне пощады никакой?

Трумф

О, хитра польно тфой! Мольши, красафис мой!
Пошоль, пошоль! Теперь мой даст на фсё указа.

Подщипа уходит.

Дурдуран

Я телом, ни душой...

Трумф

Ти, клупая прокаса!
Ти много финофат! Марш, марш, мой каспатин!
Твой тотчас путет сут и палошка на спин.

Дурдуран

Позвольте выйти мне.

Трумф

Пашоль тамой, сапака!
На фешер путу тал вам топра перетряка.

Дурдуран уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Трумф и Цыганка.

Цыганка

Во мне ведь нужды нет?

Трумф

Постой, красафис мой!
Скаши-ка, для шево твой присван на пакой?

Цыганка

Хороший молодец! Царевна присылала
И о тебе со мной все утро прогадала.

Трумф

А што каталь такой? мой скоро ль шорт восьмет,
И скоро ль князь Слюняй на сфатьпа с ней пойтет?

Цыганка

Ой, нет! лишь о тебе одном она тужила,
И любишь ли ее, о том лишь ворожила.
Милее никого тебя ей, барин, нет,
И с нетерпением она дня свадьбы ждет.

Трумф

Не лшет тфой?

Цыганка

Кстати ли? Подумай сам ладненько:
Ну где есть личико другое так беленько,
Где букли толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?
Где есть такой носок, глазок, роток, бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну есть ли девушка иль мужняя жена,
Чтоб, на тебя взглянув, не ахнула она?

Трумф

Мой тумал так, та князь Слюняй мне тут сатится.
(Показывает на затылок.)

Цыганка

Ну вот великий страх! я рада побожиться,
Что, может, до тебя казался он ей мил,
Но ныне ты ее все мысли полонил.
Подай-ка рученьку! Ой, тут сидит девóчка,
И о тебе с ума царева сходит дочка.

Трумф

Са фестошка така не шаль польтинка даль,
Какта пы прафта тфой, цыганошка, скасаль.

Цыганка

Я сроду не лгала.

Трумф

Так тфой не лицемеришь?

Цыганка

Взглянись лишь в зеркало, так лучше мне поверишь.

Трумф

Та, та! Тфой прафта есть: мой фашна есть фикур!
Поди же, кралишка! Кохта моя амур
Успеха полушит, я кликну тфой в палата,
И накраштенья там фелика и поката.
Поди, красафис мой, на том себе теперь.

Цыганка

Спасибо, барин мой!

(В сторону)

Вперед цыганкам верь!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Трумф

(один)

Она скасаль не лошь. Умна, снать, эта тефка.
Я, прафо, подшутиль: молотшик не в истефка.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Трумф и Слюняй.

Слюняй
(вбегая и не видя Трумфа)

Ну вот и я пьисой!

Трумф
(схватя его за ворот)

Пати-ка, прат, сюта!

Слюняй

Ой, смейты!

Трумф

Мне ната ти!

Слюняй

Пьисья моя беда!
Помиюй, дядюска!

Трумф

Нет, милуй мой не мошна,
Смерть тфой.

Слюняй

Пьяпай!

Трумф

От тфой пришел мне польно
тошно.

Слюняй

Отец!

Трумф

Фуй!

Слюняй

Гьяфцик!

Трумф

Фсгор!

Слюняй

Сокьовисце мое!
Сиятейный!

Трумф

Мольшать!

Слюняй

Светьейсий!

Трумф

Ну!

Слюняй

Мусье!
Помиюй!

Трумф

Нет, тепе там топра перепяки!

Слюняй

Ай, батюськи! пьяпай наместо я собаки!

Трумф

(вынимая шпагу)

Катофся умирай.

Слюняй

Ой, смейтюська моя!
Помиюй! Цем тебя пьягневай стойко я?

Трумф

Не путет польше тфой Подщипа телай куры,
Я коншу в сей минут тфой шашнь и вся амуры.

Слюняй

Ой, ой! . .

Трумф

Но нет! Хоть твой нефеша и урот,
Я кошет пошитай в тепе тфой княша рот.

(Вкладывает шпагу.)

Слюняй

И впьявду, я вить князь, не тойко бьягоёдный;
А ты со мной сшутий поступок стой негодный.

(В сторону.)

Авось он стьюсит! Ась?

Трумф

(вынимает пару пистолетов)

Так выпери ш люпой!

Слюняй

(особо)

Смотьи-ка, усь даит!

(Трумфу)

Спасибо, гьяфцик мой!
Да не заязен йи?

Трумф

Та, та. Он саряшона!
Сейшас тафай стреляй — кpropяшон чей путет шона.

Слюняй

(особо)

Есть егце!

(Трумфу)

Дядюска, я съёду не стьеяй.

Трумф

Ну, ну! не то тотшас я пуля посылай.
Стой там!

Слюняй

С умом йи ты? Застьеись вить до смейти!

(Особо)

Князну, юбовь, тебя — стоб все побьяи цейти!

Трумф

Фай, фай! какой тфой князь? Твой потла, мерска трус!

Слюняй

(кланяясь низко)

Сто хоцес! Виноват, а смейти я боюсь!

Трумф

Стреляй!

Слюняй

Ой, нет!

Трумф

Так тфой со мной не кошет питься?

Слюняй

Ну, сам ты яссуди: где мне с тобой возиться?

Трумф

А люпит тфой княшон?

Слюняй

Ись тойко не убей!
Я отступьюсь совсем, вьядей, позяюй, ей!

Трумф

Так слюшай ше, Слюняй! Коль смерти тфой поится,
Так пить рифалем мне тля тепе не катится.
Смотри ше, вышлю я к тепе княшон в минут,
Но пуля в лоп тотшас, кохта тфой путет плут.
Княшна укафари тотшас со мной шениться;
Или на шпага мой котофа путь сатиться. . .
Но фот идет княшон, красафис мила мой!
Смотри ш, тотшас феншать, или прочь колоф тфой!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Слюняй один.

Слюняй

Когда б она есце со мной не помииясь,
Иль хоть опять бы вновь тепея побьяниясь!
А то беда пьисья!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Слюняй и Подщипа.

Подщипа

(вбегая)

Мир, мир, любезный князь!
Прости, коль дерзко я сказала, рассердясь!

Слюняй

(особо)

Ахти! она меня есцо сийнее юбит!

Подщипа

Слюняюшка, мой друг!

Слюняй

(особо)

Ну, ну! совсем погубит!

Подщипа

Жестокий! ты молчишь! того ль достойна я,
Когда сильней огня к тебе любовь моя!

Слюняй

(особо)

Того-то и боюсь!

Подщипа

(плачет)

Тронись же хоть слезами.
Взгляни ты на меня умильными глазами.

Слюняй

Князна! когда ко мне ты истинно незна,
Так Тьюмфу юку дать сегодни з ты дойзна.

Подщипа

Ты ль это мне сказал? .. Душа летит из тела!

Слюняй

Но мне вить гоёва моя не надоея!
Тьюмф именно сказай: кой сдеяись отказ

И не пойдесь к венцу с ним сей зе самый цас,
Так он... ну, видись йи... все это мне отпьятит,
И гоёву с меня, как коцеиску, схватит.
Так яссуди сама...

Подщипа

Умри ж, любезный мой,
И понеси во гроб любовь мою с собой!

Слюняй

Так ты намеена?..

Подщипа

Тебя хоть мертвым видеть,
И мертвого любить, а Трумфа ненавидеть!

Слюняй

Ах! он убьет меня!

Подщипа

Мой князь, спокоен будь:
Душа твоя ко мне переселится в грудь;
Ты в мыслях у меня и в сердце будешь вечно!
Я буду вспоминать...

Слюняй

Бьягодаю сейдецно!
Позаюйста, князна, кой юбись ты меня,
Так выйди за него...

Подщипа

Как! как! чтоб вышла я?
Ах, нежности моей ты меры всей не знаешь,
Когда поступок мне столь гнусный предлагаешь!

Слюняй

(особо)

Ну вот тебе юбовь!

(Громко)

Пьеесная, увы!
За вейность эдаку мне быть без гоёвы:
Застьеит он меня, отказ его твой взбесит.

Подщипа

Пусть он тебя убьет, застрелит иль повесит,
Но нежности к тебе не пременит моей.

Слюняй

(особо)

Стобы ты тьеснуя и с незностью своей!

Подщипа

Чтоб я оставила тебя — избави боже!
Люблю, люблю тебя — ты мне всего дороже!

Слюняй

Ахти! беда моя! хоть тисе говои:
Он быиско Стьястью ты меня не умои.
Задусит он меня.

Подщипа

Пусть он тебя задушит,
Но верности моей нимало не нарушит.
Чем я горжусь, о том чтоб стала я молчать!
Люблю, люблю тебя — и буду то кричать!

Слюняй

Ей-ей, конец пысой! надезды бойсе нету!

Подщипа

(громче)

Люблю, люблю тебя! будь то известно свету!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и паж.

Паж

Княжна! немедленно ступай ко алтарю!
Уж велено звонить к вечерне звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куролесить,
Так есть приказ за то Слюняя вмиг повесить!

Слюняй

Гоюбуська, пойди! кьясавица моя!

Подщипа

(пажу)

Скажи, что никогда...

Слюняй

Опомнись... умей я...

(Пажу)

Скази: идет.

Подщипа

Нет, нет! пойди скажи тирану...

Слюняй

Помиюй!..

Подщипа

Что любить Слюняя не престану,
Что может он его повесить в сей же час;
Но не ослабит тем любви взаимной в нас.

Слюняй

Пьекьясная юбовь!

Подщипа

Скажи, что им пылаю!

Слюняй

Я эдакой юбви зьядею не зеяю!..

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Трумф.

Трумф

(вбегая в бешенстве)

Нет моши польш терпел! Скафор тфой коль нейтет,
В минута сей Слюняй от рук моя умрет!

Подщипа

Нейду, нейду, нейду! ты бесишься напрасно.

(Обнимая Слюняя)

Им вся пылаю я, им сердце нежно, страстно!

Трумф

(вырывая у нее Слюняя и вынимая шпагу)

Умри ше!

Слюняй

Каяуй! из тея идет дух!

Трумф

Фай! скферна тух какой! как тфой фоняет фтрук!

Слюняй

Не знаю...

Трумф

Как не снай?.. Фай, нос моя упила!

Слюняй

Сто деять! со стьястей зивот пеeёмиё.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Вакула.

Вакула

(вбегая)

Ура! ребятушки! а наша, слышь, взяла!

Трумф

Што, што такой?

Вакула

Да что, слышь, вся беда прошла.
Не бойтесь, детки! Эх, немецкий, слышь, проказник!
А слышь ты, уж теперь на нашем поле праздник!

Трумф

Мольши, некотна тфарь! Я фас!.. К рушья! к рушья!

Вакула

А слышь, как не к ружья! Сам бойся батожья!
А все, слышь, сделала премудрая цыганка,
Свертела дело вмиг, прямая басурманка!

Подщипа

Да как?

Слюняй

Пьютовка!

Вакула

Ну, слышь, с шайкою своей
По челяди его рассыпалася всей,
Да подпустила всем заряда два чихотки,
Да во щи пурганцу поболее щепотки;
Так, слышь, у них теперь такая чихотня,
А что еще смешней — такая беготня,
Что наши молодцы их только окружили,
Так немцы, слышь ты, все и ружья положили.

Трумф

Пропаль я.

Слюняй

Сто, небось, тепей-то пьить ты ссиб!
Подсунься-ка ко мне, цюхонский стаий гьиб!

Трумф

Мольшать!

Слюняй

(отскакивая)

Ай, экой зьой!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, Чернавка, цыганка и Дурдуран.

Цыганка

Вот, на моем сбылося!

Дурдуран

Все войско Трумфово, о царь, вам поддалося.

Вакула
(цыганке)

А слышь, будь фрейлиной у дочери моей.

Чернавка

Княжна, вас в церковь ждут,— спешите поскорей.

Трумф

Что путет с мой?..

Вакула

А, слышь, разведаюсь с тобою.
(Дурдурану)

Чтоб парикмахер, слышь, гребенкою большою
Сейчас, ты слышь, его в пять пуколь причесал;
Одел бы франтом, слышь, жабот бы подвязал,
Чтоб прыгать козачка Трумф к вечеру явился.

Трумф

О петна ко́лоф мой!

Дурдуран его уводит.

Слюняй

Езон! за то, сто зьийся!

Подщипа

Ну, что ж к венцу?

Вакула

Пойдем!

Слюняй

Готов...

Подщипа

Чего ж годить?

Слюняй

Я в поймминутоцьки!

Подщипа

На что же уходить?

Вакула

На что же медлить, слышь?

Подщипа

Иль тщетно я пылаю?

Слюняй

Пьеесная князна! Я медьить не зеяю,
И в цейковь я тотцас вас всех пеегоню,
Да тойко напеёд кой-сто пеемену!

Конец

ЛЕНИВЫЙ

КОМЕДИЯ В СТИХАХ

<*ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:*

Лентул.

Правдон, отец Лентула.

Сумбур (Бурнай), отец Прелесты, невесты Лентула, друг Правдона.

Чеснов, друг Лентула.

Андрей, слуга Лентула.

Даша, горничная Прелесты.

Подмастерье от мебельщика.>

<ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ>

Андрей

(за письменным столом)

«Любезный батюшка! по вашему совету»
(Ну, лгать, так лгать смелей) «встаю я до рассвету
И целый божий день хлопот здесь тьму терплю...»
(А тут бы написать: иль ем, иль пью, иль сплю)
«Все езжу по судам...» (Да, ездишь уж с неделю
С постели на диван, с дивана на постелю)
«Теперь-то на мою нельзя пенять вам лень:
Я по уши в делах» — (в халате целый день).

(Перечитывает.)

Все, кажется. Ну вот и грамотка готова...
Ба, ба! да про приезд невесты я ни слова,
А этого никак не можно упустить!
Вот тут-то надобно весь ум употребить,
Чтоб было нежно все, и кстати бы, и к месту.
Ну вот как будто б сам я был влюблен в Прелесту.
«Вчерась к восторгу...» — вздор! «Мой ум...» —
нет! «сердце» — нет!
Тьфу пропасть! ничего мне в голову нейдет!
Хотя бы под перо мне страстный вздох попался,
Ни мысли нет, ни слов — куда ж мой ум девался!..
Э, да!.. нет, нет! не то... Ей-ей, не знай, как быть!
О лентюг! за тебя пришло мне и любить.

Так просто ж напишу: «Вчерась, как я обедал,
С своею дочерью Сумбур сюда приехал...»
Живет! — Теперь уж все.— Ну, сколько я надул?
Изволь лишь подчеркнуть: «послушный сын Лентул».
Да, верно, и того он в месяц не сберется,
Что вижу — за него и подписать придется...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Андрей и Даша.

Даша

Андрей! куда учтив твой барин в женихах!
Неужли до того зарыт уж он в делах,
Что некогда ему зайти на час к невесте?
Ну, право, это льзя снести одной Прелесте.
Уж вот мы сутки здесь — он год не видел нас,—
А уж, смотри-тко ты, совсем не кажет глаз...

Андрей

Как громко ты кричишь!

Даша

Меня ты не осудишь.

Андрей

Да я не для себя...

Даша

Что ж?

Андрей

Барина разбудишь.

Даша

Как! шутишь, что ли, ты? Неужли он не встал?

Андрей

Нет, встал было...

Даша

Да что ж?

А н д р е й

Опять започивал.

Д а ш а

Ну, Лентул, видно, здесь спокойно поживает.
Да ночью что ж он?

А н д р е й

Спит.

Д а ш а

А днем-то?

А н д р е й

Почивает.

Д а ш а

Прекрасно! старичок наш будет очень рад!
Он в зятюшке себе найти сбирался клад.
Изживши на войне и с нуждой и с трудами,
Ложиться и вставать привык он с петухами;
Халата у него и туфлей вовсе нет:
Чуть ра́ссвет, и уж он как будто в строй одет.
И тотчас или в сад, иль осмотреть работу,
Иль вскочит на лошадь да брызнет на охоту,
И, словом, целый день в движеньи так, как ртуть;
Ну, слышь, не только спать — с ним некогда зевнуть,
И если первый день покою вам достался,
Так это оттого, что до свету умчался
Старик наш со двора...

А н д р е й

Сказать да не солгать,
Такая жизнь совсем нам, Даша, не на стать;
Мой лентюг рад изжить век целый на диване,
И раз в году едва бывает он в кафтане.
Халат да туфли — вот и весь его наряд...
Ну, коль на то пошло, так вам я очень рад;
Пусть ваш старик его под лапу поприкрючит,
Авось от лени он его и поотучит;
А то вить, страм сказать, да грех и утаить,
А, чай, он, право, здесь совсем забыл ходить.

Даша

Что он лениβенек, и прежде то мы знали;
Да только удали такой уж в нем не ждали.

Андрей

О, это все ль еще! Послушай, старый друг:
Теперь напомню я тебе, пока досуг,
Что нам ведь след один к венцу за господами,
Так то, что я сказал, пусть тут замрет меж нами;
Я барина люблю, и к пользе лишь его
Хочу не потаить от Даши ничего,
Чтоб, сладя заодно, нам все подвесть уловки,
Спасти его в беде, иль в случае размолвки —
А что не сдобровать ему, то вижу я...

Даша

Вздор! наши старики издетства вить друзья,
Да разве твой чудак, здесь живши, напроказил?

Андрей

Куда проказить нам? с дивана он не слазил.
Да это все-таки от бед нас не спасет.

Даша

Я тут не вижу их!

Андрей

Послушай наперед:
Старик, послав сюда Лентула за делами,
И денег и вещей, всего отправил с нами.
Хоть прав и свят его в наследстве братнем спор,
Да, знаешь, по судам вить деньги так, как сор;
А дело таково, что дом наш на мель станет,
Коль на суде его соперник перетянет;
Так он, прощаяся, одно сынку твердил,
Чтоб боле ездил он, да боле бы дарил,
Да чтоб и сам искал определитья к месту,
Коль хочет сберечи именье и невесту.

Даша

Ну, знаю! Вить затем и стали мы у вас,
Чтоб после тяжбы вслед и свадьбе быть тотчас.

Андрей

Да то-то видишь: вы в степных запропастились;
А мы с Лентулушкой едва сюда ввалились,
Как он, нашедши здесь и волю и простор,
Из комнаты шага не делывал с тех пор.

Даша

Конечно, болен он?

Андрей

Да, очень, к сожаленью!

Даша

О, бедна барышня! Да чем он болен?

Андрей

Ленью!
Да, болен наповал! Что я ни говорил,
Ничто не помогло.— Раз по сту в день твердил:
Помилуйте, сударь, пристойно ль в ваши лета
В халате, в колпаке посхимиться от света?
Оденьтесь, съездите по делу вы хоть раз;
Неужли батюшка лежать отправил вас?
Ну если, все узнав, лишится он терпенья,
Иль потеряете от лени вы именье...
Ну что ж ты думаешь, какой ответ даст он?

Даша

Сберется ехать?

Андрей

Нет! зевнет да вышлет вон.

Даша

Ну, то-то будет муж!

Андрей

О, любит лежебочить!
Зато ничем другим нельзя его порочить:
Не зол, не сварлив он, отдать последне рад,
И если бы не лень, в мужьях он был бы клад:
Приветлив и учтив, притом и не невежа;

Рад сделать все добро, да только бы лишь лежа...
Но чу! старик! беги к Прелесте ты своей!

Даша

Да что ж я ей скажу?

Андрей

Солги что хочешь ей;
Лишь только не поссорь ее ты правдой с нами.
Беги же! он идет...

Даша

Беды мне с чудаками!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Андрей и Сумбур.

Сумбур

(за театром)

Ну, смучил! так вели ж других впрячи скорей!
Вить не прокиснуть же мне здесь для лошадей.
Я еду вмиг... да слышь, чтобы тотчас поспело —
Ну вот люблю, чтоб все вертелось, да кипело,
Да чтоб оседлан был скорей мой неугом;
Лишь ворочусь, тотчас поеду я верхом...
Андрей! что барин твой — вот день-то сероватый,
Ну, самый полевой — теперь бы с Перехватой,
Да Стрелку дай лишь мне, так черта я сомну...

Андрей

(особо)

У нас так серый день толкуется ко сну.

Сумбур

Что ж Лентул? — ась? Я чай, он здесь захлопотался?
По знатным, по судам, по справкам затаскался?
Что делать? — Эй, спроси, могу ль я видеть дочь?

Андрей

Ох, тяжко будет нам!

Сумбур

Да спит ли он хоть ночь?

Андрей

Ах, он в делах, сударь, ей-ей, здоровье тратит.

(Особо)

Бывает часто то, что полдня он прихватит!

(Ему)

Что целую он ночь пропишет напролет.

Сумбур

Мне это нѐ мило! И этот жизни род
И худ и нездоров! Молчи! как свадьбу сладим,
Мы по ночам писать его совсем отвадим.
Писать всю ночь! Да я как молод-то бывал,
Ни книги, ни пера, ни стула не знавал;
Зато и жив и свеж: что встал, то в город, в поле
Верхом, пешком, в санях, на дрожках... Ныне боле
Уж этой силы нет; однако не сижу
И ныне целый день иль езжу, иль хожу;
А то сидеть всю ночь! — вить он себя погубит.

Андрей

То грех сказать, сударь, сидеть и он не любит...

(Особо)

Вот нам бы полежать...

Сумбур

Как он по кости мне!
Смотри ж, как заживем мы в нашей стороне!
Мы с ним за чудо слыть в уезде будем двоя;
Да мы, ну, слышишь ли, обедать станем стоя.

Андрей

(особо)

Попался лентуг мой!

Сумбур

Что, что ворчишь ты, брат?

А н д р е й

О! жизни он такой, как райской, будет рад!

С у м б у р

Посмотрим, кто из нас кого с ним перетянет.
Кто больше выходит, съест меньше, ране встанет. . .
Да, кстате, любит ли охоту он с ружьем?
Вот тут-то походить! . . О, с ним мы заживем
В болотах да в полях! . . Я рад таскаться сутки.

А н д р е й

(особо)

Ахти! не по́ шерсти совсем нам эти шутки!

С у м б у р

Я чай, вы думали, что я из дряхляков?
Небось, я не из тех кисельных стариков,
Которые всегда на креслах только преют,
То дремлют, то ворчат, то на лежанке греют
Замерзлы косточки, в год скажут раз словцо,
Да летом выползут изредка на крыльцо.
Со мной, как с молодым, не скоро встретишь скуки;
Лишь только не люби сидеть, поджавши руки.

А н д р е й

О! барин мой, сударь, как ртуть. . .

С у м б у р

Да где ж он сам?
Небось, чай, до свету умчался по делам?
Люблю, люблю за то, что время он не тратит.
Жаль только, коль меня обедать кто захватит,
Так не увижусь с ним я целый день опять.
Вчера я вечером зашел было, ан, глядь,
Его и нет.

А н д р е й

<особо>

Да, мы успели лишь убраться
За ширмы, чтоб тебе в халате не казаться!

С у м б у р

Постой же, дай хоть мне бумажки лоскуток.

Андрей

Извольте.

Сумбур

О нет, нет! и мал, и короток!
Мне написать к нему о деле очень нужно.
Я б сам ему сказал, да, право, недосужно
Его мне ждать. Постой, я сам к нему войду,
Бумагу на столе я, верно, там найду.

Андрей

К нему, сударь? беды!

Сумбур

Да, да, ну что за чудо?
Вить я почти уж свой.

Андрей

Да я тотчас... Ох, худо!

Сумбур

Нет, нет, я сам пойду! Ну, право, как я рад!
Да мы поставим с ним все на военный лад.
Ручаюсь, что придем друг другу мы по нраву:
Как будто в лагере жить станем по уставу...
Неси чернильницу.

(Отворяя двери)

Ба! это кто храпит?

Андрей

Кто это? Так, сударь!

Сумбур

Кто так? Кто это спит?

Андрей

Кто спит, сударь?

Сумбур

Да, да!

Андрей

Ну что-то будет с нами!
Да вы изволите вить, чаю, видеть сами.

Сумбур

Твой барин...

Андрей

Он, сударь!

Сумбур

Как, это спит Лентул?

Андрей

Да вон, изволите ль вы этот видеть стул?

Сумбур

Что мне до стула, плут! Как! спать об эту пору?
А ты, бездельник, мне налгал такую гору!

Андрей

Взгляните ж вы на стул!

Сумбур

Поди ж, мошенник, прочь!
Так! так-то он у вас трудится день и ночь!

Андрей

Да стул, сударь...

Сумбур

Чтоб ты сквозь землю провалился
И с стулом!

Андрей

А на нем всю ночь он протрудился.

Сумбур

Как?

Андрей

Так, сударь! Уж час я битый вам твержу;
Ах, если кипу я бумаг вам покажу,

Что в ночь он исписал, на этом сидя стуле,
Так вы и нехотя вздохнете о Лентуле.

Сумбур

И точно...

Андрей

Да, сударь, на почту целый воз
Его руки бумаг я до свету отнес;
А после на дворе чуть-чуть лишь забелело,
Как барин, подхватя, ей-ей, в полпуда дело,
Пустился по судьям — ну, право, как шальной,
И, выбившись из сил, приехал он домой
И тут было опять принялся за бумагу;
Да я, уж нечего, пустился на отвагу:
Просил, молил, кричал — ну делал все, что мог,
Чтоб он, бедняжечка, хотя на час прилег,
И то уж голова путем его схватила.
Так он, когда уж боль совсем его свалила,
Разделся, ринулся — и камнем спит теперь.

Сумбур

Не лжешь ты?

Андрей

И, сударь!

Сумбур

Так притвори же дверь.

Андрей

(особо)

Спокойный сон! ура! Одну беду мы сжили!

(Сумбуру)

Бумагами, сударь, совсем его вскружили.

Сумбур

Коль правда это все, так жизнь его плоха.

Андрей

Ну, что мне лгать? возьму ль я на душу греха?

Сумбур

Вот я вить говорил и рад божиться снова,
Что эдакая жизнь вредна и нездорова:
Писать, читать, сидеть и портить лишь глаза!

Андрей

(особо)

Ну, кажется, теперь совсем прошла гроза!

Сумбур

Когда б проклятое скорей нам кончить дело,
Другою бы статьей у нас все закипело,
Досадно только мне, что он раздевшись лег.

Андрей

Да лег ли б он, сударь, когда б не занемог?

Сумбур

Бедняжка! Так скажи ж, чтоб тише здесь ходили
И чтоб нечаянно его не разбудили.
Проклятые дела! писать так глупо ночь,
Чтоб голову вскружить и после занемочь.
Скажи ж, как встанет он, что я здесь дожидался
И чтоб у дочери со мной он повидался.
Писать, читать! — Добро! придет и та пора,
Что книги полетят у нас долой с двора.

Андрей

Ура, Андрей! спи, мой ленивый господин!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей и Правдон.

Андрей

(увидя входящего Правдона)

Уф! вот-те новый гость!

Правдон

Андрей! здоров ли сын?

Андрей

А мы не ждали вас!

Правдон

Где сын?

Андрей

Немножко болен.
Теперь заснул.

Правдон

Я им ужасно как доволен!
Что делал здесь он год? По делу ни шага.
Я сведал все! Была ль в суде его нога?

Андрей

Он был, сударь, да там то справки, то отсрочки...

Правдон

А писем отчего я не видал ни строчки?

Андрей

Как? Он писал, сударь!

Правдон

Писал! — твоей рукой.
По счетам знаю я довольно почерк твой;
Меня своей рукой он мог бы удостоить.

Андрей

(особо)

Ну, этого трудней мне будет успокоить.

(Ему)

Да, правда, что когда бывал он нездоров,
И я, сударь, писал — с его лишь только слов
И то, что сказывать он сам лишь мне изволил;
И ныне было к вам письмо я изготовил
И вот на почту несть хотел его сейчас,
Да вы нечаянно обрадовали нас.

Правдон

О, если правда все, что мне о нем писали...

Андрей

(особо)

Ну, коль писали всё, так, верно, мы пропали!

(Ему)

Поверьте, барин мой трудится без уйму.

Правдон

Когда ты в письмах лгал, то и тебя пройму.

Андрей

Ай-ай!

Правдон

Поди же ты да сведай осторожно,
Мне можно ли войти?

Андрей

Я чаю, сударь, можно.

Правдон

Нет, нет, коль болен он, так не встревожь его.

Андрей

Хотя б кафтан-то мне напялить на него!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Правдон

(один)

Я глупо поступил,— и буду сам виною,
Когда потеряно именье будет мною.
В какой несчастный час, в какой я черный день,
Знав всю Лентулову беспечность, сонность, лень,
По важной толь тяжбе ходить его отправил!
Чего ж и ждать? он все и кинул и оставил.

(Подходя к письменному столику)

Ба! тьма пакетов. Знать, почтовый ныне день;
Как это перемог хоть раз свою он лень?
Посмотрим-ко, к кому. Когда б в такие леты...
Ба, ба! да это все мои к нему пакеты!
Прекрасно! где ж другой такой ленивец есть?

Не только отвечать на письмы — их прочесть
Он в год не мог. Смотри, печати не помяты,
Ну, точно будто бы теперь лишь с почты взяты.
Терпенья боле нет! Добро, ты лентюг мой!
Или я тресну сам, иль слажу я с тобой!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Правдон и подмастерье.

Подмастерье
(неся на себе подушки)

Ну, штука! слышь, с нее так вот бы век не слазил,
А уж под ней беды — кто это напроказил
И выдумал диван, ну знать, что был чудак;
А что ни говори, да был он не дурак —
И видно, что пришить он дело знал к безделью,
Когда умненько так сплотил он стул с постелью.
Вот то-то вещь! — прошу тут правду узнавать:
Сидишь — так это стул; не то так вмиг кровать.
Смешно, как вздумаешь,— а право, с поноровкой,
Так это у бояр муфобель самый ловкой!
Уж то-то вот на нем ни лет, слышь, ни примет.
Как хочешь мни его, лих встал, и следу нет!

Правдон

К кому ты притащил, мой друг, такую гору?

Подмастерье

К Лентулу! Только, знать, мы, барин, здесь не
в пору.

Правдон

А что ж?

Подмастерье

Да у людей обед уж на дворе,
А здесь, чай, спят еще, как будто на заре.
О, барин здесь, как хан, сонлив, увальчив, чуден,
И солнцу до него ужасно доступ труден.
Поспать охотник он, охотник полежать
И ночки на вожжах умеет придержать.

Правдон

Прекрасно, мой сынок!

Подмастерье

Он не живет — ликует.
Ест сладко, мягко спит, о деле в ус не дует;
Нет будней у него, а всё шабашны дни,
И в круглый божий год лишь праздники одни;
Ну прямо у себя живет султан султаном:
Наскучила кровать, так шлет вот за диваном,
Проказник! — матушкин он, видно, был сынок.

Правдон

Добро же, слажу я с тобою, мой дружок!

Подмастерье

На вздоры, правда, он уж денег не потратит,
А чтоб понежиться, последнее заплатит;
На пышность, на наряд так крепок наш старик,
А рад кафтан отдать за добрый пуховик.
Ну столько у детей не на́йдешь ты игрушек,
Как у него перин, матрасов и подушек.

Правдон

Не радость это все, мой друг, его отцу.

Подмастерье

Да кто, сударь, отец такому молодцу?

Правдон

К несчастью, я!

Подмастерье

Как, вы! — прошу, сударь, прощенья,
Что вам я наболтал все так без размышленья.
Вить, впрочем, ваш сынок боярин пречестной:
Не должен никому, не замутил водой;
Хоть иногда во сне он лишний час загубит,
Да кто же из господ понежиться не любит?

Правдон

Нет, непростительно! такое мотовство...

Подмастерье

И, да во всем, сударь, свое есть щегольство.
Вить город здесь большой: кто хвастает кафтаном,
Кто цугом, кто столом, а ваш сынок — диваном.
Вить перечтешь ли все причуды у бояр?
У барынь так и наш в большом ходу товар:
Мой мастер за него, как сено, деньги косит.
Иная, право, в год дивана три износит.
Да заболтался я, расчесться б мне скорей.
Не знаете ль, сударь, куда пропал Андрей?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Правдон, Бурнай и подмастерье.

Бурнай
(вбегая)

Да где ж он! немы, что ль? хоть бы сказал кто слово!

Правдон

Ба, ба, Бурнай!

Бурнай

Правдон, старинный друг, здорово!
Отколе, как, давно ль? Ну вот уж угодил!
Нежданный, как сокол, взвился да прикатил.
И я вечор лишь здесь...

Правдон

Все так же жив и верчен...

Бурнай

Лишь только старостью кой-где слегка исчерчен.
Прошло, брат, утрецо, прошел денек для нас,
И к ночи у меня давно шестой уж час.
Бывало, помнишь, мы какие непоседы,
Как пташки; а теперь, смотри-тко, метим в деды.
Чин важный! а когда б сыскались мудрецы,
Чтобы разжаловать опять меня в отцы,
Не охнул бы по нем... Да это что за вздоры?
Не ты ли тюфяков навез такие горы?

Подмастерье

Нет, это...

Правдон

Ты, мой друг, поди себе домой —
И после побывай. Сын все заплатит мой.

Подмастерье

О! тут сумненья нет: он в платеже исправен.

< . . . . . .
. . . . . >

Андрей

Бегу! сударь.— Дай бог исправить им его.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Правдон и Бурнай.

Правдон

О, рассказать тебе, мой друг, нельзя всего!

Бурнай

Довольно, я его уж не защитник боле.
Добро, как сокола, его мы в чистом поле
Повыносим с тобой. Спущать я все люблю,
Но лени не терпел и ныне не терплю.

Правдон

Мест шесть он пропустил, где мог бы быть полезен.
Прочти, что пишут мне.

(Дает письмо.)

Бурнай

(читает тихо)

Ну, право, он любезен!

(Читает.)

«За ленью пропустил».— Бешусь я за тебя,
Бешусь за дочь мою, бешусь и за себя.
Ну, выдь же только он! — Андрей!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Правдон, Бурнай и Андрей.

Андрей

Да черт с ним сладит!

Бурнай

Да в фижмы, что ль, себя чудак, твой барин, рядит?
Покажется ли он, оделся ль он иль нет?

Андрей

Почти совсем, сударь, другой чулок надет.

Правдон

Каков?

Бурнай

Другой чулок! ленивец! Можно ль статься?
Да разве хочет он неделю одеваться?
Нет, нет, пойдем к нему; хоть я тебя люблю,
Пойдем бранить его! Тебе я пособлю.

Правдон

Пойдем! — Хоть должен я ленивца ненавидеть,
Но сына хочется скорей отцу увидеть.

Бурнай

Кричи ж сильней!

Правдон

Ты мне старайся пособить;
Признаться, я б хотел теперь сердитей быть.

Бурнай

Забудет нежиться — лишь приободрись немножко:
Диваны полетят все к черту за окошко;
Поспи-тко нажестке да ешь-ко русски щи.

Андрей

Попался мой лентяй в горячие клещи!

Конец первого действия.

<ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ>

<. . . . .>

Правдон

Несносно! но и тут я мене б огорчался,
Когда б лишь в малостях ленивым он остался;
Но, по несчастью, все, что есть на свете, он
Охотно рад отдать за праздность и за сон.
Из дела нашего то видно очень ясно:
Что я приказывал, что ни писал — напрасно.
Уж по́лгода почти решен мой криво спор,
А апелляции до сих не взнес он пор,
Хоть наше от того зависит состоянье.

Чеснов

О, я, сударь, к тому употребил старанье!
Прошенье принесет мой стряпчий через час;
Уж с месяц как оно готово, но без вас
С Лентулом и того я толку не добился,
Чтоб только подписать его он потрудился.
Признаться, важность всю знав дела я сего
И с ленью овладеть отчаявшись его,
За нужное почел, чтоб вы здесь были сами
И чтоб принудили вы Лентула делами
Заняться пристальней; притом же по делам
Успел я объяснить того суда судьям,

Куда из нижнего суда они поступят
И где уже судей дарами не подкупят,—
О вашей истине известен целый суд,
И чтоб оправить вас, лишь только дела ждут.

Правдон

Я слов, сударь, я слов довольно не имею,
Чтоб вас благодарить...

Чеснов

Я вас уверить смею,
Что дело здесь при вас пойдет другим путем.
По счастью, с многими я на суде знаком,
И только вас одних к тяжбе недоставало;
Но этого еще моим желаньям мало:
На лень лекарство то, чтобы не праздным жить,
Так непременно вновь мой должен друг служить.

Правдон

Раз десять я писал!

Чеснов

Мне это все известно,
И что со мной сходна мысль ваша, мне то лестно.
Мой дядя силен здесь; я сам его трудил,
И он стараньи все к тому употребил,
Но с ленью нашей мы три места прогуляли:
Я вытащить не мог...

Правдон

Вы мне о том писали.

Чеснов

Но, к счастью, новое я место отыскал,
И покровитель мой свое мне слово дал,
Что другу моему его он даст, конечно,
И если победит сложенье он беспечно,
То путь откроется и к чести и к чинам.
Все слажено; одна осталась трудность нам,
И трудность важная...

Правдон

Да что ж?

Чеснов

Мой друг ленивой!
С беспечностью его упрямой, нерадивой,
К министру я никак стащить его не мог;
Он у себя засел, как будто бы без ног,
И только делает пустые проволочки:
То поздо, то он слаб, то дай ему отсрочки.
Не раз его министр к себе напрасно ждал;
К несчастью, дяде я и ныне слово дал,
Чтоб с другом быть к нему, а он везет представить
Его к министру сам.— Но как мне то исправить?
Вы разве вступитесь?

Правдон

О, уверяю вас...

Чеснов

Так я б поехал с ним туда, и в сей же час
Все б дело кончилось.— Я этим, сударь, лыщуся...

Правдон

И просьбу я и власть употребить божуся.

Чеснов

Он вас послушает, а я никак не мог...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Правдон, Чеснов и Бурнай.

Бурнай

Тьфу, пропасть! новую четверку сбил я с ног!
Везде перебывал, а инде по два раза.
Ну, братец, твой сынок великая проказа!
Куда ни покажусь, лишь жалобы одни:
Ни у твоей, сударь, ни у моей родни
Он рожи не казал. Теперь такая брага...
Вся дядьев, тетушек и бабушек ватага
Всей стаей на него! — Ну, слышь ты, шум такой,
Что чуть ли не глухой уплелся я домой.
Ворчат, кричат, бранят, ругают и поносят,
Ну, только лишь татьбы на Лентула не взносят.
Родясь не споривал я столько никогда!

Правдон

Какого ж лучше ждать от лености плода?

Бурнай

А пуще всех моя несносная сестрица,
Графиня Седова, столетняя вдовица,
Грозилась дочери в наследстве отказать,
Когда не выбору ее мой будет зять.
Ну, что ты будешь с ней? Хоть нет у ней рассудка,
Да есть пять тысяч душ, а это ведь не шутка!
Лентула твоего со свету сгонит вон
За то, что у нее ни разу не был он.

Правдон

Признаться надобно, такое нераденье
Являет к старости одно лишь непочтенье.

Бурнай

Беда бы, кажется, хоть тут невелика,
Да у старух вить тот грешней еретика,
Кто редко ездит к ним, чтоб с ними для утехи
Играть или в лото, иль в карты на орехи.
Однако не крушись: я все уж окончал —
Поставил на своем и всех перекричал.
А так как надобно сестрицу позабавить,
То слово дал вину Лентулову поправить.
Старушка нынче ж всей родне дает обед,
Куда обоих вас через меня зовет.
Уже с полсотни там билетов разослали,
И, знаешь ли, как мы все дело окончали?
У ней, как у меня, все вмиг бы, да тотчас,
Чтоб ныне ввечеру сговору быть у нас.

Чеснов

Позвольте с счастием Лентула вас поздравить.

Правдон

Мой друг, я не успел еще тебе представить;
Вот Чеснов.

Бурнай

Это он? Позвольте вас обнять.
Я слышал все и рад короче вас узнать.

Чудак ваш друг нам тьму наносит огорченья,
Но по друге таком достоин он почтенья.
Молчите ж! не сказав Лентулу ничего,
Мы там нечаянно обрадуем его
За то, что давича от нас ему досталось.

(Смотря на часы)

Ба! да и время нам немного уж осталось!
Прибраться надобно скорей обоим нам,
Чтоб деревенщиной не показаться там.

Правдон

Да мы сбирались вить и так туда обедать.

Бурнай

Эх! .. мы вить к Сединой сбирались щей отведать,
Ан вышел из того сговорный, званый пир,
Так надо попышней нам показаться в мир.
Уже и так с утра я разрядил Прелесту
И вывезу ее ну прямо как невесту.

Правдон

Молчи, и мой чудак свое дал слово мне,
Что в пух разрядится он к будущей родне,
И с давишней поры засел за туалетом.

Бурнай

То можно нам детьми похвастать перед светом!
Уж прямо парочка...

Правдон

Когда б не эта лень,
То б, право, мой Лентул...

Бурнай

Молчи, не в час, так в день,
Не в день, так в месяц мы проказника исправим
И молодцом его ну хоть на смотр поставим.

Чеснов

Так к дяде поскачу сейчас я извинить
И друга и себя и дело объяснить.

Правдон

Нет, нет, сударь! успеть он должен прежде с вами,
А там откушать вы пожалуете с нами.

Бурнай

Так, так, да попросту! Чинов я не люблю.
Постойте ж, побегу, его потороплю.

Чеснов

Позвольте ж съездить мне пристойнее убраться.

Бурнай

Чтоб нашим бабушкам прелестней показаться.

Чеснов

У дяди дома я и попросту одет.

Бурнай

Смотри, не взбаламуть старух у нас, мой свет!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Правдон и Чеснов.

Чеснов

На празднике таком не ждал иметь я чести...

Правдон

Вернитесь же скорей, так все поедем вместе:
Через минуту наш оденется чудак.

Чеснов

Когда позволите, мы расположим так:
Через минуту я за Лентулом заеду;
Он съездит с дядею, и к званому обеду,
Все дело окончав, мы с ним успеем быть.

Правдон

Одно лишь только тут не надобно забыть:
Чтоб вместе всем отсель отправиться к графине.

Чеснов

Так точно.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Правдон и Бурнай.

Бурнай

Ну, мой друг, порадуйся о сыне!
Я знал, что будет путь, лишь в нем увидел страх.
Куда вся лень пошла? Ну, слышь, расчесан в прах.
Теперь лишь от него пошел мусье с гребенкой...

Правдон

Мусье!..

Бурнай

Да, да, француз — сухой, высокий, тонкой.
Ну, что ни говори, французам исполать:
Не только причесать, умеют растрепать.
Мы попусту, мой друг, на них кричим частенько;
Их только надобно распределять умненько.
Учить детей они у нас не мастера,
Зато уж лучшие портные, повара
И парикмахеры. Иной, как чудо, гадок —
А с их подправкою, как выточенный, гладок.
Вот давича Лентул — ну, точно был как зверь.
Взгляни-тко на него — как писаный теперь,
А только голова еще одна готова.
Эй! позовите дочь — мне только ей два слова
Скорее приказать.

< >

ПРИМЕЧАНИЯ

Академического издания полного собрания сочинений или отдельных произведений Крылова не существует до сих пор. Главной причиной, мешавшей появлению такого издания, следует признать особую, из ряда вон выходящую неразборчивость его скорописного почерка. В настоящем издании воспроизведены образцы подобных затрудненных для понимания (однако далеко не самых трудных) написаний Крылова, и, таким образом, читатель имеет возможность получить представление о трудностях, возникающих при исчерпывающей расшифровке черновых автографов Крылова. В результате неизученности этих автографов ряд текстов Крылова оставался неопубликованным; ряд текстов печатался в редакциях, отмененных автором; ряд текстов печатался в искаженном цензурой виде; ряд текстов печатался либо неполностью, либо с искажениями.

В настоящее время на основе полной расшифровки всех автографов Крылова и изучения цензурных архивных материалов впервые удалось устранить цензурные искажения из текста басен. Оказалось, что такие искажения могут быть устранены на основании всех полученных данных лишь в баснях «Парнас», «Слон в случае», «Вельможа (Богач) и Поэт» и «Белка». Басню «Рыбьи пляски» нельзя признать искаженной цензурой и подлежащей замене первоначальным (доцензурным) текстом басни «Рыбья пляска» в силу того, что «Рыбьи пляски» являются новым произведением, значительно превосходящим первоначальную редакцию как художественными достоинствами, так и идейной глубиной (см. комментарий к этой басне).

В издание включены:

а) все басни Крылова, за исключением большей части набросков, уместных лишь в академическом издании, и басен, приписываемых ему без достаточного основания;

б) все стихотворения Крылова, за исключением приписываемых ему без достаточного основания;

в) пьесы Крылова в стихах, за исключением трагедии «Филомела» (1793).

Басни в девяти книгах печатаются (за исключением басен «Вельможа и Поэт», «Пестрые Овцы» и «Белка» — VIII, 4) по последнему прижизненному изданию, подготовленному самим автором: «Басни И. А. Крылова в девяти книгах». СПб., 1843 (вышло в декабре 1843 года). Ошибки, вкравшиеся в это издание (выпадение

строк, опечатки), исправлены на основании исчерпывающего изучения всех прижизненных изданий басен Крылова и их автографов и авторизованных списков. Издания эти таковы (не считая журнальных публикаций, указанных в комментариях):

1) Басни Ивана Крылова. СПб., 1809, 54 стр. В издание вошли 23 басни.

2) Новые басни Ивана Крылова. СПб., 1811, 41 стр. В издание вошла 21 басня.

3) Басни Ивана Крылова. Вновь выправленные. Вторым тиснением. СПб., 1811, 42 стр. (см. № 1).

4) Басни Ивана Крылова. 3 части. СПб., 1815, 47, 41 и 41 стр. В издание вошло 70 басен.

5) Новые басни И. А. Крылова. Части 4 и 5. СПб., 1816, 39 и 37 стр. В издание, являющееся продолжением предыдущего, вошли 44 басни.

6) Три новые басни И. А. Крылова, читанные в торжественном собрании имп. Публичной библиотеки января 2 дня сего года. СПб., 1817, 13 стр.

7) Басни И. А. Крылова в шести частях. СПб., 1819, 114 и 95 стр. В издание вошло 139 басен.

8) Басни Ивана Крылова. В семи книгах. Новое, исправленное и пополненное издание. СПб., 1825, 312 стр. В издание вошло 165 басен.

9) Басни Ивана Крылова. В осьми книгах. Новое издание, исправленное и умноженное. СПб., 1830, 309 стр. В издание вошло 186 басен.

10) То же, издание меньшего формата. 371 стр.

11) Басни Ивана Крылова. В осьми книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. СПб., 1831, 266 стр.

12) Басни Ивана Крылова. В осьми книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. СПб., 1833, 296 стр.

13) Басни Ивана Крылова в осьми книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. СПб., 1834, 379 стр.

14) Басни Ивана Крылова. Части I—II. СПб., 1834, 187 и 167 стр.

15) Басни Ивана Крылова в восьми книгах. СПб., 1835, 410 стр.

16) Басни Ивана Крылова в восьми книгах. СПб., 1837, 410 стр.

17) Басни Ивана Крылова. В восьми книгах. СПб., 1840, 300 стр.

В изданиях № 11—17 количество басен не изменялось.

Источник текста остальных басен указывается в каждом отдельном случае.

Стихотворения Крылова впервые были собраны в первом Полном собрании сочинений Крылова, изданном в 1847 году под редакцией П. А. Плетнева. Плетнев использовал при этом рукописный свод произведений Крылова, изготовленный в 1795 году на бумаге 1794 года. В этот свод вошло 28 стихотворных и 6 прозаических произведений Крылова. Нужно полагать, что в 1795 году Крылов задумал издание избранных своих произведений. Стихотворения, опубликованные до 1795 года, в значительной части вошли в свод в переработанном виде. В дальнейшем текст ряда стихотворений подвергся новым и порою весьма существенным изменениям (стих.

«К счастью» и другие). Эти позднейшие переработки можно датировать ориентировочно 1796—1832 гг. (не позднее этого последнего года были сделаны исправления в «Оде первой, выбранной из псалма 17-го»; сделанные позднее, в 1833 году, четыре исправления в этой оде — в рукопись № 104 уже не вошли). Следует отметить, что этот ценнейший источник текста произведений Крылова после его использования Плетневым долгое время оставался недоступным для исследователей и лишь после поступления его в Рукописный отдел ГПБ в 1927 году был вновь введен в научный оборот С. М. Бабинцевым (см. его статью «Тетрадь стихов Крылова» в сборнике Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР «И. А. Крылов. Исследования и материалы». Под редакцией Д. Д. Благого и Н. Л. Бродского. М., 1947, стр. 252—267). С. М. Бабинцев установил ряд грубых искажений в опубликованных П. А. Плетневым текстах стихотворений Крылова. Таким образом, не только издание Плетнева, но и все последующие издания стихотворений Крылова до 1946 года, по указанной причине были неполноценными. Свод 1795 года (ГПБ, отдельные поступления 1927 года, № 104; в комментариях называется «рукописью № 104») впервые вновь был использован лишь при подготовке текста стихотворений для трехтомного юбилейного издания 1945—1946 годов. Однако и в этом издании редактор стихотворений Крылова недооценил значения найденной рукописи и трудностей, возникающих при ее изучении. В ряде случаев позднейшая правка Крылова не была введена редактором в текст стихотворений. Таким образом, лишь в настоящем издании стихотворения Крылова впервые появляются в соответствии с его последней волей.

Приводим перечень стихотворений, вошедших в рукопись № 104:

1) Ода первая, выбранная из псалма 17-го.
2) Ода вторая, выбранная из псалма 71-го.
3) Ода третья, выбранная из псалма <14-го>.
4) Ода четвертая, выбранная из псалма 96-го.
5) Ода пятая, выбранная из псалма 37-го.
6) Ода шестая, выбранная из псалма 93-го.
7) Ода седьмая, выбранная из псалма 51-го.
8) Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го.
9) На случай грозы в деревне.
10) К счастью.
11) К спящему дитяти.
12) Ода Уединение.
13) Письмо о пользе желаний.
14) Вечер.
15) Утешение. К Анюте по случаю запрещения французских товаров.
16) Ода Утро.
17) Избрание из «Песни Песней» Соломона.
18) Ода на случай фейерверка, сожженного 15 числа сентября 1793 г. <...>
19) Послание к другу моему.
20) На новый год. К надежде.
21) Ода Блаженство.

22) Мое оправдание. К Анюте.
23) Сонет. К Нине.
24) Ночь.
25) Послание о пользе страстей.
26) Отъезд из деревни.
27) К соловью.
28) Стихи, назначенные послать к Елизавете Ивановне Бенкендорф при портрете Екатерины II, писанном пером на образец гравировки.

Тексты всех стихотворений, публикуемых в настоящем издании, представлены в последних достоверных авторских редакциях. Источник текста оговаривается в комментариях к стихотворениям в каждом отдельном случае.

Комедия «Ленивый» печатается по единственному автографу (во всех предшествующих изданиях публиковавшемуся с рядом искажений). Публикация «Трумфа», в отличие от «Ленивого», вызывает известные трудности, в связи с чем его текст нельзя считать установленным окончательно. До обнаружения автографа или авторизованного списка «Трумфа» эта задача полностью разрешена быть не может. Ввиду того, что список № 793 из собрания П. Н. Тиханова, до сих пор считавшийся авторизованным, таковым не является, редактору пришлось идти по пути восстановления текста на основании всех сохранившихся списков.

Во всех разделах произведения Крылова расположены по возможности в хронологическом порядке. Исключением являются «Басни в девяти книгах», внутренний порядок которых определен самим Крыловым в изданиях 1840 (книги I—VIII) и 1843 (книга IX) годов. В связи с этим в издание включена хронологическая таблица написания басен, составленная Е. Б. Могилянской. По своему построению она в корне отличается от всех предшествующих опытов в этой области: в ней гипотетический элемент сведен к минимуму.

Выделение шести басен Крылова («Олень и заяц», «Роди́ны», «Сонливый», «Новопожалованный осел», «Картина» и «Обед у медведя») в особый раздел под названием «Басни, принадлежность которых Крылову не доказана» вызвано в большей мере осторожностью, чем сомнением в принадлежности их Крылову. Д статочно сказать, что басня «Роди́ны» является в значительной мере повторением (контаминацией) басен «Судьба игроков» и «Не во-время гости» («Недовольный гостьми стихотворец»), принадлежность которых Крылову уже установлена документально. Басни I и III—V также тесно примыкают к басням Крылова, опубликованным в журнале «Утренние часы» 1788 года, но принадлежность их Крылову менее очевидна. Принадлежность Крылову басни «Обед у медведя» сравнительно менее достоверна.

Ради экономии места в библиографических справках об изданиях небольшого объема, а также о сборниках басен Крылова и его «Полном собрании сочинений» 1847 года, страницы в комментариях не указываются.

Названия басен предшествовавших Крылову баснописцев приводятся лишь в тех случаях, когда басня баснописца имеет прямую связь или сходство с какой-нибудь басней Крылова.

Принятые сокращения

ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Рукописный отдел.

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом). Рукописный отдел (Ленинград).

Кеневич — В. Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова.

1-е издание — в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук», т. VI, СПб., 1869.

2-е издание — СПб., 1878.

Коплан — комментарий Б. И. Коплана к басням Крылова в большой серии «Библиотеки поэта», т. II, Л., 1937.

Рукопись № 104 — Крылов. Рукописный сборник произведений 1795 года. (ГПБ, Отдельные поступления, 1927, № 104.)

Степанов — комментарий Н. Л. Степанова к басням Крылова в третьем томе юбилейного Полного собрания сочинений (М., 1946).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

ГИБ — Государственная историческая библиотека (Москва).

БАСНИ

БАСНИ В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Книга первая

I. Ворона и Лисица. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 1.

В русской литературе эту тему в басне разрабатывали В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков и М. М. Херасков; в зарубежных литературах — Эзоп, Федр, Лафонтен.

II. Дуб и Трость. Впервые — «Московский зритель», 1806, № 1, вместе с басней «Разборчивая Невеста».

Сходные темы до Крылова разрабатывали А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин, Н. П. Николев и И. И. Дмитриев и в зарубежных литературах — Эзоп и Лафонтен. Басня неоднократно перерабатывалась автором; окончательный текст ее был установлен в издании 1830 года.

III. Музыканты. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 15.

Последние два стиха представляют собою обработку народной пословицы.

IV. Ворона и Курица. Впервые — «Сын отечества», 1812, № 8, под названием «Ворона».

Басня посвящена московским событиям начала сентября 1812 года. Можно предполагать, что в конце басни речь идет, между прочим, и о Наполеоне. *Смоленский Князь* — титул, присвоенный М. И. Голенищеву-Кутузову после сражения под Красным, закончившегося 6 ноября 1812 года.

V. Ларчик. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 6.

VI. Лягушка и Вол. Впервые (без нравоучения) — «Драматический вестник», 1808, № 2. Нравоучение впервые напечатано в «Баснях» 1815 года, часть I.

По теме связана с баснями Сумарокова («Лягушка» и «Возгордевшая Лягушка») и Лафонтена («Лягушка, хотевшая сделать себя такой же большой, как бык»), восходящими к Федру и Горацию.

VII. Разборчивая Невеста. Впервые — «Московский зритель», 1806, № 1.

Обработка басни Лафонтена «Девушка». До Крылова в русской литературе к этой теме обращался Д. И. Хвостов («Разборчивая невеста»).

VIII. Парнас. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 16. В дальнейшем в связи с распоряжением по цензурному ведомству от 19 апреля 1808 года перепечатывалась в сокращенном виде, без вступления. Приводим текст последнего:

Как в Греции богам пришли минуты грозны
И стал их колебаться трон,
    Иль, так сказать, простее взявши тон,
    Как боги выходить из моды стали вон,
    То начали богам прижимки делать розны:
    Ни храмов не чинить, ни жертв не отпускать;
    Что боги ни скажи, всему смеяться,
    И даже, где они из дерева случатся,
Самих их на дрова таскать.
Богам худые шутки:
Житье теснее каждый год!
И наконец им сказан в сутки
Совсем из Греции поход.
Как ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы;
    Но это не конец: давай с богов лупить
    Всё, что они успели накопить;
Не дай бог из богов разжаловану быть!
Угодьи божески миряна расхватали.
    Когда делить их стали,
    Без дальних выписок и слов,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали.

Это вступление в первом отдельном издании «Басен» было заменено тремя строками (из которых третья повторяет последнюю строку вступления).

IX. Оракул. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 22. См. комментарий к басне «Вельможа» (IX, 11).

X. Василек. Впервые — «Сын отечества», 1823, № 25.

В басне выражена благодарность Крылова императрице Марии Федоровне за приглашение отдохнуть в ее павловской резиденции. Приглашение было вызвано тяжелым заболеванием Крылова. Ирония К. Ф. Рылеева по этому поводу выражена в острой эпиграмме:

Нет одобрения талантам никакого:
В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
Едва напомнил паралич.

Однако басню Рылеев перепечатал в своей «Полярной звезде» на 1824 год.

XI. Роща и Огонь. Впервые — в «Баснях» 1809 года.

XII. Чиж и Еж. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1815, кн. 17.

Басня является откликом на вступление русских войск в Париж, состоявшееся 19 марта 1814 года.

В. В. Каллаш обратил внимание на близкую связь басни с стихотворением Карамзина «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду великой Екатерине» (1793).

XIII. Волк и Ягненок. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 24.

До Крылова эта тема в басне разрабатывалась Эзопом, Федром, Лафонтеном, Тредиаковским и Сумароковым.

XIV. Обезьяны. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 12.

Басня направлена против подражания французам, усилившегося после Тильзитского мира (8 июля 1807 года). Крыловым была, между прочим, использована заметка об африканских обезьянах, напечатанная в журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» в 1785 году (№ 31), о чем свидетельствует совпадение деталей статьи и басни.

XV. Синица. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. 4.

В основе басни — русская народная пословица.

XVI. Осел. Впервые — в «Баснях» 1815 года, ч. III.

XVII. Мартышка и Очки. Впервые — в «Баснях» 1815 года, ч. III.

Как указал Б. И. Коплан, некоторую связь с басней имеет анонимная басня «Очки», вошедшая в сборник «Басни в стихах и прозе, выбранные из лучших писателей» (М., 1793).

XVIII. Два Голубя. Впервые — в «Баснях» 1809 года.

До Крылова эту тему разрабатывали Лафонтен (заимствовавший ее из персидской литературы), Сумароков, Хвостов и Дмитриев.

XIX. Червонец. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. 5.

В. Ф. Кеневич ставил басню в связь с докладом министра народного просвещения графа А. К. Разумовского от 25 мая 1811 года, в котором, между прочим, говорилось: «В отечестве нашем давно

простерло корни свои воспитание, иноземцами сообщаемое... Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране, для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему и в недрах России из россиян образуют иностранца» («Полное собрание законов Российской империи», т. XXXI, № 24647).

XX. Троеженец. Впервые — «Сын отечества», 1814, № 27.

Басня вызвана бракоразводным процессом военного историка Е. Б. Фукса, в 1810 году обвенчавшегося с А. П. Аничковой, не оформив развода со своей второй женой, Луизой Едовской. По прошению Едовской 14 апреля 1814 года последовал указ императора Александра I о рассмотрении ее дела в общем собрании сената «без очереди и немедленно». Дело слушалось в тот же день. Однако окончательно решено дело было лишь в 1822 году: императорским указом второй брак Фукса был восстановлен.

XXI. Безбожники. Впервые — в «Баснях» 1815 года, ч. III.

XXII. Орел и Куры. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 45.

Сходный замысел был осуществлен Дмитриевым в басне «Орел и каплун» (1806).

Книга вторая

I. Лягушки, просящие царя. Впервые — в «Баснях» 1809 года.

До Крылова эту же тему в басне разрабатывали Эзоп, Лафонтен и В. И. Майков.

II. Лев и Барс. Впервые — в «Баснях» 1815 года, ч. III.

III. Вельможа и Философ. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1815, кн. XVI.

По предположению акад. Я. К. Грота, басня направлена против графа Д. И. Хвостова, ставшего деятельным членом Беседы любителей русского слова.

IV. Мор Зверей. Впервые — в «Баснях» 1809 года.

До Крылова эта тема разрабатывалась в басне Лафонтеном и в русской литературе Н. В. Леонтьевым, Я. Б. Княжниным, Д. И. Хвостовым и Д. П. Горчаковым.

V. Собачья дружба. Впервые — в «Баснях» 1815 года, ч. III.

По предположению В. Ф. Кеневича, басня имеет в виду безуспешность мирных проектов Венского конгресса (май — июнь 1815 года).

VI. Раздел. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. VIII.

Возможно, что басня направлена против сведения личных счетов в среде администрации и военного командования (или в среде крупного дворянства вообще) после вторжения армии Наполеона в пределы России. На черновой рукописи басни имеется набросок профиля, напоминающего внешность московского губернатора графа Ф. В. Растопчина.

VII. Бочка. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1815, кн. XVI.

Басня предостерегает против чуждого национальным интересам России космополитического воспитания, осуществлявшегося педагогами-иностранцами. Ср. комментарий к басням «Червонец» и «Воспитание Льва».

VIII. Волк на псарне. Впервые — «Сын отечества», 1812, № 2.

Басня представляет собою важнейший из откликов баснописца на Отечественную войну против наполеоновской армии. В образах Ловчего и Волка изображены великий русский полководец М. И. Голенищев-Кутузов и Наполеон. Непосредственным поводом к написанию басни явились попытки Наполеона, находившегося в Москве, заключить выгодный для престижа его армии мир. См. комментарий к незаконченной басне о самонадеянном осле.

IX. Ручей. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. V.

X. Лисица и Сурок. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XI.

XI. Прохожие и Собаки. Впервые — в «Баснях» 1815 года, ч. III.

По предположению Б. И. Коплана, басня направлена против М. Т. Каченовского, давшего отрицательный отзыв о «Баснях» Крылова. См. комментарий к басне «Свинья» (III, 16).

XII. Стрекоза и Муравей. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 34.

До Крылова эту тему в басне разрабатывали Эзоп, Лафонтен и русские баснописцы Сумароков, Хемницер и анонимные авторы в журнале «Прохладные часы» (1793).

XIII. Лжец. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. V.

Сходную тему в русской литературе в баснях разрабатывали Сумароков («Хвастун», «Господин лжец»), Хемницер и В. А. Левшин.

XIV. Орел и Пчела. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XIII.

XV. Заяц на ловле. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XIII.

XVI. Щ у к а и К о т. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XIII.

По свидетельству Ф. Ф. Вигеля (Воспоминания. М., 1893, ч. IV, стр. 81), басня направлена против адмирала П. В. Чичагова (1765—1849), упустившего возможность захватить в плен Наполеона во время переправы его через Березину (14/26 ноября 1812 года).

XVII. В о л к и К у к у ш к а. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XIII.

XVIII. П е т у х и Ж е м ч у ж н о е З е р н о. Впервые — в «Баснях» 1809 года.

Сходные темы до Крылова в баснях разрабатывали Федр, Лафонтен, Тредиаковский, Сумароков, Хвостов и А. П. Бенитцкий.

XIX. К р е с т ь я н и н и Р а б о т н и к. Впервые — в «Баснях» 1815 года, ч. III.

XX. О б о з. Впервые — «Сын отечества», 1812, № 7.

В образе «доброго коня» показан М И. Голенищев-Кутузов, его осторожность и выдержка в войне против Наполеона. Поведение «лошади молодой» изображает неверную военную тактику, применения которой требовал Александр I.

XXI. В о р о н е н о к. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

Сходные темы в басне до Крылова разрабатывали Эзоп, Лафонтен, Сумароков, А. Л. Дубровский и Хвостов. Я. К. Грот отметил связь басни с двенадцатым письмом «Почты духов».

XXII. С л о н н а в о е в о д с т в е. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 79.

XXIII. О с е л и С о л о в е й. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. I.

Басня направлена против министра народного просвещения графа А. К. Разумовского, рекомендовавшего Крылову учиться искусству басни у И. И. Дмитриева (ср. Кеневич, изд. 2, стр. 84).

Книга третья

I. О т к у п щ и к и С а п о ж н и к. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

Эту тему в басне до Крылова разрабатывали Лафонтен, Сумароков, Хвостов и анонимный баснописец 1788 года.

II. К р е с т ь я н и н в б е д е. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

III. Х о з я и н и М ы ш и. Впервые — «Цветник», 1809, № 6.

IV. С л о н и М о с ь к а. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 85.

Н. Л. Степанов отметил близость басни к притче Сумарокова «Мышь и Слон». Ср. также сатиру Крылова «Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума» (1792).

V. Волк и Волчонок. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

VI. Обезьяна. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

В. Ф. Кеневич отметил близость басни к притче Сумарокова «Пахарь и Обезьяна».

VII. Мешок. Впервые — «Цветник», 1809, № 7.

Басня близка к басне Хемницера «Барон», являющейся развитием притчи Геллерта «Пожалованный в бароны мещанин». Ср. также эпизод повести Крылова «Каиб».

VIII. Кот и Повар. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. VIII.

IX. Лев и Комар. Впервые — в «Баснях» 1809 года.

Эту тему в басне до Крылова разрабатывали Эзоп, Лафонтен, А. Л. Дубровский, Дмитриев и аноним в «Друге просвещения», 1806.

X. Огородник и Философ. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. I.

Басня связана с полемикой о сравнительных достоинствах сохи и плуга, относящейся к 1806—1808 годам. Содержание ее в основном направлено против увлечения теориями, не проверенными на практике.

XI. Крестьянин и Лисица. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

XII. Воспитание Льва. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

Как указал уже В. Ф. Кеневич, басня имеет в виду характер воспитания Александра I швейцарцем Лагарпом.

XIII. Старик и трое Молодых. Впервые — «Московский зритель», 1806, № 2.

До Крылова эту тему разрабатывали Абстемиус, Лафонтен и Хвостов.

XIV. Дерево. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

В. Ф. Кеневич отметил сходство басни с одноименной басней Хемницера.

XV. Гуси. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. I.

Ср. «Почта духов», письма 37 и 45, а также сатиру Крылова «Похвальная речь в память моему дедушке» (1792).

XVI. Свинья. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

Басня направлена против М. Т. Каченовского, подвергшего придирчивой критике первый сборник басен Крылова (1809).

XVII. Муха и Дорожные. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 63.

Сходные темы в басне до Крылова разрабатывали Эзоп, Федр, Лафонтен, Сумароков и Дмитриев.

XVIII. Орел и Паук. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. V.

XIX. Лань и Дервиш. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1815, кн. XVII.

Ср. басню «Добрая Лисица» (IV, 19).

XX. Собака. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

XXI. Орел и Крот. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

Комментарий Б. И. Коплана: «Корни дуба, по которым можно узнать, здорово ли дерево, символизируют в этой басне (как и в басне «Листы и Корни») социальные низы, питающие «ствол» государственного управления» (II, стр. 296).

Книга четвертая

I. Квартет. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

Басня связана с преобразованием государственного совета (1810). Департаменты совета были возглавлены графом П. В. Завадовским, князем П. В. Лопухиным, графом А. А. Аракчеевым и графом Н. С. Мордвиновым. «Известно, что продолжительным прениям о том, как их рассадить, и даже нескольким последовавшим пересадкам, мы обязаны остроумною басню Крылова «Квартет» (М. А. Корф. Жизнь графа М. М. Сперанского. СПб., 1861, ч. I, стр. 118).

Известное из воспоминаний Ф. Ф. Вигеля иное толкование басни, связывающее ее с открытием в Петербурге в 1811 году Беседы любителей русского слова, неосновательно, так как первое публичное заседание Беседы состоялось (14 марта 1811 года) позже написания басни.

II. Листы и Корни. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. IV.

Уже В. Ф. Кеневич писал: «Нельзя не видеть, что под корнями, роющимися в земле, Крылов разумел крепостных крестьян» (изд. 2, стр. 87).

III. Волк и Лисица. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

Басня связана с русскими пословицами (например, «Что гнило, то попу в кадило», в сборнике И. М. Снегирева) и сказками о лисице и волке.

IV. Бумажный Змей. Впервые — «Сын отечества», 1814, № 2.

V. Лебедь, Щука и Рак. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

Басня вызвана разногласиями среди членов государственного совета. См. комментарий к басне «Квартет» (IV, 1).

VI. Скворец. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

В. В. Каллаш указал на сходство басни с басней Н. П. Николева «Соловей и Скворец».

VII. Пруд и Река. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

VIII. Тришкин кафтан. Впервые — «Сын отечества», 1815, № 27.

Во второй из первоначальных редакций басни изображена яркая сцена преследования крепостного Тришки его помещиком-князем:

У Тришки на локтю кафтан продрался.
«Подл<ец ты,> пьяница, бездельник! — разъярясь
Кричит боярин (он был князь).—
Чтоб эдак на глаза ты мне не попадался!»

(ГПБ, № 58).

В редакциях третьей и четвертой кафтан (плащ) принадлежит помещику.

IX. Механик. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

X. Пожар и Алмаз. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

Басня является непосредственным откликом на московский пожар 1812 года. Расширительно используя образ пожара (пожар — война), она противопоставляет разрушительный характер наполеоновских завоевательных устремлений мирному, скромному и созидательному духу русского народа.

XI. Пустынник и Медведь. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 17.

Сходную тему до Крылова в басне разрабатывали Лафонтен, Сумароков, Н. Смирнов (1790) и анонимные баснописцы 1784—1793 годов.

XII. Цветы. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

XIII. Крестьянин и Змея. Впервые — «Сын отечества», 1813, № 39.

Басня развивает мотивы басни «Червонец» (см. комментарий к ней) в связи с новыми историческими условиями и высоким патриотизмом русских во время Отечественной войны 1812 года.

XIV. Крестьянин и Разбойник. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

XV. Любопытный. Впервые — «Сын отечества», 1814, № 40.

XVI. Лев на ловле. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 12, под названием «Лев, собака, лисица и волк».

Сходные темы до Крылова в басне разрабатывали Эзоп, Федр, Лафонтен, Тредиаковский, Сумароков, Хемницер, В. И. Майков и Державин.

XVII. Конь и Всадник. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V. В издании 1825 года помещена на первом месте и снабжена иллюстрацией.

По основному мотиву басня близка стихотворению Державина «Колесница» (1793). Вместе с тем она отражает характерные для Крылова воззрения на роль государства и государственной власти (см. также басни «Колос», «Рыбьи пляски», «Крестьянин и Лошадь» и комментарий к «Рыбьим пляскам»).

XVIII. Крестьяне и Река. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

По яркости и четкости социальных обобщений басня принадлежит к крупнейшим созданиям Крылова. Под «речками и ручейками» можно подразумевать поместное дворянство и местные (губернские) власти, под «рекой» — центральную власть феодальной монархии, под «крестьянами» — в первую очередь русское крепостное крестьянство. Басня является важным этапом на пути создания «Рыбьих плясок».

XIX. Добрая Лисица. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1815, кн. XVII.

Ср. басню «Лань и Дервиш» (III, 19).

XX. Мирская сходка. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

Ср. басню «Волки и Овцы» (IX, 5).

Книга пятая

I. Демьянова уха. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. XI.

Басня направлена против бесталанного поэта графа Д. И. Хвостова и некоторых других членов Беседы любителей русского слова, обременявших слушателей чтением своих стихотворений и требовавших опубликования их в «Чтении» Беседы.

II. Мышь и Крыса. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

III. Чиж и Голубь. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Сходная тема разработана Федром («Воробей и Заяц»).

IV. Водолазы. Впервые — в книге «Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года, с читанными при оном сочинениями и разными до сего случая относящимися сведениями, к которым приобщено историческое известие о сем книгохранилище» (СПб., 1814).

Басня носит на себе следы идейного воздействия А. Н. Оленина, директора Публичной библиотеки, оказывавшего Крылову многообразную помощь, но требовавшего от него, в свою очередь, идейного смирения и следования по начертанному им, Олениным, пути Наличие заданной программы в басне очевидно из следующих слов Оленина: «Желание достичь до истинного познания вещей похвально и полезно, когда оно управляется здравым и твердым рассудком не преходя границ, положенных природою уму человеческому; напротив того, сие стремление вредно и даже пагубно, когда оно не обуздано и руководствуется единою гордостию ума.— Основываясь на сей истине, г. помощник библиотекаря Крылов взял на себя труд написать приличный сему предмету аполог» («Описание торжественного открытия...», стр. 17).

V. Госпожа и две Служанки. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

До Крылова сходную тему разрабатывали Эзоп, Лафонтен, Тредиаковский, Сумароков («Пряхи») и Хвостов.

VI. Камень и Червяк. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

VII. Медведь у пчел. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

VIII. Зеркало и Обезьяна. Впервые — «Сын отечества», 1816, № 1.

Сходная тема в басне разрабатывалась до Крылова Сумароковым, Херасковым и С. А. Тучковым. Ср. также десятое письмо «Почты духов».

IX. Комар и Пастух. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Басня сходна с начальным эпизодом латинской поэмы первого века до нашей эры «Комар», приписывавшейся перу молодого Вергилия.

X. Крестьянин и Смерть. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 81.

До Крылова эту тему в басне разрабатывали Эзоп, Лафонтен, Тредиаковский, Сумароков, Державин, П. П. Сумароков и Хвостов.

XI. Рыцарь. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

XII. Тень и Человек. Впервые — «Сын отечества», 1814, № 11.

Сходную тему в русской басне использовал Хемницер («Дурак и Тень»).

XIII. Крестьян и Топор. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

XIV. Лев и Волк. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

XV. Собака, Человек, Кошка и Сокол. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Сходная тема разрабатывалась в басне Эзопом и Федром. Басня последнего «Дорожные и разбойник» в 1764 году была переведена И. С. Барковым.

XVI. Подагра и Паук. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.

Эту же тему до Крылова в басне разрабатывали Лафонтен, Тредиаковский и Хвостов. Она восходит к одному из латинских посланий Петрарки.

XVII. Лев и Лисица. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

Перевод басни Эзопа под тем же заглавием.

XVIII. Хмель. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Комментарий Б. И. Коплана: «Заключение басни содержит намек на придворные круги с их раболепными льстецами, фаворитами и интриганами» (II, стр. 303). *Случай* — фавор (*случайный* человек — фаворит, временщик).

XIX. Слон в случае. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

После издания 1825 года по цензурным условиям была переработана, но подтверждающих документов не сохранилось. В первоначальной редакции стихи 19—22 читались так:

Ушами хлопая, «чем мог он полюбиться?
Послушайте ж меня, я рад божиться:
Не будь лишь у него таких больших ушей,
Так двор бы и не знал о нем, ей-ей!»

Басня, наряду с «Мором Зверей», в этой первоначальной редакции принадлежит к наиболее резким выпадам Крылова против царя и придворных кругов.

XX. Туча. Впервые — «Сын отечества», 1815, № 29.

Комментарий В. Ф. Кеневича: «Рассказывают, и мы это слышали с разных сторон, будто Крылов написал эту басню по поводу пожалования аренды псковскому губернатору во время всеобщего голода в этой губернии» (изд. 2, стр. 158). Гражданским губернатором в Пскове в эти годы был князь П. И. Шаховской (1764—1827). Голод среди крестьян Псковской губернии был зимой 1811/12 года. Однако никаких данных о пожаловании Шаховскому аренды архивными разысканиями до сих пор обнаружить не удалось. Известно лишь, что в августе 1812 года Шаховской был

пожалован чином тайного советника. В то же время правильность сообщения В. Ф. Кеневича подтверждается письмом Шаховского министру внутренних дел С. К. Вязмитинову от 31 января 1813 года, в котором он, между прочим, сообщал: «...доходят до меня однакож от некоторого времени слухи, развеваемые в Санктпетербурге на счет мой с изобретением разного рода ложных толков...» (ЦГИАЛ, ф. 1284). Разыскания по материалам Псковского областного архива любезно произведены старшим научным сотрудником Н. А. Малевановым.

XXI. Клеветник и Змея. Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1815, кн. XVII.

В издании 1825 года была исключена следующая часть введения (строки 6—14), направленная против Наполеона:

В каком-то торжестве в аду
Для дня рождения Аттилы иль Нерона,
Иль может быть Наполеона,
Боюсь сказать,
Чтоб не солгать;
Да, впрочем, все равно: известно, дни такие
У Сатаны
Все в табель включены,
И торжества для них уставлены большие.
Так в торжестве таком,
Готовясь в ход, *и т. д.*

В. Ф. Кеневич сопоставил басню с русской пословицей «Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь».

XXII. Фортуна и Нищий. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

XXIII. Лягушка и Юпитер. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Басня направлена против эгоизма поместного дворянства. В. Ф. Кеневич отметил связь с русскими поговорками: «Мне что до кого? — Было б нам хорошо», «Мне хоть весь свет гори, только бы я жив был», и др.

XXIV. Лиса-строитель. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

XXV. Напраслина. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Акад. В. Н. Перетц в 1901 году установил связь басни с одной из прозаических притч книги «Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии» (М., 1769, стр. 112—113). В. Ф. Кеневич отметил связь басни с русской пословицей «На лукавого только славу пускают, а сами грешат».

XXVI. Фортуна в гостях. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Книга шестая

I. Волк и Пастухи. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. V.

Обработка басни Эзопа, носящей то же название. До 1816 года переводов этой басни на русский язык не существовало, что, повидимому, свидетельствует о занятиях Крылова древнегреческим языком до марта 1816 года.

II. Кукушка и Горлинка. Впервые — в брошюре «Три новые басни» 1817 года.

III. Гребень. Впервые — в издании «Чтение в торжественном собрании имп. Российской академии» 1818 года.

IV. Скупой и Курица. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

Тема, намеченная в басне Лафонтена «Курица с золотыми яйцами», Крыловым развита самостоятельно.

V. Две Бочки. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

VI. Алкид. Впервые — в издании «Чтение в торжественном собрании имп. Российской академии» 1818 года.

Обработка басни Эзопа «Геракл и Афина», до этого на русский язык не переводившейся. *Алкид* — Геракл.

VII. Апеллес и Осленок. Впервые — «Сын отечества», 1816, № 37.

В лице Осленка изображен поэт П. А. Катенин (1792—1853). По свидетельству Н. И. Греча, Катенин «преважно сказал, что ему Крылов (который действительно раза два зазывал его к себе) надоел своими вечными приглашениями» (Кеневич, изд. 2, стр. 174). *Апеллес* — греческий живописец IV века до нашей эры. *Мидас* — фригийский царь, наделенный Аполлоном ослиными ушами за предпочтение им музыкального таланта Пана (по другому мифу — Марсия).

VIII. Охотник. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

IX. Мальчик и Змея. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

Перевод басни Эзопа под тем же названием.

X. Пловец и Море. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

Переработка басни Эзопа «Потерпевший кораблекрушение и Море».

XI. Осел и Мужик. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

XII. Волк и Журавль. Впервые — в «Новых баснях» 1816 года, ч. IV.

Обработка широко распространенной, в том числе в России, басенной темы, представленной еще басней Эзопа под тем же названием.

XIII. Пчела и Мухи. Впервые — «Северный наблюдатель», 1817, № 4.

XIV. Муравей. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

XV. Пастух и Море. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

Коренная переработка басни Лафонтена «Пастух и Море», восходящей к басне Эзопа под тем же названием.

XVI. Крестьянин и Змея. Впервые — «Журнал древней и новой словесности», 1818, кн. 2.

XVII. Лисица и Виноград. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 80 (вышел из печати не ранее 20 марта 1809 года)

Обработка широко распространенной, в том числе в России, басенной темы, восходящей к басне Эзопа под тем же названием.

XVIII. Овцы и Собаки. Впервые — «Журнал древней и новой словесности», 1818, кн. 1.

Басня подготовила создание «Пестрых Овец».

XIX. Медведь в сетях. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

Во второй половине басни использована басня Эзопа «Медведь и Лисица». Ср. русскую пословицу «Присмирел, что волк под рогатиной».

XX. Колос. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

XXI. Мальчик и Червяк. Впервые — в «Баснях» 1819 года.

XXII. Похороны. Впервые — в брошюре «Три новые басни И. А. Крылова» (1817).

В 1816 году (28 октября) была прочитана Ф. Ф. Кокошкиным в Обществе любителей российской словесности при Московском университете (см. «Труды Общества», ч. VIII. М., 1817, стр. 100).

XXIII. Трудолюбивый Медведь. Впервые — «Журнал древней и новой словесности», 1818, кн. 4.

По весьма основательному предположению ст. научного сотрудника ГПБ Д. Д. Шамрая, замысел басни связан с повелением императора Александра I ускорить ход составления каталогов в Публичной библиотеке, в которой с января 1812 года служил баснописец. Повеление это относится к 18 марта 1817 года. 24 марта оно было сообщено министром народного просвещения А. Н. Голицыным директору библиотеки А. Н. Оленину (ЦГИАЛ, фонд 733, опись 15, ед. 47). Ближайшим поводом к написанию басни явился дополнительный приказ А. Н. Голицына принять меры «к поспешнейшему производству сего дела» (17 августа 1818 года; см. архив ГПБ, 1817, дело № 5).

XXIV. Сочинитель и Разбойник. Впервые — в брошюре «Три новые басни И. А. Крылова» (1817).

В 1819 году басня была впервые истолкована как направленная против Вольтера («Сын отечества», № 22, стр. 136—137). В связи с переводом басни на французский язык (1823) это толко-

вание получило широкое распространение и сделалось предметом полемики. В 1824 году Я. Н. Толстой выпустил в Париже брошюру, в которой указывал на неправильность сближения басни с именем великого французского поэта и мыслителя. По свидетельству известного поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Крылов был с этим согласен («Хроника недавней старины». СПб., 1876, стр. 253). *Мегера* — одна из трех эриний (богинь мщения в древнегреческой мифологии).

XXV. Ягненок. Впервые — в «Баснях» 1819 года.
Басня обращена к Анне Алексеевне Олениной (впоследствии Андро, 1808—1888).

Книга седьмая

I. Совет Мышей. Впервые — в «Новых баснях» 1811 года.
По убедительному предположению Н. Л. Степанова, басня связана с преобразованием в январе 1810 года Государственного совета (ср. комментарий к басням «Квартет» и «Лебедь, Щука и Рак»).

II. Мельник. Впервые — «Полярная звезда» на 1825 год.

III. Булыжник и Алмаз. Впервые — «Северная пчела», 1825, № 1.

IV. Мот и Ласточка. Впервые — в издании «Чтение в торжественном собрании имп. Российской академии», 1818.
Коренная переработка басни Эзопа «Молодой человек и Ласточка». Образ мота близок к образу героя древнерусской поэмы «Повесть о горе и злочастии» (опубликована впервые в 1856 году по единственному дошедшему до нас списку) и народной песни о горе. Ср. пословицу «Одна ласточка весны не делает».

V. Плотичка. Впервые — в «Баснях» 1825 года.
Написана для одного из племянников Е. М. Олениной, урожденной Полторацкой.

VI. Крестьянин и Змея. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

VII. Свинья под Дубом. Впервые — «Северная пчела», 1825, № 5.
Сходные темы до Крылова разрабатывали Эзоп («Пешеходы и Явор»), Лессинг («Дуб и Свинья»), М. Базилевичева, В. Папышев и ряд других баснописцев. По предположению Н. Л. Степанова, басня направлена против М. Т. Каченовского (Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. М., 1949). Ср. комментарий к басням «Свинья» (III, 16) и «Голик» (VII, 15).

VIII. Паук и Пчела. Впервые — в «Баснях» 1825 года.
Сходные темы до Крылова разрабатывали Гольберг («Пчела и Паук»), Геллерт («Паук»), Д. И. Фонвизин, М. Матинский и ано-

нимный автор 1779 года («Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», ч. I, стр. 235).

IX. Лисица и Осел. Впервые — «Северные цветы» на 1825 год.

Переработка басен Эзопа («Старый Лев») и Федра («Старый Лев, Вепрь, Вол и Осел»), легших в основу также и басни «Лев состаревшийся» (см. комментарий к этой басне).

X. Муха и Пчела. Впервые — «Северные цветы» на 1825 год.

Сходную тему разрабатывали до Крылова Федр («Муравей и Муха»), Лафонтен («Муха и Муравей») и в русской литературе Тредиаковский («Муха и Муравей»).

XI. Змея и Овца. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

XII. Котел и Горшок. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

Обработка басенной темы, восходящей к басне Эзопа «Горшки». До Крылова в русской литературе эту тему разрабатывали Сумароков и А. П. Бунина.

XIII. Дикие Козы. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

Коренная переработка басни Эзопа «Пастух и Козы».

XIV. Соловьи. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

По свидетельству В. А. Олениной, басня написана «для батюшки Алек. Никол. Оленина» («Литературный архив» П. А. Картавова, СПб., 1902, стр. 75). О взаимоотношениях Крылова с Олениным см. комментарий к басне «Водолазы» (V, 4). Смысл басни, изображающей в виде Соловья самого автора, а в виде птицелова А. Н. Оленина, раскрыт Н. Л. Степановым (Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. М., 1949).

XV. Голик. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

Ф. В. Булгарин писал: «Крылов никогда и никому не рассказывал, по какому случаю написана им какая басня, но когда близкий или приятный ему человек сообщал ему свою догадку, он отрицал таким образом, что отрицание его можно было принять за подтверждение догадки. «Быть может, и похоже!» — говорил Крылов. «Случай, и только! . .» Только от подлинного смысла басни «Голик» Крылов не отпирался» («Северная пчела», 1845, № 9). Н. Л. Степанов правильно ставит басню в связь с появлением в журнале М. Т. Каченовского «Вестник Европы» анонимной статьи Н. С. Арцыбышева «О свойствах царя Иоанна Васильевича» (1821, № 18), направленной против «Истории государства российского» Н. М. Карамзина (Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. М., 1949). Ср. также комментарий к басням «Свинья» (III, 16) и «Свинья под Дубом» (VII, 7).

XVI. Крестьянин и Овца. Впервые — «Полярная звезда» на 1823 год.

Ранняя редакция (под заглавием «Овца») сохранилась в письме Крылова к А. А. Оленину от 25 июля 1821 года.

В. Г Белинский особенно высоко ценил эту басню, полагая, что она «едва ли не лучшая из всех басен Крылова» («Отечественные записки», 1844, № 2, отд. VI, стр. 51).

XVII. Скупой. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

В первоначальной редакции, кроме Скупого и Домового, в басне фигурирует приятель последнего, также домовой. Приводим эту часть первоначальной редакции (стихи 17—29):

Вот он к приятелю, такому <ж> домовому,
В беде своей открылся наконец.
Приятель говорит — какой глупец!
Лекарство у тебя не выходя из дому.
Хозяин твой и скряга и скупец,
Так деньги ты ему отдай не в сбереженье,
А во владенье.
Короче — просто подари,
А как умрет, назад их отбери.
И в том тебя могу я успокоить,
Что это ни рубля тебе не будет стоить.
Поверь ты мне, приятель мой,
Дешевле сторожа не сыщешь, как скупой.
Послушался совета домовой.

*(Рукописный отдел ИРЛИ,
архив И. А. Крылова, № 60).*

Уже В. Ф. Кеневич обратил внимание на связь басни с народными пословицами («Что скупому в руки попало, то и пропало», «В могилу глядит, а над копейкой дрожит»). Близка по теме басня И. Ф. Богдановича «Скупой».

XVIII. Вельможа и Поэт. Впервые — под заглавием «Богач и Поэт» в «Северных цветах» на 1825 год.

Различие между цензурной и доцензурной редакциями сводится лишь к первым трем стихам:

С великим Богачом Поэт затеял суд,
И Зевса умолял он за себя вступиться.
Обоим велено на суд явиться.

Следовательно, образ Вельможи под воздействием цензуры был превращен Крыловым в Богача механически, без какой-либо переработки образа по существу. Нами восстановлена доцензурная редакция по беловому автографу (ИРЛИ, № 3).

XIX. Волк и Мышонок. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

В первоначальной редакции нравоучение было продолжено следующим образом:

Хлопочет,
Рад город весь поднять верх дном,
А этого и вспомнить он не хочет,
Что сам имение всё нажил грабежом.

В несколько измененном виде это окончание было зачеркнуто, по не вполне ясным мотивам, в позднейшей редакции.

Б. И. Коплан указал на связь нравоучения басни с рассказом о судье, помещенным в новиковском «Живописце» (СПб., 1775, ч. I, стр. 36—42).

XX. Два Мужика. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

Полугар — дешевый сорт водки, вполовину выгоравшей при отжиге.

XXI. Котенок и Скворец. Впервые — в «Баснях» 1825 года.

XXII. Две Собаки. Впервые — «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1824, № 3.

Сходные темы в баснях до Крылова разрабатывали Херасков, Матинский, анонимный баснописец в журнале «Беседующий гражданин» (1789, «Барбос и Азорка»), П. А. Вяземский и А. Е. Измайлов, а в зарубежных литературах — Флориан («Два кота») и Геллерт («Две собаки»).

XXIII. Кошка и Соловей. Впервые — «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1824, № 2.

Басня была первой из напечатанных Крыловым в близком к декабристам органе Вольного общества, почетным членом которого баснописец состоял с 29 апреля 1818 года. Редакция журнала сопроводила басню примечанием, в котором назвала автора «классическим нашим баснописцем» и сообщила о написании им еще «до двадцати басен» (№ 2, стр. 128). Басня направлена против царской цензуры. Ближайшим поводом к ее написанию явилось запрещение цензурой басни «Пестрые Овцы» (VII, 26) и первоначальной редакции басни «Рыбьи пляски» (VII, 24), на что указал Н. Л. Степанов.

Как отметил Я. К. Грот, весьма близко к комментируемой басне стихотворение Державина «На птичку» (написано в 1790-х годах).

XXIV. Рыбьи пляски. Впервые — «Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1824, № 5.

Приводим первоначальную, запрещенную цензурой редакцию басни:

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их собрался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкой свой конец, метался.
        На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» — спросил сердито Лев.
«Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев.—
Я старостою здесь над водяным народом.
А это странники, всё жители воды;
        Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом».—
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житье им — рай.

Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же,— Лев спросил,— скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О мудрый царь! — Мужик ответствовал.— Оне
От сильной <?> радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

(Рукописный отдел ИРЛИ;
архив Крылова, № 58)

О поводе к написанию басни в ее первоначальном виде Я. К. Грот сообщил следующее: «Есть предание, объясняющее следующим образом происхождение басни «Рыбьи пляски». Во время одного из своих путешествий по России император Александр I, в каком-то городе, остановился в губернаторском доме. Готовясь уже к отъезду, он увидел из окна, что по площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распространилась молва, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду» («Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук», т. VI, СПб., 1869, стр. 41).

О судьбе первоначальной редакции басни В. Ф. Кеневич сообщил: «В таком виде Крылов хотел напечатать эту басню; но цензор, вообразив, что баснописец разумеет в ней путешествовавшего тогда по России имп. Александра, положительно ее запретил. Это так оскорбило Крылова, что он в порыве негодования хотел было уничтожить свою басню; но уступил наконец просьбам своих друзей и переделал ее. (Слышал от В. А. Олениной.) Оказывается однакоже, что догадка цензора была не без основания» (изд. 2-е, стр. 200). В. А. Оленина в свою очередь собственноручно засвидетельствовала, что окончание басни Крылову «приказано было переделать» («Литературный архив» П. А. Картавова, вып. I. СПб., 1902, стр. 75. Здесь же Оленина свидетельствует о том, что в басне изображено «время графа Аракчеева»).

Нужно полагать, что первоначальная редакция басни была вызвана не только характерным случаем, рассказанным Я. К. Гротом, но и невыносимым режимом созданных Аракчеевым военных поселений, а также разгромом Семеновского полка в 1820 году (17 октября — 2 ноября).

Невозможность опубликовать первоначальную редакцию басни не заставила, однако, Крылова смириться и пойти на уступки. Он неоднократно переделывал всю басню, в результате чего было создано, по существу, новое произведение. В басню был введен новый персонаж (Лиса), благодаря чему прежние образы получили иное значение. В окончательной редакции басни, в связи с ранее написанной басней «Крестьяне и Река», с небывалой для крыловского

творчества силой были обобщены основные противоречия русского феодального общества. Крепостное крестьянство изображено здесь в лице истязуемых и уничтожаемых рыб; эксплуатирующее их поместное дворянство воплощено в образе Мужика; губернское чиновничество, рука об руку с помещиками тянущее жилы из крестьян, изображено в лице Лисы. Естественно, что в таком виде образы басни лишились всякого портретно-памфлетного содержания. В ней нет образов Александра I и его временщика Аракчеева, но зато синтезированы все ужасы аракчеевской эпохи в их наиболее типичном выражении. Образ Льва также получил в связи с сказанным совсем иное содержание. Вместо нечеткой и неразвитой карикатуры на Александра I, в басне подчеркнуто значение для России законности и государственности.

В промежуточных редакциях басни Крылов достиг наиболее острых обличительных формулировок («народ белугой выл», «был ропот всенародный»). Таким образом, цензурный запрет лишь усилил гневный протест баснописца.

XXV. Прихожанин. Впервые — «Северные цветы» на 1825 год.

Как видно из свидетельств В. А. Олениной, М. Е. Лобанова и Ф. В. Булгарина, басня направлена против П. А. Вяземского, который в своем стихотворном послании «И. И. Дмитриеву» («Сын отечества», 1822, № 48) и статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (при шестом издании «Стихотворений» последнего, СПб., 1823) отвел Крылову второстепенное место среди русских баснописцев, предпочтя ему не только Хемницера, но и Дмитриева. Судя по времени написания басни, основным поводом к ее написанию следует считать вышеуказанное послание Вяземского.

Басня имеет связь с анекдотом «Крестьянин из другого прихода», опубликованным в сборнике «Спутник и собеседник веселых людей» (М., 1776, ч. III, стр. 5). *Платон* — митрополит московский (в мире Левшин, 1737—1812), проповедник, славившийся в свое время красноречием.

XXVI. Пестрые Овцы. Впервые напечатана В. Ф. Кеневичем в «Русском архиве», 1867, вып. 3.

Написана между ноябрем 1822 и концом 1823 года для седьмой книги басен. При жизни автора в печати появиться не могла по цензурным условиям. В цензуру представлялась, но документальных данных об этом не сохранилось. Печатается по беловому автографу (Рукописный отдел ИРЛИ, архив Крылова, № 51).

Поводом для создания басни явился разгром передовой профессуры Петербургского университета (А. И. Галич, К. И. Арсеньев, К. Ф. Герман, Э. Раупах и др.; дело об «остановлении лекций» названных профессоров началось 19 сентября). Этот разгром был осуществлен лицами, официально призванными охранять интересы просвещения: министром духовных дел и просвещения князем А. Н. Голицыным и подчиненными ему попечителями учебных округов Д. П. Руничем и М. Л. Магницким. В январе 1822 года дело о профессорах поступило в Комитет министров и окончено было лишь в 1827 году.

Под каким номером должна была войти басня в седьмую книгу — до сих пор неизвестно. Ввиду того, что Крылов придавал особое значение басням, заключающим каждую книгу, мы условно помещаем «Пестрые Овцы» на предпоследнее место.

XXVII. Ворона. Впервые — «Полярная звезда» на 1825 год. Сходная тема до Крылова разрабатывалась Эзопом, Федром, Лафонтеном, Тредиаковским, Сумароковым, Херасковым и Хвостовым. *Юнонин двор.* По древнеримской мифологии, павлин был посвящен богине Юноне, в связи с чем назывался «юнониной птицей».

Книга восьмая

I. Лев состаревшийся. Впервые — «Северные цветы» на 1825 год.

Сходная тема разрабатывалась в басне Эзопом, Федром, Лафонтеном, Тредиаковским, Сумароковым, Ф. П. Ключаревым, Г. Р. Державиным и А. Е. Измайловым. Ср. комментарий к басне «Лисица и Осел» (VII, 9).

II. Лев, Серна и Лиса. Впервые — в «Баснях» 1830 года. Как указал Я. К. Грот, басня представляет собою коренную переработку ранней басни Крылова «Лев и человек». Текстуальных и образных совпадений между этими баснями нет.

III. Крестьянин и Лошадь. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

IV. Белка. Впервые — «Московский телеграф», 1830. № 9. По цензурным условиям Крылов вынужден был ослабить политическое звучание басни. Печатается с восстановлением доцензурной редакции стихов 8, 15 и 17 по автографам ГПБ (собрание автографов, № 4) и ИРЛИ (архив Крылова, № 30).
Цензурная редакция этих строк такова:

И скалит перед Львом зубки свои сквозь слез.
На службу Льву ее то кличут, то толкают.
И Льву наскучила: в отставку ей пора.

V. Щука. Впервые — «Литературная газета», 1830, № 18, с примечанием А. А. Дельвига о создании Крыловым «до двадцати новых басен» (стр. 143).

VI. Кукушка и Орел. Впервые — в «Баснях» 1830 года. Н. Л. Степанов высказал весьма основательное предположение, что в лице Кукушки изображен Булгарин как автор романа «Иван Выжигин» (Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. М., 1949). Ср. комментарий к басне «Кукушка и Петух» (IX, 10).

VII. Бритвы. Впервые — «Северные цветы» на 1829 год. Замысел басни связан с казнью и ссылкой декабристов *(людей с умом),* на что обратил внимание уже Гоголь (Полное собрание

сочинений, т. VIII, М., 1952, стр. 393). Таким образом, басня направлена непосредственно против императора Николая I.

VIII. Сокол и Червяк. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

IX. Бедный Богач. Впервые — «Северные цветы» на 1829 год.

Б. И. Коплан отметил связь басни с народной пословицей «Скупой богач беднее нищего», вошедшей уже в сборник Д. М. Княжевича (1822).

X. Булат. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

В басне изображена участь героя Отечественной войны 1812 года — генерала А. П. Ермолова (1772—1861), в результате длительных интриг уволенного от службы в 1827 году.

XI. Купец. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

XII. Пушки и Паруса. Впервые — «Северные цветы» на 1829 год.

XIII. Осел. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

XIV. Мирон. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

Мирон — по-гречески означает «каплющий елеем», что подчеркивает направленность басни против лицемерия и ханжества богачей и власть имущих.

XV. Крестьянин и Лисица. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

XVI. Собака и Лошадь. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

В образе Лошади изображено русское крестьянство; в образе Собаки — чиновничество.

XVII. Филин и Осел. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

О басне писал А. С. Пушкин к М. П. Погодину в письме от 1 июля 1828 года: «За разбор «Мысли», одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству» (Пушкин. Письма, т. II, М.—Л., 1928, стр. 52). Сообщаемые в этом письме сведения о Крылове, несомненно, основаны на личных беседах Пушкина с баснописцем. Смысл этих высказываний впервые удовлетворительно был раскрыт Н. Л. Степановым (Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. М., 1949). Стихотворение С. П. Шевырева «Мысль» было напечатано в апрельской книжке «Московского вестника» за 1828 год. Стихотворение подверглось издевательскому разбору в «Северной пчеле» (1828, № 58). В басне этот эпизод берется как внешний повод. Басня направлена против шеллингианства «Московского вестника» и беспринципности «Северной пчелы».

XVIII. Змея. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

XIX. Волк и Кот. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

Связь басни с народными пословицами («Что посеешь, то и пожнешь», «Чем кого взыщешь — и себе то же сыщешь» и др.) отмечена В. Ф. Кеневичем.

XX. Лещи. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

Басня изображает взаимоотношения русских крепостных крестьян и их помещиков в явной связи с басней «Рыбьи пляски».

XXI. Водопад и Ручей. Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности», ч. VII (М., 1817).

Сходные темы в баснях разрабатывали Херасков и французский поэт Песселье.

XXII. Лев. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

XXIII. Три Мужика. Впервые — в «Баснях» 1830 года.

Книга девятая

I. Пастух. Впервые — в первом томе альманаха «Новоселье» (СПб., 1833).

В. Ф. Кеневич указал на связь басни с народной пословицей «На волка токмо слава, а овец таскает Савва», вошедшей уже в сборник Д. М. Княжевича (1822).

II. Белка. Впервые — в первом томе альманаха «Новоселье» (СПб., 1833).

Б. И. Коплан отметил басню Н. Ф. Остолопова «Кот и Белка» (1827), написанную на сходную тему.

III. Мыши. Впервые — в первом томе альманаха «Новоселье» (СПб., 1833).

IV. Лиса. Впервые — в первом томе альманаха «Новоселье» (СПб., 1833).

Басня близка к русским народным сказкам о лисе и волке.

V. Волки и Овцы. Впервые — в первом томе альманаха «Новоселье» (СПб., 1833).

Под Овцами подразумеваются русские крепостные крестьяне, под Волками — помещики. Басня является развитием басни «Мирская сходка». В. Г. Белинский высоко ценил ее и полностью перепечатал в своей рецензии на издание басен 1843 года.

VI. Крестьянин и Собака. Впервые — во втором томе альманаха «Новоселье» (СПб., 1834).

VII. Два Мальчика. Впервые — «Библиотека для чтения», 1836, № 2.

VIII. Разбойник и Извозчик. Впервые — «Библиотека для чтения», 1834, № 5.

IX. Лев и Мышь. Впервые — «Библиотека для чтения», 1834, № 5.

Сходные темы в баснях до Крылова разрабатывались Эзопом, Лафонтеном и Сумароковым.

X. Кукушка и Петух. Впервые — во втором томе сборника «Сто русских литераторов» (СПб., 1841).

Басня направлена против реакционных писателей и журналистов Ф. Булгарина и Н. Греча, о чем оставил воспоминания Н. М. Калмыков: «Лица сии в журналах тридцатых годов восхваляли друг друга до забвения или, как говорят, до бесчувствия. Объяснение это я слышал от самого И. А. Крылова» («Русский архив», 1865, № 8, столб. 1011). На полях одного из автографов басни Крылов набросал три лица. Они изображают Булгарина, Греча и А. В. Никитенко (Рукописный отдел ИРЛИ, архив Крылова, № 32).

XI. Вельможа. Впервые — «Сын отечества», 1836, № 1.

Цензура почти два года не разрешала публикации басни, что вынудило Крылова обратиться непосредственно к императору Николаю I. В 1835 году басня распространилась в многочисленных списках. Басня использует сатирические мотивы двадцать первого письма «Почты духов». Близко связана с ней и басня «Оракул». Басня была высоко оценена и перепечатана В. Г. Белинским в его рецензии на «Басни» 1843 года. *Эак* — сын Зевса (древнегреческая мифология), после смерти ставший одним из трех судей в Аиде — подземном царстве Плутона.

БАСНИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ДЕВЯТЬ КНИГ

I. Стыдливый игрок. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1788, № 5.

В редакционном экземпляре журнала под басней печатная подпись С. И. Крыл. (т. е. сочинил И. Крылов), о чем стало известно из статьи Ф. А. Витберга «Первые басни Крылова» («Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1900, т. V, кн. I). Эта же подпись стоит в редакционном экземпляре и под следующими двумя баснями. Печатается по первой публикации. *Гнуть, транспорт* — карточные термины.

II. Судьба игроков. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1788, № 18. Печатается по первой публикации. См. комментарий к предыдущей басне.

III. Павлин и соловей. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1788, № 24. Печатается по первой публикации.

Основана на прозаическом переводе анонимной басни под тем же заглавием, опубликованном в том же журнале, 1788, № 15. См. комментарий к первой басне.

IV. Не во-время гости. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1788, № 28, под заглавием «Недовольный гостьми стихотворец». Печатается по тексту журнала «Зритель», 1792 (март).

Как указал акад. Л. Н. Майков, в лице Рифмокрада (Рифмохвата) изображен Я. Б. Княжнин (1742—1791), один из главных литературных противников Крылова в те годы, известный своими заимствованиями из произведений других авторов. Под именем Рифмокрада Княжнин выведен также в комедии Крылова «Проказники», написанной в том же 1788 году, но напечатанной лишь в 1793 году. Почти к тому же времени относится и письмо Крылова к Княжнину (см. юбилейное издание, т. III, М., 1946, стр. 331—333). Несомненность принадлежности басни перу Крылову была отмечена Ф. А. Витбергом (Первые басни И. А. Крылова. СПб., 1900).

V. Лев и человек. Впервые — в «Баснях» 1809 года. Печатается по исправленному Крыловым экземпляру второго издания этого сборника (СПб., 1811), хранящемуся в ГИБ.

В дальнейшем басня Крыловым не перепечатывалась. См. комментарий к басне «Лев, Серна и Лиса» (VIII, 2).

VI. Пир. Впервые — в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук», т. VI. СПб., 1869. Печатается по беловому автографу (бумага 1811 года; ГПБ, архив Олениных, № 747).

На рукописи имеется надпись В. А. Олениной: «Эта басня, в то время как была написана Крыловым, запретила цензура ее печатать». *Прохолился* — пронежился, пробаловался.

Шуточные басни

I. Паук и гром. II. Осел и заяц. III. Комар и волк. Впервые напечатаны почти одновременно Л. К. Ильинским в «Русской старине», 1904, № 3 и В. В. Каллашом в «Известиях Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1904, т. IX, кн. 2. Печатаются по записи В. А. Олениной с поправками Крылова (ГПБ, архив Олениных, № 752).

Написаны во время пребывания в имении А. Н. Оленина, Приютино, повидимому между 1812—1825 годами. Басни являются пародиями на притчи графа Д. И. Хвостова, впервые собранные в издании 1802 года («Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами»).

Отрывки и наброски басен

I. <Подсвечник и огарок>. Опыты публикации были сделаны В. В. Каллашом в 1903 году («Русская старина», 1903, № 11) и Н. Л. Степановым и С. М. Бонди (И. А. Крылов. Полное собрание сочинений, т. III, М., 1946, и сборник «И. А. Крылов». М., 1947). Печатается по черновому автографу ИРЛИ, № 45.

II. Два извозчика. Впервые напечатана (неточно) В. В. Каллашом в «Русском архиве», 1903, № 11. Печатается по черновому автографу ИРЛИ, архив Крылова, № 33.

III. <Самонадеянный осел>. Печатается впервые по черновому автографу ИРЛИ, архив Крылова, № 22 (бумага 1807 года).

Можно предполагать, что в басне идет речь о Наполеоне, самонадеянно вторгшемся в июне 1812 года в пределы России. Ближайшей причиной прекращения работы над басней могло явиться вступление наполеоновской армии в Москву, вскоре после чего (в начале октября) Наполеон был изображен Крыловым Волком (басня «Волк на псарне», II, 8).

IV. Орел и охотник. Впервые напечатана (не вполне точно) В. В. Каллашом в «Русском архиве», 1903, № 11. Печатается по черновым автографам второй (стихи 8—12) и третьей (стихи 1—7) редакций (ИРЛИ, архив Крылова, № 46; третья редакция содержит только эти стихи).

Написана почти одновременно с басней «Котенок и Скворец», между 1819 и 1824 годами.

V. Вить время<-то> не птица... Печатается впервые по черновому автографу ИРЛИ, архив Крылова, № 18.

Написана между 1819 и 1825 годами. Почти дословно предвосхищает текст наброска окончание 29-го письма «Почты духов». См. комментарий к комедии «Ленивый».

VI. <Федюшин кафтанчик>. Частично и неточно напечатана В. В. Каллашом в «Русском архиве», 1903, № 11. Печатается по черновому автографу ИРЛИ, архив Крылова, № 43.

Написана почти одновременно с баснями «Бедный Богач», «Мирон» и «Крестьянин и Лисица», т. е., по всей вероятности, в 1828 году (не позднее осени).

VII. <Животные-строители>. Опыты дешифровки автографа производились В. Ф. Кеневичем в 1869 году (1 изд.) и В. В. Каллашом в 1903 году («Русский архив», 1903, № 11). В собрания сочинений Крылова эти неудачные опыты никогда не включались. Печатается впервые по черновому автографу ИРЛИ, архив Крылова, № 2.

Написана около января 1833 года.

Басни, принадлежность которых Крылову не доказана

I. Олень и заяц. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1788, № 30. Печатается по первой публикации.

Приписана Крылову акад. Л. Н. Майковым в 1889 г. (Первые шаги И. А. Крылова на литературном поприще, СПб.).

II. Роди́ны. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1788, № 35. Печатается по первой публикации.

Приписана Крылову Н. Л. Степановым в 1946 году. Описание «страдающего приятеля» весьма близко к описанию героя в позднейшей (1826—1828) басне «Бритвы».

III. Сонливый. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1789, № 39. Печатается по первой публикации.

В собрание сочинений Крылова включается впервые. Предвосхищает образ героя комедии Крылова «Ленивый», отличавшегося крайней сонливостью.

IV. Новопожалованный осел. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1789, № 46. Печатается по первой публикации.

Приписана Крылову акад. Л. Н. Майковым в 1889 году (Первые шаги И. А. Крылова на литературном поприще, СПб.). Ср. незаконченную басню о самонадеянном осле.

V. Картина. Впервые — без подписи в «Утренних часах», 1789, № 46. Печатается по первой публикации. Впервые перепечатана в сочинениях Крылова В. В. Каллашом (т. IV, стр. 448—449).

VI. Обед у медведя. Впервые — без подписи в «Духе журналов», 1816, № 46. Печатается по первой публикации.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи г-же К.... На четыре времени года. Впервые — в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, № 5 (29 июля). Печатается по первой публикации.

Перед стихотворением помещено следующее «Письмо, полученное июля 18 дня»: «Уже давно погребены в моих бумагах (надобно знать, белых, для того, что я очень редко принимаюсь за перо) некоторые из моих сочинений; я их предал вечному забвению в намерении никакой не выпускать в свет, опасаясь на всякую строку по крайней мере трех дюжин критик. Но лишь только увидел ваши листы, наполненные остротою, то в тот час честолюбие воспламенило мою душу, и я, позабыв все свои рассуждения о критиках, восхотел, дабы и мои творения имели честь быть помещенными между разных прекрасных статей, наполняющих ваши еженедельные издания; и для того посылаю к вам некоторые из оных сочинений, под которыми прошу не ставить моего имени; или нет! поставьте К. Этакое тщеславие! А я как скоро услышу об них мнение знающих особ, и оное будет в пользу сочинителя, то, конечно, потщусь быть и впредь участником в вашем достойном намерении». Пожелание автора, высказанное в приведенном письме, было исполнено тут же, в примечании редакции: «Помещая присланное в сии листы, которые таковыми прекрасными творениями новую получат похвалу, и впредь подобное сему с должною благодарностию приемлемо будет» (стр. 71). На это и следующие четыре стихотворения впервые обратил внимание В. В. Каллаш, поместивший их в Полном собрании сочинений Крылова в разделе «Стихотворения и басни, приписываемые Крылову» (т. IV, стр. 443—445). Первые четыре из этих стихотворений подписаны *К*.... Однако В. В. Каллаш не обратил внимания на то обстоятельство, что пятое стихотворение подписано «К.....» (т. е. Крылов, с опущением твердого знака; в XVIII веке подобные сокращения практиковались). Последующие публикации

Крылова в этом журнале делают новый шаг в расшифровке его авторства: «И. Кр.» В дальнейшем Крылов неоднократно подписывался под своими произведениями одной буквой «К.»: в 1808 году в «Драматическом вестнике» (ряд басен и стихотворений, на протяжении всего года) и в 1809 году в журнале «Цветник» (басни). Текст стихотворений и приведенного выше письма содержит характерные особенности стиля и литературной манеры молодого Крылова.

Следует отметить, что В. В. Каллаш включил в раздел «Стихотворения и басни, приписываемые Крылову» также ряд произведений («К реке М...», «Жалобы отчаянной» и др.) без каких-либо серьезных оснований. В настоящее издание они не включены.

Эпиграмма. Впервые — в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, № 5. Печатается по первой публикации. См. комментарий к первому стихотворению.

Стихи г-же К.... Впервые — в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, № 6. Печатается по первой публикации. См. комментарий к первому стихотворению.

Эпиграмма. Впервые — в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, № 6. Печатается по первой публикации. См. комментарий к первому стихотворению.

Письмо к дядюшкину племяннику. Впервые — в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, № 7. Печатается по первой публикации. См. комментарий к первому стихотворению.

Эпиграмма 1. К N. Впервые — в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, № 26. Подпись: *И. Кр.* В качестве принадлежащего Крылову перепечатано И. П. Быстровым в «Москвитянине», 1849, июль. Печатается по первой публикации.

Эпиграмма 2. Часто вопрошающему. Впервые — в журнале «Лекарство от скуки и забот», 1786, № 27. Без подписи. Авторство Крылова установлено В. В. Каллашом (т. IV, стр. 335). Печатается по первой публикации.

Ода Утро. Впервые — в «Утренних часах», 1789, № 48. Печатается по рукописи № 104.

Во храме, где, копая гробы...— в суде.

Ода <...> императрице Екатерине Алексеевне самодержице всероссийской на заключение мира России со Швециею. Впервые напечатано отдельным изданием в 1790 году в Петербурге, с указанием даты преподнесения (август). Печатается по первой публикации.

Написано по поводу окончания войны между Россией и Швецией, начавшейся в 1788 году. В результате успешных действий русских войск мир был заключен 3 августа 1790 года. *Готф* — швед. *Сын Юноны* — Марс (Арей). *Минерва* — здесь Екатерина II. *Астрея* — богиня справедливости.

<А. И. Клушину>. Впервые напечатано акад. Н. П. Лихачевым в «Волжском вестнике», 1886, № 169. Печатается по автографу (надпись на первом томе лозаннского издания басен Лафонтена 1772 года), хранящемуся в собрании проф. В. А. Десницкого. Здесь же пометка А. И. Клушина: «Подарены любезным другом Иваном Андреевичем Крыловым июля 29 дня 1792 г. в бытность в типографии; по причине нашей разлуки, на время; а может быть — судьбе одной известно».

Утешение. К Анюте, по случаю запрещения французских товаров. Впервые — «СПб. Меркурий», 1793, № 4. Печатается по рукописи № 104.

Написано в связи с разрывом дипломатических отношений между Россией и революционной Францией, происшедшим 8 февраля 1793 года. Кто такая Анюта, называемая в этом и ряде позднейших стихотворений,— не установлено. *Фидель* — распространенная кличка комнатных собачек. *Линó* — тонкий батист. *Флора сенска* — парижские духи.

Мое оправдание. К Анюте. Впервые — «СПб. Меркурий», 1793, № 6. Печатается по рукописи № 104.

Сосьете — светское общество *(франц.)*.

Послание к другу моему. Впервые — «СПб. Меркурий», 1793, № 7. Печатается по рукописи № 104.

В журнальном тексте заглавие «К другу моему А. И. К.». Обращено к А. И. Клушину (см. примечание к стихотворению <А. И. Клушину>). Ответное послание Клушина «К другу моему И. А. К.» напечатано в том же журнале в № 12 за тот же год. *Платон* — древнегреческий философ. *Сенека* (Луций Анней, 4 год до н. э.— 65) — римский философ и драматург. *Эпиктет* — греческий философ начала второго века. *Катон* — знаменитый римский республиканец, известный своей строгой нравственностью (95—46 до н. э.). *Гераклит* — древнегреческий философ-диалектик. *Ветрон* — герой комедии А. И. Клушина «Смех и горе» (1793). *Юнг* (Эдуард, 1681—1765) — английский поэт, автор религиозно-нравоучительной поэмы «Жалоба или ночные думы», отличающейся мрачностью колорита. *Фенелон* (Франсуа Салиньяк де ла Мот, 1651—1715) — французский писатель, автор нравоучительного романа о Телемаке. *Перу* — с XVI века славилось своими несметными богатствами.

Ода на случай фейерверка, сожженного 15 числа сентября 1793 года на Царицынском лугу в Санкт-Петербурге, при заключении мира с Турецкою Портою. Впервые — «СПб. Меркурий», 1793, № 9. Печатается по рукописи № 104.

Написано по поводу победоносного завершения войны с Турцией Ясским миром (29 декабря 1791 года). Война была начата Турцией в 1787 году в результате подстрекательства Англии. *Царицын луг* — после установки памятника А. В. Суворову (1802) был переименован в Марсово поле.

К счастью. Впервые — «СПб. Меркурий», 1793, № 11. Печатается по рукописи № 104.

Митрофанушка — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1782). *Лаисы* (от собственного имени, ставшего нарицательным) — древнегреческие гетеры. *Азор* — урод. *Руте* — карточный термин.

Мой отъезд. Впервые — «СПб. Меркурий», 1793, № 12. Печатается по первой публикации В первопечатном тексте в 14-м стихе опечатка: «наполнит муки» вместо «напомнит муки».

Вольный перевод песни Пьетро Метастазио (1698—1782) «La Partenza». В оригинале вместо Анюты — Ниче.

Вечер. Впервые — альманах «Аониды» на 1796 год, ч. I. Печатается по рукописи № 104.

Ода первая, выбранная из псалма 17-го. Впервые — под названием «Подражание псалму 17-му» в альманахе «Комета Белы», СПб., 1833. Печатается по тексту альманаха с поправками, сделанными Крыловым в 1833 году и опубликованными И. П. Быстровым в 1845 году («Северная пчела», 1845, № 208). Название воспроизведено по рукописи № 104.

Эпиграф — начало 17-го псалма.

Ода вторая, выбранная из псалма 71-го. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Волна — овечья шерсть.

Ода третья, выбранная из псалма <14-го>. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Ода четвертая, выбранная из псалма 96-го. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Ода пятая, выбранная из псалма 37-го. Впервые — под названием «Вольное подражание псалму: «Господи, да не яростию твоею и проч.» в альманахе «Аониды» на 1796 год, ч. I. Печатается по рукописи № 104.

Ода шестая, выбранная из псалма 93-го. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Ода седьмая, выбранная из псалма 51-го. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Избрание из «Песни Песней» Соломона. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Написано по мотивам библейской «Песни Песней».

На новый год. К надежде. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Ночь. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

На случай грозы в деревне. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Отъезд из деревни. Впервые — Полнсе собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Ода Блаженство. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Аврорин бисер — роса.

Ода Уединение. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

После второй строфы первоначально следовало:

Ни башней гордых высота
Людей надменья не вещает;
Ни детских чувств их не прельщает
Здесь мнима зданий красота.
Знак слабости и адской злобы,
Здесь стены сердцу не грозят,
Здесь тьмами люди не скользят
В изрыты сладострастьем гробы.

Переработка второй строфы Крыловым не была закончена, в связи с чем зачеркнутые строки 13—16 нами восстановлены. В тринадцатой строфе речь идет о М. В. Ломоносове и его оде 1747 года. В семнадцатой строфе речь идет о событиях во Франции.

Письмо о пользе желаний. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Румянцев — фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский, граф (1725—1796). *Каменский* — фельдмаршал Михаил Федотович (1738—1809). *Зенон* — древнегреческий философ IV—III веков до нашей эры, основатель стоической школы. *Героида* — стихотворное послание от имени героя (героини), главным образом античных легенд; жанр, прославленный Овидием.

К спящему дитяти. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

К соловью. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Сонет. К Нине. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Печатается по рукописи № 104.

Вольный перевод 104-го сонета Фр. Петрарки, обращенного к Лауре (Pace non trovo, e non ho da far guerra).

Послание о пользе страстей. Впервые — «Драматический вестник», 1808, ч. V. Первоначальная редакция 1795 года находится в рукописи № 104; печатается по первой публикации.

Диоген — древнегреческий философ (414—323 до н. э.). *Урания* — муза астрономии и астрономического эпоса. *Виньол* — Джакомо Бароцци Виньола (1507—1533) — итальянский архитектор. *Гальен* — Гален (129 — ок. 200) — греко-римский медик и философ. *Менандр* — древнегреческий драматург (343—292 до н. э.). *Левант* — страны восточного побережья Средиземного моря (*итал.* — восток). *Аристот* — Аристотель.

Стихи, назначенные послать к Елизавете Ивановне Бенкендорф при портрете Екатерины II, писанном пером, на образец гравировки. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 25. Печатается по рукописи № 104, содержащей позднейшее исправление в стихе девятом.

Е. И. Бенкендорф (урожд. фон Францен, 1763—1842) — жена И. И. Бенкендорфа, в поместье и московском доме которого неоднократно проживал Крылов. Стихотворение препровождено Е. И. Бенкендорф при письме от 26 ноября 1795 года. *Ириса* — богиня радуги. *Денежный* — грошовый (полукопеечный).

Эпиграмма на перевод поэмы «L'art poétique». Впервые — без подписи в издании П. А. Никольского «Пантеон русской поэзии», ч. III (СПб., 1814). С подписью «Крылов» напечатано Н. И. Гречем в 1844 году в «Учебной книге российской словесности», ч. III.

Направлено против графа Д. И. Хвостова как переводчика дидактической поэмы Буало «Поэтическое искусство». Перевод был издан в 1808 году под названием «Наука о стихотворстве».

«Се Александр, краса царей...» Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. III (М., 1946). Печатается по автографу, точной датировке не поддающемуся (ИРЛИ, архив Крылова, № 59).

П. Н. Львовой. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. III (СПб., 1847), путем литографского воспроизведения автографа, до нас не дошедшего. Факсимиле сопровождено следующим заглавием: «Прасковье Николаевне Львовой (супруга Константина Матвеевича Бороздина) при поднесении экземпляра Басен 1817 г.».

П. Н. Львова (ум. в 1839 году) — дочь выдающегося деятеля русской культуры Н. А. Львова (1751—1803). *К. М. Бороздин* (1781—1848) — известный археолог, почетный член Академии наук.

Е. П. Полторацкой. Впервые — «Северная Пчела», 1856, № 106. Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ (собрание автографов) и представляющему собою надпись на экземпляре «Трех новых басен» Крылова, 1817 года.

Елизавета Павловна Полторацкая — родственница Е. М. Олениной (урожд. Полторацкой), жены А. Н. Оленина.

<Отрывок из «Одиссеи»>. Впервые напечатано И. П. Быстровым в «Северной пчеле», 1845, № 203, по ныне утраченному автографу. Печатается по первой публикации.

Дий — Зевс.

<Эпиграмма на Д. И. Хвостова>. Впервые — в книге М. Е. Лобанова «Жизнь и сочинения И. А. Крылова» (СПб., 1847). Печатается по первой публикации.

Написано Крыловым на оттиске статьи Хвостова «Некоторые мысли о сущности басни» (1819), до нас не дошедшем.

Эпиграмма рецензенту поэмы «Руслан и Людмила». Впервые — без подписи в «Сыне отечества», 1820, № 38. Печатается по первой публикации.

23 сентября 1820 года баснописец А. Е. Измайлов писал литератору П. Л. Яковлеву: «И Воейкова обругали в двух эпиграммах, из которых одну написал бар<он> Дель<виг>, а другую... кто бы вы думали?.. Крылов!» (А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений, Л., 1934, стр. 478). Эпиграмма Дельвига (также без подписи) опубликована рядом с комментируемой, под общим заголовком («Эпиграммы...»). Обе они направлены против Александра Федоровича Воейкова (1778—1839) как автора большой статьи «Разбор поэмы: Руслан и Людмила, сочинение Александра Пушкина», напечатанной в «Сыне отечества», 1820, №№ 34—37. По свидетельству П. А. Плетнева, статья против Пушкина «вывела Крылова из его равнодушия», и он отправил свою эпиграмму для опубликования «на другой же день» по прочтении статьи (Плетнев. Сочинения и переписка, т. II, СПб., 1885, стр. 87).

В. П. Ушаковой. Впервые напечатано А. Н. Петровым в «Русской старине», 1870, ч. I. Печатается по первой публикации.

Написано летом 1823 года в Павловске, во время пребывания Крылова в резиденции императрицы Марии Федоровны. См. комментарий к басне «Василек» (I, 10). В. П. Ушакова (ум. в 1862 году) — впоследствии Барыкова — фрейлина императрицы Марии Федоровны, дочь генерал-лейтенанта П. П. Ушакова (1759—1840), воспитателя детей Павла I.

Три поцелуя. Впервые — «Северные цветы» на 1825 год. Печатается по первой публикации.

В списке, хранящемся в архиве Олениных (ГПБ), дата: «Приютино <имение Оленина под Петербургом>. 1824. Окт. 4-го». Здесь же указаны имена «прекрасных девушек»: А. А. Оленина (см. комментарий к басне «Ягненок», VI, 25), Изабелла и Мария Симпсон (дочери доктора Симпсон). См. также Плетнев. Сочинения и переводы, т. II, СПб., 1885, стр. 105.

Ест Федька с водкой редьку. Впервые напечатано В. В. Каллашом в «Известиях Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1904, т. IX, кн. 2. Печатается по автографу (ГПБ, архив Олениных, № 742).

На рукописи имеется надпись А. Н. Оленина: «Приютино 16 августа 1825. Составлено и написано для шутки И. А. Крыловым».

Убогий этот дом Василий Климыч Злов... Впервые напечатано В. В. Каллашом в «Известиях Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1904, т. IX, кн. 2. Печатается по автографу, точной датировке не поддающемуся (ГПБ, архив Олениных, № 745).

Алексею Николаевичу Оленину при доставлении последнего издания басен. Впервые — «Северные цветы» на 1828 год, с датой «18 апреля 1826». Печатается по первой публикации. Автограф (надпись на издании «Басен» 1825 года, вышедшем 20 марта 1826 года) воспроизведен в «Литературном наследстве», 1952, т. 58, стр. 1001 (находится в собрании Н. П. Смирнова-Сокольского).

Эпитафия. Впервые — «Северные цветы» на 1829 год. Печатается по первой публикации.

<Эпиграмма на Г. П. Ржевского>. Впервые — Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. X (СПб., 1886) в составе семнадцатой книги «Старой записной книжки», в которую 13 мая 1853 года было занесено: «Крылов написал трагическую фарсу «Трумпф», которую в старину разыгрывали на домашних театрах и между прочими у Олениных. Старик камергер Ржевский написал эпиграмму... Крылов отвечал ему». Печатается по первой публикации.

Григорий Павлович *Ржевский* (1763—1830) — владелец крепостной балетной труппы, поэт, автор «Оды... министру полиции Балашеву» (М., 1812) и сборника «Новые басни и разные стихотворения» (СПб., 1827), сотрудник «Дамского журнала» (1824—1825). Эпиграмма имеет в виду десятое и последнее явления второго акта «Трумфа». Второй стих эпиграммы содержит намек на злобный пасквиль Ржевского «Дмитриева обезьяна», напечатанный в его сборнике 1827 года (стр. 33—34). Крылов в этой басне изображен обезьяной, бездарно подражающей Дмитриеву. Вслед за басней помещена «Ворона и лисица». За спором сделанный литеральный перевод Лафонтеновой басни «Le Corbeau et le Renard», что еще более обнажает направленность пасквиля Ржевского.

Вот вам стихи! Впервые напечатано П. М. Устимовичем в «Русской старине», 1890, № 8. Экспромт, записанный А. А. Олениной (см. примечание к басне «Ягненок» — VI, 25) в свой альбом. Эта запись хранится в ЦГАЛИ (фонд 253). Печатается по оригиналу.

<Талия>. Впервые — под названием «Thalie» в небольшом малотиражном сборнике «Vers chantés et récités», изданном в Петер-

бурге в 1830 году. Печатается по беловому автографу (ГПБ, архив Олениных, № 746).

На рукописи надпись А. Н. Оленина: «Стихи, говоренные Ива. Анд. Крыловым государыне императрице Александре Федоровне, в день данного ее величеству нечаянного маскарада, в Аничковом дворце (4 генв. 1830 года) ее и<мператорским> высочеством в<еликой> к<нягиней> Еленою Павловною. Сей черначек писан и поправлен рукою автора — И. А. Крылова, представлявшего в кадрили ее и<мп.> высочества — музу Талию».

<М. Д. Деларю>. Впервые напечатано И. Ханенко в «Русском архиве», 1869, № 1. Печатается по первой публикации.

Написано в связи с опубликованием поэтом Михаилом Даниловичем Деларю (1811—1868) перевода стихотворения В. Гюго «Красавице» («Библиотека для чтения», 1834, № 12):

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Всё, всё, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру
За взор, за взгляд единый твой!
И если б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

За разрешение стихотворения цензор А. В. Никитенко по приказанию Николая I был арестован. Деларю был уволен от службы. А. С. Пушкин записал эпиграмму Крылова в свой дневник 22 декабря 1834 года.

По части кравческой, о царь, мне речь позволь... Впервые напечатано В. Ф. Кеневичем в статье «Маскерадные стихотворения И. А. Крылова» («Русский архив», 1866, № 8 и 9). Печатается по первой публикации с исправлением по черновому автографу (ИРЛИ, архив Крылова, № 54).

По сообщению В. Ф. Кеневича, Крылов, получив в январе 1836 года приглашение на придворный маскарад, не знал, как ему одеться: «Мы слышали, что разрешить трудную задачу, как одеться, удалось знаменитому трагику <В. А.> Каратыгину, который нарядил баснописца в костюм боярина-кравчего. Сообразно с этою ролью и написано нижеследующее стихотворение. Предварительно нужно заметить, что праздник был устроен по английскому обычаю: кому достался кусок пирога со спрятанным в нем бобом, тот и был царем праздника. К этому-то царю Крылов и обращает речь» (указ. статья, столб. 1338).

Эпиграмма. Впервые — Полное собрание сочинений Крылова, т. II (СПб., 1847). Данных о времени написания нет. Печатается по тексту второго издания Полного собрания сочинений под редакцией П. А. Плетнева (1859).

<Эпитафия Е. М. Олениной>. В 1839 году вырезана на надгробном памятнике Елизаветы Марковны Олениной, урожденной Полторацкой, скончавшейся 3 июля 1838 года (Ленинград, кладбище Александро-Невской Лавры). Впервые — «Словарь достопамятных людей русской земли» Н. Н. Бантыш-Каменского, ч. II (СПб., 1847). Хранящийся в ГПБ (архив Олениных, № 744) список эпитафии датирован А. Н. Олениным: «6 января 1839». Автографы в ГПБ и ИРЛИ. Печатается по тексту надгробия.

ПЬЕСЫ В СТИХАХ

Трумф. Впервые полностью напечатана в Берлине (Наумбурге) в 1859 году отдельным изданием по неавторитетному списку (см. № 18). В России впервые опубликована В. Ф. Кеневичем в 1871 году в «Русской старине», № 2, с учетом ряда списков. Сто строк из разных мест пьесы были опубликованы М. Е. Лобановым еще в 1847 году, в книге «Жизнь и сочинения И. А. Крылова». Написана в 1800 году, во время пребывания Крылова в имении князя Сергея Федоровича Голицына (1748—1810) — селе Козацком, Чигиринского уезда, Киевской губернии. Крылов был здесь гостем и одновременно секретарем хозяина и воспитателем его многочисленных сыновей. Пьеса была разыграна здесь же, силами актеров-любителей (Крылов исполнял роль Трумфа). Однако писалась пьеса для печати. В 1807 году она была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет, которым и была запрещена. От изменения текста по указанию цензуры Крылов отказался. После цензурного запрещения пьеса получила довольно широкое распространение в списках и была особенно популярна в декабристской среде. Пьеса является резким антимонархическим памфлетом, направленным лично против императора Павла I и его пруссофильства. Одновременно пьеса является пародией на трагедию Я. Б. Княжнина «Дидона» и другие произведения русского классицизма XVIII века.

В настоящее время известны следующие списки пьесы:

1. Трумф. Трагедия в двух действиях. <Автор не указан.> ГПБ. Собрание П. Н. Тиханова, № 346. Бумага 1806 года (в сборнике).

2. Трумф. <Автор не указан.> Архив Института истории Академии наук СССР (Ленинград), архив князей Воронцовых, карт. 3, № 87 (2). Бумага 1808 года.

3. Крылов. Подщипа. Шутошная трагедия в двух действиях. С<очинение> 1808 года. Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва). Муз. № 2586. Бумага 1810 года.

4. Крылов. Подщипа. Шуто-трагедия в двух действиях в стихах. ИРЛИ. Фонд № 88, оп. 2, № 44. Экземпляр, принадлежавший Г. Р. Державину. Бумага 1812 года. Список доведен до середины четвертого явления первого акта.

5. Иван Андреевич Крылов. Подщипа. Шуто-трагедия в двух действиях в стихах. <Сочинена> 1800-го года в селе Козацком. ГПБ. Собрание П. Н. Тиханова, № 793. Надпись: «Подарок от автора М. Лобанову».

6. Трумф. Трагедия в двух действиях. <Автор не указан.>

ИРЛИ. Фонд № 88, оп. 2, № 44 (архив акад. Я. К. Грота). Экземпляр, принадлежавший Г. Р. Державину. Фрагменты первого акта.

7. И. А. Крылов. Трумф. Трагикомедия в двух актах. ГПБ. Собрание отд. пост., 1929, № 807.

8. Трагедия. <Автор не указан.> ИРЛИ. Фонд № 388, оп. 1, ед. № 143. Собрание Юдина. Бумага 1816 года.

9. И. Крылов. Трумф. Трагедия в двух действиях в стихах. Гос. Исторический музей (Москва). Фонд № 445, ед. хр. 167. Из библиотеки Сандунова. Бумага 1816 года.

10. Трумф. Трагедия в двух действиях. <Автор не указан.> Сборник первой четверти XIX века, принадлежавший секретарю Саратовской ученой архивной комиссии Н. С. Соколову. Бумага 1817 года. ИРЛИ. Р. II, оп. № 1, ед. № 621.

11. И. А. Крылов. Трумф. Буфотрагедия. В с. Казацком 1799. Сборник произведений разных авторов на бумаге 1819 г. ИРЛИ. Р. I, оп. № 43, пост. 1946, № 4. Афиша содержит список исполнителей: П. Н. Арапов, Ф. И. Прянишников и др.

12. Крылов. Трумф. Комико-трагическое представление в двух действиях. В сборнике К. Б. «Собрание полезного и приятного», С. Петербург, 1822. Гос. Театральная библиотека им. А. В. Луначарского (Ленинград), № 66968.

13. Трумф. Комедия в двух действиях. <Автор не указан.> Гос. Исторический музей, фонд. № 440, ед. хр. 1260а (собрание И. Е. Забелина). Список Ш. Д. с датой: «Москва, 23 марта 1829 г.»

14. Иван Андреевич Крылов. «Подщипа». Шуто-трагедия в двух действиях в стихах. <Сочинена> 1800-го года в селе Казацком. Из библиотеки Коммунистической Академии, № 3360. Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Муз. № 6494. Рукопись 1830-х годов.

15. Иван Крылов. Трумф. Трагедия в двух действиях. Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Архив С. Д. Полторацкого, № 32/36. Бумага 1839 года.

16. Трумф. Шуто-трагедия. ЦГАЛИ. Фонд № 253, ед. хр. 7.

17. Крылов. Трумф. Шуточная трагедия. 1808. ИРЛИ, архив Ф. А. Витберга. Рукопись 1840-х годов.

18. И. А. Крылов. Трумф. Трагедия в двух действиях. ГПБ. Собрание отд. пост., 1929, № 666. В сборнике середины XIX века. Опубликован в 1859 году.

19. Трумф. Трагедия в двух действиях. Список середины XIX века. ЦГАЛИ. Фонд № 253, ед. хр. 6.

20. Трумф. Трагедия в двух действиях. <Автор не указан.> ИРЛИ, 50—5/37. Рукопись середины XIX века.

21. Иван Андреевич Крылов. Подщипа. Шуто-трагедия в двух действиях. <Сочинение> 1800-го года. В селе Козацком. Список второй половины XIX века. ГПБ. F. XIV. 61.[1]

Не дошедший до нас «старинный список» «Трумфа», принадлежавший А. И. Вессели, воспроизведен в отдельном издании: И. А. Крылов, «Трумф». Комедия в двух действиях. СПб., 1880.

Из этих списков до сих пор наибольшим авторитетом пользо-

---

[1] Выявлению списков «Трумфа» любезно оказали содействие: С. М. Бабинцев, О. Б. Билинкис, Г. Ф. Граменицкая, Л. М. Добровольский, Е. Н. Кузнецова, В. Д. Кузьмина и М. И. Малова.

вался № 5, в связи с убеждением, что в нем имеются собственноручные поправки автора. Таковых обнаружить нам не удалось, но тем не менее среди всех списков № 5 сохраняет особое положение, как имеющий хотя бы и минимальную, но авторизацию (подарок автора М. Е. Лобанову). Минимальность этой авторизации видна из того обстоятельства, что список № 5 содержит грубые и совершенно очевидные ошибки, оставленные невыправленными. По ряду соображений нами положен в основу текста все же список № 5. Исправления в нем сделаны: а) в заглавии и подзаголовке на основании безусловно достоверной записи в документах С.-Петербургского цензурного комитета: «Трумф. Святошная трагедия в двух действиях. Доставлена цензором г. Тимковским 9 января 1807 г. 62 стр.» (Позднейшая запись: «Г<осподину> подателю возвращена для поправки чрез ценсора г. Тимковского») (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 206152): б) в тексте на основании списков №№ 1—4, 6—21 и печатных сведений о не дошедших до нас списках.

Приводим перечень исправлений:

1) I. 36. Вместо «Наделал» в сп. № 5 — «Поделал». Исправлено на основании списков №№ 1—2. 4. 6—10. 12. 15—16 и 19.

2) I. 55. Вместо «в горелки» в сп. № 5 — «мы в жмурки». Основание: списки №№ 1—2. 4, 6—13. 15—16. 18—20.

3) I. 77/78. В сп. № 5 ремарка отсутствует. Основание: списки №№ 1. 6—12 и др.

4) I. 78. В сп. № 5 первоначально «мигрень». Эта же форма в списках №№ 2—4, 6. 11—12. В списках № 15 и 18 — «миндгень».

5) I. 91. Вместо «чин» в сп. № 5 — «сан». Основание: списки №№ 1—4. 6—13. 15—20.

6) I. 107. Вместо «много было б» в сп. № 5 — «много б было». Основание: списки №№ 3. 7 и 18.

7) I. 110. Вместо «сливки» в сп. № 5 (а также №№ 2. 4. 7—9, 11—12, 14—16. 18—20) — «слизни» (ошибочно из «сливки»). Основание: списки №№ 3 и 17 (в сп. № 1 «сливы» из «сливки»). В сп. № 10 — «рубцы», № 13 — «сказки», № 21 — «клецки». В сп. Веселли и др.— «сочни».

8) I. 121 и др. Вместо «фуй» в сп. № 5 — «фай». Основание: списки №№ 1. 7—10. 12 и 20.

9) I. 147—148. В сп. № 5 эти строки (как и в списках №№ 1, 3. 11. 14, 17 и 21) отсутствуют. В сп. № 2 они зачеркнуты. Основание: списки №№ 2. 4. 7—11, 13, 15—16. 18—20.

10) I, 174. В сп. № 5 «Уж там за двейю я иожом так сжай себя». Основание: списки №№ 1—2, 4, 6—7, 12—13. 15 и 18.

11) I. 188. В сп. № 5 «любезный» вместо «бесценный». Основание: списки №№ 1—3, 6—9. 11, 15. 17—18.

12) I. 203/204. В сп. № 5 ремарка отсутствует. Основание: списки №№ 1, 7, 9—12. 15, 18 и 20.

13) I. 208. В сп. № 5 вместо «узьи» — «еще й». Основание: списки №№ 1—3. 6—9, 11—12, 15, 17—18 и 20.

14) I, 214. Вместо «Да» в сп. № 5 «Но». Основание: списки №№ 1, 6—12. 15. 18 и 20.

15) I. 216. Вместо «Но менее ль тебе, скажи, злодей опасен?» в сп. № 5 «Но менее ль, скажи. злодей для нас опасен:». Основание: списки №№ 1—2, 6—9, 11—13, 15—16, 19—20.

16) I, 240. Вместо «искьенно» в сп. № 5 — «истинно». Основание: списки №№ 1—2, 7—9, 13, 15—16 и 19. В сп. № 10 «истенно» из «искіенно».

17) I. 252. Вместо «глядел» в сп. № 5 — «смотрел». Основание: списки №№ 1—3, 7—12, 15, 17 и 20.

18) I, 264. Вместо «вам велит» в сп. № 5 — «всем велит». Основание: списки №№ 1—2, 7—9, 11—12, 15 и 18.

19) I, 267 Вместо «слышь» в сп. № 5 — «знашь» (первоначально было «знать»). Основание: списки №№ 8—9 и 18.

20) I, 275. Вместо «небось, слышь, погоди, и с басурманом слажу» в сп. № 5 — «Небось, лишь погоди [и] *я* с басурманом слажу». Основание: списки №№ 1—2, 8, 10—11, 18, 20—21.

21) I, 296. Вместо «слышь» в сп. № 5 — «знашь» (первоначально «знать»). Основание: списки №№ 1—3, 7—12, 15, 17 и 20.

22) Ремарка после I. 298. Вместо «начинают» в сп. № 5 — «зачинают». Основание: списки №№ 3, 10, 18 и 21.

23) II, 2. Вместо «Ну, слышь ты, рад хоть в воду!» в сп. № 5 — «Ну, ну, рад, знашь, хоть в воду!» Основание: списки №№ 1—3, 7—13, 15—20.

24) II, 39. В сп. № 5 первоначально тоже — «тка» (затем — «ка»). Основание: списки №№ 1—3, 8—9, 11—12, 15 и 21.

25) II, 40. В сп. № 5 первоначально «поворожиться-тка», затем — «ка». Основание: список № 3.

26) II, 42. Вместо «Скажитка будто я, ну слышь ты, именинник» в сп. № 5 — «Скажи[т]ка будто я, ну знашь, ты, именинник». Основание: списки №№ 1—3, 7—12, 15, 17 и 20.

27) II, 43. Нами восстановлена первоначальная редакция этого стиха в сп. № 5, совпадающая со сп. №№ 2, 16 и 19. Ср. также списки №№ 8, 10, 12—13 и 15.

28) II, 57. Вместо «Скажи-тка — от тебя совета ожидаю» в сп. № 5 — «Скажи[т]ка, от тебя я свету ожидаю». Основание: списки №№ 8—10, 12, 15—16 и 18.

29) II, 60. В сп. № 5 ремарка отсутствует. Основание: списки №№ 1 и 18.

30) II, 61. В сп. № 5 ремарка у стиха 63. Основание: списки №№ 1 и 20.

31) II, 65. Вместо «Отворожи-тка нам отселе» в сп. № 5— «Отворожи-ка нам отсюда». Основание: списки №№ 1—2, 7—13, 15, 18

32) II, 69. Вместо «да всем» в сп. № 5 — «но всем». Основание: списки №№ 1—2, 7—12, 15 и 20.

33) II, 73. Ремарка в сп. № 5 отсутствует. Основание: списки №№ 1, 3, 7, 12, 17—18 и 20.

34) II, 109. Вместо «Пашоль тамой» в сп. № 5 — «Пошел, такой». Основание: списки №№ 3, 17 и 21.

35) II, 118. Вместо «лишь ворожила» в сп. № 5 — «проворожила». Основание: списки №№ 1—2, 7—12, 15 и 20.

36) II, 131. Вместо «до тебя» в сп. № 5 — «до того». Основание: списки №№ 1—2, 7—12, 15 и 20.

37) II, 147. Ремарка в сп. № 5 отсутствует. Основание: списки №№ 1—2, 7—12, 15, 18 и 20.

38) II, 152. Слово: «сиятейный» в сп. № 5 выпало. Основание: списки №№ 1—2, 7—12, 15, 18 и 20.

39) II, 161. Вместо «И впьявду я вить князь» в сп. № 5 — «И в подьинну я князь». Основание: списки №№ 1—2, 7—13, 15—16, 18—20.

40) II, 163. Слово «ась?» (в списках 7, 16 и 18 «ну») в списках №№ 1—3, 5, 8—13, 15, 19—21 выпало. Основание: сп. № 17. В сп. № 14: «Авось и стьюсит он».

41) II, 163/164, 166/167 и 169/170. Ремарка «особо» в сп. № 5 отсутствует. Основание: списки №№ 2, 7, 9—12, 15.

42) II, 178. Вместо «тепе» в сп. № 5 — «тебя». Основание: списки №№ 1—2, 7—8, 10—11.

43) II, 187. Ремарка в сп. № 5 отсутствует. Основание: списки №№ 2, 7—8, 10—12 и 20.

44) II, 203. Вместо «Так яссуди сама» в сп. № 5 — «Так яссуди ж сама». Основание: списки №№ 1—2, 7—12, 15, 18 и 20.

45) II, 234. Вместо «Так есть приказ» в сп. № 5 — «То есть приказ». Основание: списки №№ 1, 3, 7—12, 15 и 17.

46) II, 246/247. Вместо «вырывая у нее Слюняя и вынимая шпагу» в сп. № 5 «Вырывая у ней Слюняя». Основание: списки №№ 1—2, 7—12, 15, 18 и 20.

47) II, 275. Вместо «слышь» в сп. № 5 «знашь». Основание: списки №№ 2—3, 7—12, 15, 17—18.

48) II, 276. В сп. № 5 первоначально «жабот», затем «жабо». Основание: списки №№ 1—3, 11, 15 и 21.

Первая постановка «Трумфа» на профессиональной сцене состоялась в 1918 году.

Кубарь — детская игрушка, представляющая собой деревянный шар на ножке (род волчка). *Тактика* — руководство по военной тактике. В 1791—1792 годах вышло трехтомное издание: «Тактика, касающаяся до правильного устроения всех движений сухопутных войск при сражениях и повсюду, соч. г. Мирабо, фельдмаршалом Прусских войск, а на российском языке изданная Вистицким». *Рожечная кровь* — кровь, выпускаемая при помощи рожка (банки). *Ваперы* — (*франц.* vapeur) — истерика. *Фухтель* (*нем.* die Fuchtel) — палочный удар. *Нажимация* (*франц.* imagination) — воображение. *Вейновая* — очищенное хлебное вино, пенник. *Отымалки* — тряпки для вынимания из печи или снимания с тагана горшков, чугунов и кастрюль. *Пурганец* — слабительное. *Жабот* — (*франц.* jabot) — кружевные оборки у воротника мужской сорочки.

Ленивый. Впервые — в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук», т. VI, (СПб., 1869), под условным названием «Лентяй». Печатается по фрагментам автографа ГПБ, архив Олениных, № 748 (бумага 1800 года). Единственное свидетельство о пьесе принадлежит М. Е. Лобанову: «Иван Андреевич, еще прежде «Модной лавки», написал три действия комедии в прозе «Ленивый». Он читал ее в доме графа Чернышева. Замечательно, что герой комедии еще не являлся в продолжение первых трех действий, и неизвестно, в котором действии вывел бы его сочинитель. Чтение этой комедии принесло величайшее удовольствие слушателям, и

автор был осыпан похвалами; но мы не услышим ни одного слова из этого произведения; оно погибло невозвратно. Автор, уходя из дома графа, забыл измаранные свои тетради в прихожей, и, подражая герою своей комедии, или, лучше сказать, будучи сам образцом ему, долго не требовал ее; а когда потребовал, то узнал, что служители того дома, видя валяющиеся в прихожей измаранные бумаги, издержали их, до последнего листа, на обвертку свечей» (М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. СПб., 1847, стр. 45). На основании этого свидетельства восстанавливается подлинное название пьесы Крылова (ср. название связанной с ней по содержанию басни «Сонливый»). Однако указание Лобанова на прозаическую форму комедии до сих пор остается необъясненным. Содержание «Ленивого» отчасти было намечено уже в «Почте духов» (письма 29 и 36, в последнем из них фигурирует Лентул). Позднее Крылов вернулся к этой теме в наброске «Вить время-то не птица...»

ХРОНОЛОГИЯ НАПИСАНИЯ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА[1]

	До 18 мая	1788 г.	«Стыдливый игрок»
	» 17 августа	1788 »	«Судьба игроков»
	» 28 сентября	1788 »	«Павлин и соловей»
	» 26 октября	1788 »	«Не во-время гости»
1805 г.,	» 17 ноября		«Дуб и Трость»
1805 »	» 17 »		«Разборчивая Невеста»
1805 »	» 9 декабря		«Старик и трое Молодых»
	» 3 февраля	1807 »	«Крестьянин и Смерть»
	» 4 мая	1807 »	«Пустынник и Медведь»
1807 г.,	» 8 »		«Оракул»
1807 »	» 19 »		«Ларчик»
	» 17 января	1808 »	«Ворона и Лисица»
	» февраля	1808 »	«Лягушка и Вол»
	» 21 »	1808 »	«Лев на ловле»
	» марта	1808 »	«Обезьяны»
	» »	1808 »	«Музыканты»
	» »	1808 »	«Парнас»
	» мая	1808 »	«Волк и Ягненок»
	» июня	1808 »	«Стрекоза и Муравей»
	» июля	1808 »	«Орел и Куры»
	» 4 сентября	1808 »	«Муха и Дорожные»
	» 27 октября	1808 »	«Роща и Огонь»
	» 27 »	1808 »	«Мор Зверей»
	» 27 »	1808 »	«Два Голубя»
	» 27 »	1808 »	«Лев и Комар»
	» 27 »	1808 »	«Лягушки, просящие Царя»
	» 27 »	1808 »	«Петух и Жемчужное Зерно»
	» 27 »	1808 »	«Лев и человек»
	» 16 марта	1809 »	«Слон на воеводстве»
	» 16 »	1809 »	«Лисица и Виноград»
	» 25 марта	1809 »	«Слон и Моська»

[1] Даты установлены преимущественно по новым архивным данным.

До 18 июня 1809 г.	«Хозяин и Мыши»
» июля 1809 »	«Мешок»
» 28 февраля 1811 »	«Гуси»
» 28 » 1811 »	«Огородник и Философ»
» 28 » 1811 »	«Осел и Соловей»
» 8 марта 1811 »	«Откупщик и Сапожник»
» 8 » 1811 »	«Вороненок»
» 8 » 1811 »	«Подагра и Паук»
» 8 » 1811 »	«Квартет»
» 8 » 1811 »	«Крестьянин в беде»
» 8 » 1811 »	«Волк и Волчонок»
» 8 » 1811 »	«Обезьяна»
» 8 » 1811 »	«Крестьянин и Лисица» (III, 11)
» 8 » 1811 »	«Воспитание Льва»
» 8 » 1811 »	«Свинья»
» 8 » 1811 »	«Совет Мышей»
» 3 ноября 1811 »	«Листы и Корни»
» 3 » 1811 »	«Синица»
» 17 » 1811 »	«Червонец»
» 17 » 1811 »	«Ручей»
» 17 » 1811 »	«Орел и Паук»
» 17 » 1811 »	«Лжец»
Не ранее 1811 г.?	«Пир»
До 19 марта 1812 г.	«Кот и Повар»
Между мартом 1811 г. и июнем 1813 г.	«Демьянова уха»
До 16 августа 1812 г.	«Раздел»
1812 г., октябрь начало	«Пожар и Алмаз»
1812 » » »	«Волк на псарне»
1812 » ноябрь середина	«Обоз»
1812 » » »	«Ворона и Курица»
1812, декабрь? До 5 июня 1813 г.	«Щука и Кот»
» 5 » 1813 »	«Орел и Пчела»
» 5 » 1813 »	«Заяц на ловле»
» 5 » 1813 »	«Волк и Кукушка»
» 23 » 1813 »	«Лисица и Сурок»
1813 г., лето	«Водолазы»
1813 »	«Фортуна и Нищий»
1813 »	«Безбожники»
До 23 сентября 1813 г.	«Крестьянин и Змея». (IV, 13)
» 7 января 1814 »	«Бумажный Змей»
» 11 » 1814 » (не ранее 1801 г.)	«Тень и Человек»
До 11 января 1814 г.	«Лань и Дервиш»
» 11 » 1814 »	«Прохожие и Собаки»
» 11 » 1814 »	«Крестьяне и Река»
» 11 » 1814 »	«Лягушка и Юпитер»
Между июнем 1812 г. и 12 мая 1814 г.	«Клеветник и Змея»
До 12 мая 1814 г.	«Добрая Лисица»

До 12 мая 1814 г.	«Орел и Крот»
» 12 » 1814 »	«Дерево»
» 12 » 1814 »	«Крестьянин и Разбойник»
» 12 » 1814 »	«Лебедь, Щука и Рак»
» 12 » 1814 »	«Пруд и Река»
» 12 » 1814 »	«Чиж и Голубь»
» 12 » 1814 »	«Камень и Червяк»
» 12 » 1814 »	«Конь и Всадник»
» 12 » 1814 »	«Комар и Пастух»
1814 г., между 8 апреля и 12 мая	«Чиж и Еж»
1814 » » 14 » » 30 июня	«Троеженец»
1814 г., До 28 сентября 1814 г.	«Любопытный»
» 6 апреля 1815 »	«Бочка»
» 6 » 1815 »	«Вельможа и Философ»
» 25 мая 1815 »	«Крестьянин и Работник»
» 25 » 1815 »	«Лев и Барс»
» 25 » 1815 »	«Мартышка и Очки»
» 25 » 1815 »	«Осел» (I, 16)
» 25 » 1815 »	«Собачья дружба»
» 29 июня 1815 »	«Тришкин кафтан»
» 15 июля 1815 »	«Туча»
До 2 января 1816 г.	«Зеркало и Обезьяна»
» 2 » 1816 »	«Лиса-строитель»
» 25 февраля 1816 »	«Скворец»
» 25 » 1816 »	«Волк и Лисица»
» 25 » 1816 »	«Цветы»
» 25 » 1816 »	«Мирская сходка»
» 25 » 1816 »	«Волк и Журавль»
» 25 » 1816 »	«Собака»
» 25 » 1816 »	«Механик»
» 29 » 1816 »	«Госпожа и две Служанки»
» 29 » 1816 »	«Хмель»
» 29 » 1816 »	«Медведь у Пчел»
» 29 » 1816 »	«Рыцарь»
» 29 » 1816 »	«Крестьянин и Топор»
» 29 » 1816 »	«Волк и Пастухи»
» 29 » 1816 »	«Лев и Волк»
» 29 » 1816 »	«Собака, Человек, Кошка и Сокол»
» 29 » 1816 »	«Слон в случае»
» 29 » 1816 »	«Напраслина»
Не ранее 1815 г., до 29 февраля 1816 г.	«Фортуна в гостях»
До 29 февраля 1816 г., после января 1800 г.	«Мышь и Крыса»
Не ранее 1815 г., до 13 сентября 1816 г.	«Апеллес и Осленок»
До 28 октября 1816 г.	«Водопад и Ручей»
» 28 » 1816 », после 1811 г.	«Похороны»
До 2 января 1817 г.	«Кукушка и Горлинка»
» 2 » 1817 »	«Сочинитель и Разбойник»
» 1 июля 1817 »	«Пчела и Мухи»

До 3 июля 1818 г.	«Овцы и Собаки»
» августа 1818 »	«Крестьянин и Змея». (VI, 16)
Не ранее 24 марта 1817 г., до сентября 1818 г.	«Трудолюбивый Медведь»
До 5 декабря 1818 г.	«Алкид»
» 5 » 1818 »	«Гребень»
» 5 » 1818 г., после февраля 1816 г.	«Мот и Ласточка»
До марта 1819 г.	«Две Бочки»
» » 1819 »	«Колос»
» » 1819 »	«Лев и Лисица»
» » 1819 »	«Мальчик и Змея»
» » 1819 »	«Мальчик и Червяк»
» » 1819 »	«Медведь в сетях»
» » 1819 »	«Муравей»
» » 1819 »	«Осел и Мужик»
» » 1819 »	«Охотник»
» » 1819 »	«Пастух и Море»
» » 1819 »	«Пловец и Море»
» » 1819 »	«Скупой и Курица»
» » 1819 »	«Ягненок»
» 25 июля 1821 »	«Крестьянин и Овца»
» 25 » 1821 »	«Плотичка»
До 1824 г. (январь — июнь 1821 г.?)	«Рыбьи пляски»
» 1824 » » » 1821 » »	«Дикие Козы».
» 1824 » » » 1821 » »	«Две Собаки»
До 1824 г.	«Соловьи»
» 1824 »	«Булыжник и Алмаз»
» 1824 »	<«Купец и мыши»>
» 1824 »	«Волк и Мышонок»
» 1824 »	«Скупой»
» 1824 »	«Котенок и Скворец»
» 1824 »	«Ворона»
» 1824 »	«Лев состаревшийся»
» 1824 »	«Лисица и Осел»
» 1824 »	«Котел и Горшок»
» 1824 »	«Крестьянин и Змея»
» 1824 »	«Паук и Пчела»
Между ноябрем 1822 г. и январем 1824 г.	«Муха и Пчела»
» » 1822 » » » 1824 »	«Два Мужика»
» » 1822 » » » 1824 »	«Свинья под Дубом»
» » 1822 » » » 1824 »	«Мельник»
» » 1822 » » » 1824 »	«Голик»
» » 1822 » » » 1824 »	«Змея и Овца»
» » 1822 » » » 1824 »	«Вельможа и Поэт»
» » 1822 » » » 1824 »	«Прихожанин»
» » 1822 » » » 1824 »	«Кошка и Соловей»
» » 1822 » » » 1824 »	«Пестрые Овцы»
1823 г., июнь, 15	«Василек»
Не позднее 1827 г.	«Пушки и Паруса»

1828 г., между 15 мая и 1[illegible] июля	«Филин и Осел»
До 27 декабря 1828 г. (1826 г.?)	«Бритвы»
» 27 » 1828 » (1826 » ?)	«Купец»
До 27 декабря 1828 г. (в 1828 г.?)	«Бедный Богач»
» 27 » 1828 » » 1828 » »	«Мирон»
» 27 » 1828 » » 1828 » »	«Крестьянин и Лисица» (VIII, 15)
» 26 марта 1830 г.	«Щука»
До 26 апреля 1830 г. (не ранее 1826 г.?)	«Булат»
» 26 » 1830 » (1829 г.?)	«Лещи»
» 26 » 1830 » (1829 г.?)	«Три Мужика»
» 26 » 1830 » (не ранее 1829 г.?)	«Сокол и Червяк»
» 26 » 1830 » » » 1829 » »	«Лев, Серна и Лиса»
» 26 » 1830 » » » 1829 » »	«Кукушка и Орел»
» 26 » 1830 » » » 1829 » »	«Крестьянин и Лошадь»
» 26 » 1830 » » » 1829 » »	«Осел» (VIII, 13)
» 26 » 1830 » » » 1829 » »	«Собака и Лошадь»
» 26 » 1830 » » » 1829 » »	«Белка» (VIII, 4)
» 26 » 1830 »	«Лев»
» 26 » 1830 »	«Змея»
» 26 » 1830 »	«Волк и Кот»
1832 г., конец	«Пастух»
1832 » »	«Волки и Овцы»
1832 » »	«Белка» (IX, 2)
1833 г., начало	«Разбойник и Извозчик»
До 1 февраля 1833 г.	«Мыши»
До 1 » 1833 »	«Лиса»
1833 г.	«Лев и Мышь»
1833 »	«Крестьянин и Собака»
1833 »	«Два Мальчика»
1833 г., конец — 1834 г., начало	«Вельможа»
1833 » » 1834 » »	«Кукушка и Петух»
1834 г., начало	«Два извозчика»

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* В указатель, кроме заглавий, включены первые строки басен и стихотворений.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

БАСНИ

БАСНИ В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Книга первая

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Книга вторая

Книга третья

Книга четвертая

Книга пятая

Книга шестая

Книга седьмая

Книга восьмая

Книга девятая

БАСНИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ДЕВЯТЬ КНИГ

Шуточные басни

Отрывки и наброски басен

Басни, принадлежность которых Крылову не доказана

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЬЕСЫ В СТИХАХ

ПРИМЕЧАНИЯ

И. А. Крылов. Стихотворения

Редакторы *А. Западов* и *И. Серман*

Художник *И. Серов*

Худож. редактор *М. Новиков*

Техн. редактор *С. Брусиловская*

Корректоры *В. Вишнякова* и *П. Суздальский*

Сдано в набор 8/IX 1954 г. Подписано к печ. 20/XII 1954 г. М 59524. Бумага 84×108/32. Печ. л. 43,25 (35,47). Уч.-изд. л. 25,67. Тираж 25000. Цена 14 р. 20 к. Заказ № 1943.

Ленинградское отделение
Издательства „Советский писатель“
Ленинград, Невский пр., 28.

Типография № 2 Ленгорполиграфиздата.
Ленинград, Социалистическая ул., 14.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*	*По чьей вине*
84	6 сн.	объяснения	объявления	Составителя
163	8 св.	Втащилися	Встащилися	Корректора
338	14 сн.	и ржавчине	и в ржавчине	Составителя
472	8 св.	во блистаньях	в облистаньях	Редакции
545	5 »	какая	такая	»
546	3 »	убьет до	убьет ее до	Составителя
621	1 »	Крестьян	Крестьянин	Корректора

И. А. Крылов